

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Земное притяжение
Селфи с судьбой

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова
**Земное притяжение.
Селфи с судьбой**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Земное притяжение. Селфи с судьбой / Т. В. Устинова —
«Эксмо», 2018 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-04-180610-1

«Земное притяжение» Их четверо. Летчик из Анадыря; знаменитый искусствовед; шаманка из алтайского села; модная московская художница. У каждого из них своя жизнь, но возникает нештатная ситуация, и эти четверо собираются вместе. Точнее – их собирают для выполнения задания!.. В тамбовской библиотеке умер директор, а вслед за этим происходят странные события – библиотека разгромлена, а за сотрудниками явно кто-то следит. Что именно было спрятано среди книг?.. И отчего так важно это найти?.. «Селфи с судьбой» В магазинчике «Народный промысел» найдена задуманной богатая дама. Она частенько навещала в село Сокольничье, щедро жертвовала на восстановление колокольни и пользовалась уважением. Преступник – местный пьянчужка – задержан по горячим следам... Профессор Илья Субботин приезжает в село, чтобы установить истину. У преподавателя физики странное хобби – он разгадывает преступления. На него вся надежда, ибо копать глубже никто не станет, дело закрыто. Эта история о том, что рядом всегда есть люди, с которыми можно разделить все на свете, и они придут на помощь, даже если кажется, никто уже не поможет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180610-1

© Устинова Т. В., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Земное притяжение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Татьяна Витальевна Устинова
Земное притяжение
Селфи с судьбой

© Устинова Т.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Земное притяжение

– Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ!..

На «границах» связка ключей вывалилась из замка и брякнулась под крыльцо. Замок закачался на дужке.

– Что такое!.. – Светлана Ивановна, только что бодро гудевшая себе под нос «Марш авиаторов», подивилась на замок, перегнувшись через перила и стала шарить глазами. Вон она, связка-то!.. Ишь ты, далеко ускакала!..

Светлана Ивановна спустилась с крыльца – доски поскрипывали, – подобрала ключи, нацелилась было на замок и тут только сообразила, что он открыт!.. Выходит, директор уже на месте, раньше неё прибыл, неслыханное дело!..

...Позвольте, как – на месте? Если замок в петли продет и на одной дужке болтается? Что ж это, директор дверь отпер, сам подался куда-то, а всё библиотечное хозяйство нараспашку оставил? На одну дужку только и прикрыл?

Светлана Ивановна заволновалась, заторопилась, крыльцо под ней заходило ходуном. Она отцепила замок, пристроила его на всегдашнее место – на гвоздик с правой стороны, – распахнула дверь. Изнутри сразу потянуло запахом пыли и старых книг.

– Пётр Сергеевич, вы здесь?.. Или где?

Никто не отозвался.

Библиотекарша кое-как подпёрла обшитую старым дерматином дверь цветочным горшком с геранью. Дверь осенью подпирали старинным чугунным утюгом, должно быть, в полпуда весом, а вот весной – горшком с геранью.

Неладное началось сразу же. Под ноги Светлане Ивановне как будто текла бумажная река. Библиотекарша ахнула и прижала к груди гигантскую клеёнчатую сумку.

Река состояла из газет и журналов, и все они были измяты, словно истоптаны, ими был услан весь пол в коридоре, так что даже ковровой дорожки не видно.

– Батюшки светы, – пробормотала Светлана Ивановна, и подбородок у неё задрожал, и дыхание сбилось.

В карманчике сумки она нашарила лекарство, выдавила крохотный красный шарик и кинула под язык.

Ступая по бумажной реке, она осторожно заглянула в «абонемент» и зажмурилась от ужаса – здесь всё было вверх дном, все книги вытащены, выворочены, как будто их били и насиловали. Стеллажи, без книг похожие на скелеты, сдвинуты с места, даже цветочные горшки опрокинуты!..

– Батюшки, – повторила Светлана Ивановна и подумала: хорошо бы сейчас упасть в обморок, но падать в обморок она не умела.

Тело человека, лежащего на полу позади стола с выдвинутыми и выпотрошенными ящиками, показалось ей не таким уж страшным.

Оно *должно было* там лежать, и оно *лежало*.

– Пётр Сергеевич, – позвала Светлана Ивановна и наклонилась над телом. – Петя!.. Что с тобой? Зачем ты здесь лёг?

Было совершенно очевидно, что директор библиотеки ничего и никогда не сможет ей ответить, что это даже и не директор, а то, что от него осталось, – пустая оболочка, не нужная больше и не слишком на директора и похожая!..

Светлана Ивановна сделала неловкое судорожное движение, и из её гигантской сумки на тело посыпались ручки, кошелёк, дурацкое зеркальце с картинкой на крышке, глазные капли, пузырёк тёмного стекла, полоска пластыря, скатанные в нейлоновый узелок запасные носки.

Она кинулась их собирать, а из сумки всё продолжало сыпаться, и когда она горячей потной ладонью случайно коснулась руки Петра Сергеевича, оказалось, что та холодна и тверда.

– Всё, – сказала Светлана Ивановна и ощупью села на стул. – Вот и всё.

... На «Скорой» приехал молодой, бесцеремонный фельдшер, который всё болтал по телефону и на вопросы только махал рукой – вы что, мол, не видите, я занят, – а как глянул на тело, так весь позеленел и выскочил в палисадник, а Петра Сергеевича на носилки погрузили щетинистые похмельные санитары и понесли неловко, неумело.

– Тихо там, уроните его! – закричала на санитаров Светлана Ивановна, а Галя всхлипла.

– Да ему уж без разницы, мамаша, – отозвался один из похмельных.

Участковый Игорёчек, которого по молодости лет только так и звали, растерянно бродил по бумажному морю и бормотал себе под нос, что сейчас подъедет начальство, а пока не подъедет, трогать в библиотеке ничего нельзя. Под окнами переговаривались и курили сбежавшие соседи – библиотека имени Новикова-Прибоя располагалась в «частном секторе», кругом сплошь сады и в глубине садов – деревянные дома под железными крышами.

– И ведь как знал, как знал, – повторяла Светлана Ивановна. Крохотные красные шарики – лекарство – больше не помогали, она тяжело, прерывисто дышала, и в груди как будто паровой молот стучал – бух, бух. – Он ведь мне сколько раз говорил: если я раньше тебя помру, сделай милость, позвони в Москву, сообщи там... Он же сам-то московский!

– Да-а-а, – тянула Галя и всхлипывала.

– Что да, ну что да-то, ведь он молодой совсем мужик! – через силу говорила Светлана Ивановна. – В прошлом году юбилей справляли, пятьдесят лет, разве ж это возраст!.. Я над ним смеялась, бывало: ты, Петь, на моих похоронах простудишься!

– Так он не сам себя, Светланочка Ивановна, его ведь... убили, да? Ведь убили?..

Старая библиотекарша махнула на Галю рукой.

Во дворе зафырчала санитарная машина, зачем-то наддала сиреной, Светлана Ивановна схватилась за сердце.

– Галя, поищи там в сумке телефон-то. Надо звонить, раз покойный приказывал. Господи, это ж не произнести даже, Пётр Сергеевич наш – покойный! А ещё очки и записную книжечку. Поищи там, Галя...

Очки и записная книжка оказались в сумке, а телефон валялся на полу под столом.

Светлана Ивановна нацепила очки, долго, ничего перед собой не различая, листала книжечку – из неё выпадали какие-то бумажки, Галя их все поднимала и складывала себе на колено.

– Ну вот. Петиней рукой записано. Известить Раису Васильевну Горбухину. И телефон, московский, должно быть. Четыреста девяносто пять впереди – это же Москва?

Галя пожала плечами.

Светлана Ивановна так же долго набирала номер, а когда в трубке длинно загудело, изо всех сил выпрямилась и закаменела.

– Раиса Васильевна Горбухина? Это вам из Тамбова звонят. У нас беда случилась. Пётр Сергеевич велел в случае несчастья вам первым делом сообщить, вот я и сообщаю...

Генерал положил трубку, посидел неподвижно, а потом, не зная куда девать руки, пристроил их на затылок.

Известие было до крайности неожиданное и... неприятное. Произошло нечто, чего произойти никак не могло, по опыту он знал, что так не бывает.

– Не бывает, – громко сказал генерал и в кабинетной тишине не узнал собственного голоса, – так не бывает, но так есть.

Он совершенно точно знал, что нужно делать, но всю жизнь был уверен, что делать этого не придётся никогда. Генерал не боялся – он вообще в жизни почти ничего не боялся, – но для того, чтобы приняться за дело, следовало собраться с духом, а у него пока не получалось.

...Что там могло произойти? Что пошло не так?..

Глупо и непрофессионально было спрашивать себя – он не знал никаких подробностей, ничего не видел своими глазами и понимал, что не увидит, – но всё же спрашивал.

...В чём он мог ошибиться? Чего не учёл? Что рассчитал неправильно?..

Оттолкнувшись, он мягко покатился в кресле, упёрся руками в подоконник и посмотрел на улицу. Небо нависло над Москвой, навалилось снеговой чернотой тучей, и от её тяжести трудно было дышать.

– Я не знал, что так получится, Петь, – сказал генерал и опять не узнал собственного голоса. – Да что я, не обо мне речь! Ты-то куда смотрел?! Что ты мог пропустить?!

Тут он понял, что немедленно должен выпить, мельком глянул на часы – оказалось, что времени всего-ничего, одиннадцать утра, – прошагал к буфету, набулькал в тяжёлый стакан виски, много, почти половину, и выпил в два длинных глотка.

Больше сделать ничего было нельзя.

Он вернулся к столу, снял трубку, помедлил и нажал кнопку.

– Собирайте группу, – приказал он. – Код оранжевый.

Там, похоже, не расслышали, потому что ему пришлось повторить:

– Оранжевый!

Ну, вот и всё. Теперь от него ничего не зависит.

Твёрдой рукой он закрыл дверцу буфета, сунул пустой стакан на столик – потом уберут, унесут, – походил по кабинету, уселся в кресло и принялся смотреть на Москву. Ветер ломился в окна, в разные стороны гнал по стёклам неровные дрожащие ручьи. Под дождём город казался съёжившимся, спрятавшимся под железные мокрые крыши.

– Всё выше, и выше, и выше, – пробормотал генерал себе под нос, – стремим мы полёт наших птиц...

С утра Хабаров власть поругался в диспетчерской с самим Нечитайло, да так, что волоокая Томка, сидевшая и за секретаря, и за помощницу, и за подавальщицу, хотя числилась сотрудницей погранслужбы, выскочила из своей каморки на улицу в одном кителе.

– Шинель накинь! – закричал на неё дежурный офицер. – Холод собачий и ветер штормовой! Куда несёшься!?

– Туда. – Проламываясь через турникет, Томка показала подбородком на улицу. – Я тоже человек! Я ихнюю цветомузыку больше слушать не желаю!

Дежурный проводил её глазами.

На улице ветер ударил так, что девушка покачнулась, схватилась обеими руками за поручень. Длинные чёрные волосы, которыми гордился и любовался весь ГВФ и военные заодно, сами собой поднялись и встали дыбом. Китель, застёгнутый на одну пуговку, распахнулся, затрепыхался, надулся, его почти сорвало.

– От шальная баба!

Дежурный выбрался из-за стола, с усилием распахнул дверь и, почти падая на ветер, втащил Томку в стеклянные сени.

Она захлёбывалась и таращила дикие глаза.

– Ты первый день в Анадыре, что ли, я не пойму?! Сказано – ветер! Нет, понеслась! Мата больше слышать она не может! Стой тут, раз ты такая нежная, тут его не слышать, мата!..

– Вот у меня где этот ваш мат! – Томка, тяжело дыша, попилила рукой по горлу. Другой она яростно заправляла за пояс вырванную ветром блузку. – В ушах вязнет, и день, и ночь одно и то же, как будто по-людски разговаривать нельзя!

– А сама-то чё? – осведомился дежурный, возвращаясь за стол. – Не материшься, голубица?

В кабинете Нечитайло уже доругивались, голоса звучали потише, поспокойнее, понятно было, что спорщики устали и ни до чего не договорились.

Хабаров напоследок послал Нечитайло с его горючкой и мелкой бюрократической душонкой подальше, вывалился в коридор, саданул дверь и закурил.

– У нас тут не курят, – сказал дежурный и захохотал, – постановление правительства и Государственной думы.

Хабаров Думу и правительство тоже послал, но не так размахисто и цветисто, как Нечитайло. Докурил, загасил окурки о подошву и швырнул в угол.

– Если кому понадобится, я в бильярдной! – рявкнул он. – Хоть шары погоняю, чем с такими... с вами... разговаривать!..

– А чего такое-то?

– А ничего, твою мать! Мне в Эгвекино идти, а у него по горючке лимиты!..

– Куда идти, ветер тридцать метров в секунду и поперёк полосы!

– Да пропадите вы все пропадом! – опять во всю силищу заревел Хабаров. – У этого лимиты, у того ветер! Метеослужба прогноз дала – к вечеру уляжется! А там больных трое! И ребёнок!.. Он чего тебе, ждать должен, когда эта гнида мне горючку подпишет?!

– Лёша, – тихонько сказала нарисовавшаяся возле стола Тома, – хочешь, я тебе чайку заварю? У меня плиточный есть, тундровый, ты же любишь...

Мужики на неё оглянулись. Она уже была вся прибранная, аккуратная, глаза держала долу, пальчики крутили железную пуговку на кителе – диво дивное!..

– Да не надо мне ничего! Мне работать надо, вы это понимаете?!

– Лёш, сало есть, настоящее, домашнее. Бабушка прислала. У них в Калаче дом свой, и куры, и кабанчик... Бутербродов могу наделать.

– Мне сделай! – вскинулся дежурный, и лицо у него стало умильным. – Я знаешь как сало люблю?!

Хабаров махнул на них рукой и широким шагом двинул по коридору.

Дверь в кабинет Нечитайло приоткрылась, из неё вылетел реглан и приземлился на стулья, стоявшие вдоль коридорной стены. Тома подбежала, подхватила реглан и бросилась за Хабаровым.

– Бутербродик сделаю, да, Лёш? И чайку? Послаще, ты ж любишь сладко чтоб!..

Хабаров принял у неё реглан, продел руки в рукава и вдруг усмехнулся:

– Калач – это чего такое?

– Так город такой, Лёша!.. – затараторила Тома. – Калач-на-Дону, я сама с Волгограда, а бабуля с дедулей у нас в Калаче живут, и дом у них там, и сад, и чего только нет...

– Надо же, – себе под нос сказал лётчик Хабаров, – не знал я такого города!

Тома проводила его глазами. Они были ласковые, правдивые, говорящие так откровенно, что дежурный крякнул и отвернулся.

Она дошла до двери в кабинет, оглянулась, но никакого Хабарова уже не было. Она обласкала взглядом его невидимый след, вздохнула и вошла. Оттуда сразу же донеслось недовольное бухтенье Нечитайло, впрочем, вскоре стихшее.

Дежурный покрутил головой и ещё раз крякнул огорчённо – все, вот как есть до одной бабы сохнут по летунам, что в них такого?! Разве что регланы, но в управлении все в регланах, не только летуны! За что же им-то бабья любовь достаётся?!

Ветер улётся так же внезапно, как и налетел, словно и не было его – как всегда, в Анадыре. Хабаров, изнемогший от стуканья бильярдных шаров, смачных анекдотов – ни одного нового, все наизусть давно выучены, – махорочного дыма и плиточного чая, похожего на микстуру, ушёл на полосу.

«Аннушка» на привычном месте показалась ему неожиданно весёлой, а Хабаров думал увидеть её грустненькой – ведь на них обоих с утра пораньше наорал потный Нечитайло!.. Солнце играло на плоскостях, а когда Хабаров вышел из плотной тени диспетчерской, отразилось от стекол кабины и брызнуло в глаза так, что пришлось махом нацепить на нос тёмные очки.

Движок зачехлён, растяжки укреплены, чтоб ветрами самолётик не сдуло в Анадырский лиман, и эти растяжки как будто подтверждали – никуда вы сегодня не полетите, так и будете на приколе торчать!..

Внизу что-то мелькнуло, руку в перчатке как подбросило – Хабаров знал, что это означает. Это означает, что беспородный аэродромный пёс Марат прибежал поздороваться.

– Здорово-здорово, – сказал Хабаров и почесал Марата за ухом.

Марат неистово крутил хвостом, словно пропеллером, и снова и снова подбрасывал руку Хабарова – соскучился.

– Всё выше, и выше, и выше, – напевал Хабаров и в такт гладил пса по голове, – стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ!..

От ангара подошёл техник в синей тёплой куртке и ватных штанах. Поговорили о Нечитайло и проклятых лимитах, о прогнозе на завтра, о том, что в Доме офицеров вечером новое кино, а после танцы. Это самое новое кино Хабаров видел на Большой земле прошлым летом, но не стал огорчать техника.

– Чего ты маешься, Алексей Ильич? Штатно на Эгвекинот в пятницу пойдёшь, авось и погода, и керосин будут!..

– Авось, – согласился Хабаров.

Странное чувство, будто что-то должно вот-вот произойти и ему не придётся в пятницу «штатно» идти на Эгвекинот, вдруг совершенно определённо сформировалось в голове, и Хабаров даже по сторонам оглянулся, проверяя.

Вокруг всё было привычное, давно изученное, ничего нового.

– А я в пятницу с утра движок погоняю, – продолжал техник, – застоялась машинка наша!..

Аэродромный пёс Марат притащил из ангара древний футбольный мяч со спущенной камерой и вмятиной на боку, положил Хабарову под ноги. Тот прицелился как следует, поддал, мяч закрутился, полетел. Марат пританцовывал от нетерпения, а потом бросился ловить.

Лётчик и техник проводили его глазами, а потом техник рассказал анекдот – не просто с бородой, а прямо с сивой бородицей! – и тут уж Хабаров сказал, что знает этот анекдот ещё со времён Качинского лётного училища, и уже тогда он был старым, как мир.

Техник, буркнув: «Ну и пожалуйста», – ушёл, а Хабаров ещё несколько раз кинул Марату мяч.

...Что-то должно случиться. Сегодня. Прямо сейчас.

– Марат, давай, тащи мяч! Ну?! Где ты его бросил?

Ухо уловило отдалённый рокот, нараставший стремительно, из-за сопки вынырнул самолёт – он шёл на малой высоте, заходил от дальнего привода, как будто собирался садиться.

Хабаров спущенным мячом загораживался от солнца, пытался рассмотреть опознавательные знаки.

Рокот двигателей накрыл его, Марат залаял – неслышно из-за грохота, – и на бетон метрах в ста от Хабарова упал какой-то предмет.

Самолёт сделал круг над аэродромом, стал набирать высоту и пошёл в сторону сопки.

От ангара бежали техники.

Хабаров некоторое время смотрел вслед самолёту, а потом тоже побежал и подобрал предмет. Это был небольшой брезентовый свёрток, упакованный по всем правилам.

– Мужики, кто засёк, чей борг? Откуда он вывалился-то?! Не, вы видали?! Его ж не было, а с утра по штормовому ни одного борга не выпустили! С той стороны он пришёл! Да из-за сопки шёл, я его на подлёте срисовал!

Техники говорили все разом, и Марат время от времени взлаивал.

– Лёша, чего он сбросил-то? Ты видел?

Хабаров сунул пакет в карман и там, в кармане, придерживал его рукой.

– Видел, – сказал он себе под нос.

... Вот тебе и штатный рейс на Эгвекинот в пятницу!

– Я на вышку, – заявил Хабаров и махнул рукой в сторону КДП. – Бывайте, мужики!..

– Да ладно тебе, Лёха, чего там, в пакете?! Золотой запас? Куда ты понёсся-то?!

Стремительно удалявшийся Хабаров оглянулся и махнул рукой. Пёс Марат подумал и кинулся за ним.

– Какая-то удивительная для апреля погода, правда? – спросила дама, сидевшая так, чтобы видеть море.

Она сидела уже давно, не читая и не разговаривая по телефону, только смотрела и время от времени маленькими глотками отпивала кофе.

Макс покосился на неё. Он не любил, когда посторонние с ним заговаривали.

Дама целиком и полностью соответствовала месту, где они находились. В старом отеле на самом берегу моря Макс обедал каждый четверг. В ресторане было слишкомлюдно, и еду ему приносили сюда, в просторный тихий мраморно-бронзовый лобби-бар, всеми окнами выходящий на море. Он всегда садился лицом к высокому окну, и официант непременно отдёргивал белую тонкую штору.

В лобби-баре, да и во всём отеле чувствовался сдержанный шик, не новомодный, напоказ, а как полагается – старинная мебель, картины, правильно истоптанные мраморные плиты на полу, камин, в который для запаха подкладывали кипарисовое полено. Хрустальные люстры, от времени чуть серые в глубине, как осевший к весне сугроб, едва теплились, сочились приятным спокойным светом.

Как правило, здесь было мало людей, и они никогда не заговаривали друг с другом!..

– Впрочем, – продолжала дама, – погоду в Прибалтике предсказать невозможно. Особенно весной.

Макс подумал, не промолчать ли и на этот раз, но всё же ответил:

– Согласен с вами.

И вновь зашуршал газетой. Он принципиально узнавал новости исключительно из газет – не из интернета или телевизора. С каждым годом достать газеты становилось всё труднее, но для Макса доставали.

– Вы здесь отдыхаете? – продолжала дама. – В Калининграде?

– Я здесь живу, – признался Макс.

Дама взглянула на него.

– Не похоже.

– И тем не менее.

... Лет ей может быть сколько угодно – тридцать восемь или пятьдесят пять. Одета стильно и без всякого вызова. Бриллианты в ушах и на пальце, как раз подходящие для обеденного времени – не слишком крупные и не слишком мелкие. Маленькая сумочка наперекор моде – в моде как раз огромные, – совсем не новая, Джейн Биркин гордилась бы, что сумочка с её именем носится годами.

Прекрасно, решил Макс и уставился в газету.

Там некий журналист, постоянно ссылаясь на свой блог, рассуждал о скором крахе, конце времён, финишной прямой цивилизации. Макса всегда развлекали такие рассуждения.

– Принесите мне еще кофе и, пожалуй, лимончелло, – сказала дама подошедшему официанту.

– Мне тоже кофе, газированный воды, лёд и лимон, – распорядился Макс и столкнулся с ней взглядом.

...Ей что-то от меня нужно. Просто так она не отстанет.

– Вы же Макс Шейнерман, – подтверждая его мысли, констатировала дама. – Правильно?

– Абсолютно. Мы знакомы?..

Она улыбнулась. Зубы, как ни странно, у неё были свои, не пластмассовые.

– Всякий, кто так или иначе интересуется искусством, знает, как выглядит Макс Шейнерман.

– Спасибо.

Она едва заметно повела плечами:

– Это не комплимент, а чистая правда. Меня зовут Елизавета Хвостова. Я коллекционирую Льва Бакста.

Макс улыбнулся:

– Исключительно Бакста?

– Среди прочих, – быстро ответила Елизавета Хвостова. – Вы самый авторитетный специалист по художникам из «Мира искусства», и сам Бог мне вас послал.

Макс покосился на газету с рассуждениями о крахе цивилизации, вздохнул, отложил её и сделал слушающее лицо.

– Мне показали чудный портрет, – начала дама, – совершенно роскошный и в превосходном состоянии! Специалисты утверждают, что это Бакст, девятьсот второй год.

– Чей портрет?

– Графини Келлер.

Макс удивился:

– Портрет графини Келлер очень хорошо известен, это действительно Лев Самойлович Бакст и действительно тысяча девятьсот второй год, хранится он в Зарайске, в музее «Зарайский Кремль». Ну, если не похищен, конечно, но мне об этом ничего не известно.

– Вы правы, – сказала дама, – но мне удалось узнать, что было написано два портрета. Два! Один действительно в музее, а вот второй остался в частной коллекции и сейчас продаётся.

– Два портрета графини Келлер?! – Макс был поражён. – И один из них в частной коллекции?

– Да, да.

Принесли кофе, и они молчали, покуда официант неслышно расставлял на столах чашки и стаканы. Море – зелёное, лохматое, ледяное – бухало в гранит набережной. Там, где на него падало солнце, оно было почти изумрудным, а в тени – малахитовым, в черноту. По набережной прогуливались пары, катились на велосипедах дети, фотографировались девицы с развевающимися волосами.

– Помогите мне с этим портретом, господин Шейнерман, – попросила Елизавета Хвостова, когда официант отошёл. – Разумеется, все экспертизы будут проведены самым тщательным образом, но мне необходимо ваше мнение.

– Могу высказать своё предварительное мнение. История совершенно невероятная.

Дама в упор посмотрела на него.

Щёголь, фронт. Костюм сшит на заказ, к креслу прислонена трость – вот как!.. Красавец – тёмные волосы, яркие глаза, резко очерченные скулы, выразительный нос. Никакой славянской неопределённости и размытости черт. Всё искусно вылеплено, как будто тоже сделано на заказ!.. Заказывая себе лицо, вряд ли можно получить лучше, чем это. Неожиданно молод,

на фотографиях выглядит старше. Держится снисходительно, но насторожен, впрочем, так и должно быть.

Макс дал ей себя изучить. Он был заинтригован.

– Частная коллекция, о которой вы говорите, находится в Москве?

Елизавета качнула головой:

– Нет, в Париже.

– Удивительное дело, – пробормотал Макс.

– Если вы согласитесь дать заключение, все расходы я, разумеется, возьму на себя – перелёт, отель, пребывание. У вас сейчас есть время?

Он засмеялся и уточнил:

– Мы уже договариваемся?

– Послушайте, вы эксперт с мировым именем!.. Я никогда не заполучила бы вас, если бы мы сегодня не столкнулись в этом... милом местечке. Я здесь пробуду ещё два дня, у меня короткий отпуск, и я стараюсь всегда бывать весной в русской Прибалтике. Потом улечу в Москву, а оттуда в Париж.

– Всё это замечательно, – сказал Макс, – но я на самом деле работаю только по рекомендации. Кого из искусствоведов вы знаете? Может быть, кураторов?

– Разумеется, многих! – воскликнула Елизавета нетерпеливо. – Если хотите, я составлю список и пришлю вам на почту.

– Если имеется в виду электронная, то у меня её нет. Я не пользуюсь подобными средствами связи.

– Почему?..

Он пожал плечами:

– Не люблю. С вашего разрешения... – Макс поднялся, нащупывая в кармане портсигар. – Я вернусь через пять минут.

На набережной было ветрено и солнечно так, что пришлось зажмуриться. Море било как будто в ноги – ба-бах, ба-бах! – а потом шуршало по камням, отступая. Ветер закинул за плечо галстук, растрепал волосы. Макс взялся обеими руками за перила и посмотрел в воду.

...Невероятная история! Два портрета графини Келлер, один из них в Париже!.. Фамилия Хвостова ничего ему не говорила, а всех более или менее значимых коллекционеров Макс знал в лицо, по номерам телефонов и по именам жён! Впрочем, нынче каждую минуту, как из воздуха, возникают новые коллекционеры и знатоки, которых завтра не будет, и их наспех собранные коллекции станут так же наспех распродаваться.

...Новый Бакст – это интересно.

Решив, что курить не станет, он не спеша поднялся по широким ступеням – швейцар распахнул перед ним дверь, – уселся на своё место и сказал Елизавете, что подумает над её предложением, но рекомендации всё же необходимы.

– Как вы осторожны! – воскликнула Елизавета, не слишком им довольная.

– Опыт, – развёл руками Макс. – Я тратил бы уйму времени впустую, если бы работал без рекомендаций.

Подошёл официант и почтительно положил перед ним визитную карточку.

– Просили передать.

Макс посмотрел на карточку. Подумал немного и перевернул её. На обратной стороне были написаны две буквы и цифра. Макс спрятал карточку в нагрудный карман.

...Какой сегодня странный день.

Он допил воду, спросил счёт и велел принести пальто.

– Итак? – спросила Елизавета Хвостова.

– Итак, до завтра, – любезно откликнулся Макс. – Я заеду сюда специально в это же время, вы укажете мне людей из мира искусства, с которыми вы знакомы, и я с ними свяжусь. Вот и всё. Это будет наш первый шаг.

Она кивнула и опять стала смотреть на море.

Очень хороша!.. И загадочна. Жаль, что из совместного изучения неизвестной работы Бакста ничего не выйдет, и мы больше никогда не увидимся.

Макс облачился в пальто, сунул под мышку трость, кивнул официанту и неторопливо пошёл по набережной.

– Всё выше, и выше, и выше, – напевал он себе под нос, – стремим мы полёт наших птиц...

В очаге горел огонь, дым вился вокруг столба и уходил вверх под почерневшую крышу в специальное отверстие, которое никогда не закрывалось. На лавках в левой женской половине сидели перепуганные женщины и дети в тёплых куртках и брюках, хотя топились с утра и в аиле было тепло.

Самая молодая, с жёлтым от загара лицом и узкими чёрными глазами, качала на руках младенца. Младенец заходился от крика, выгибал спину, как будто стремился вырваться из тесного кулька, в который был запелёнут.

От страха молодая женщина говорила только по-алтайски, и Джахан не всё понимала.

– Два дня криком кричит, – переводила про себя Джахан. – Не ест. Вчера воды попил с сахаром, а сегодня не пил. Огнём горит. Лесной дух вселил в него болезнь. Я к матери его повезла в деревню через перевал. А на перевале баловался кто-то. Из поджиги стрельнул, близко. Лошадь смиренная, а тут испугалась, шарахнулась. А у меня ребёнок за спиной привязан. Я её удерживать, а тут опять стрельнули. И не помолилась я на перевале, ленточку не повязала! Не попросила разрешения дальше идти. А на другой день он заболел.

Джахан взяла у неё из рук потного, извивающегося ребёнка, положила на деревянные доски стола и стала разворачивать. Ребёнок кричал и выгибал спину.

– Соседи сказали, ты лучшая лекарка. На тебя вся надежда. Поговори с духами, попроси, чтобы простили моего сына, не виноват он, я виновата, я возле бурхана не остановилась!.. Соседи сказали, ты единственная, кто ещё умеет с духами разговаривать.

Женщины на лавках загомонили и закивали, подтверждая: Джахан – последняя надежда.

Ребёнок был завернут в несколько одеял, изнемогал от жара, и первым делом его следовало напоить.

– Только не говори, что в больницу надо, – продолжала мать, и слёзы вдруг полились у неё из глаз. – Как туда попасть, в больницу? Самая распутица, и муж на лодке на промысел ушёл. Свекровь сказала, живым из больницы сын не вернётся. Не разрешает она в больницу. Поговори с духами, лекарка. Мы в долгу не останемся, только умоли их!.. Чтоб болезнь сына отпустила.

Ребёнок, освобождённый от одеял и изнемогший от крика, немного притих и теперь лишь обессиленно плакал, скулил, как щенок.

Джахан сняла со стены бубен – женщины в одну секунду как по команде затихли, и дети смолкли, стало слышно, как потрескивает, рассыпаясь, уголь в очаге, как булькает вода в алюминиевом чайнике.

Джахан закрыла глаза, тихонько потрясла бубном. Бубен зашелестел ей в ответ, и стало ещё тише. Младенец всхлипнул и опять заскулил:

– У-у-у, у-у-у...

Джахан равномерно трясла бубном, постепенно и очень медленно приближаясь к столу, на котором лежал младенец, по-особенному ставя ноги, как будто танцую. Бубен бил всё громче. Джахан стала подпевать бубну, звук шёл даже не из горла, а как будто из глубины тела, низкий, утробный.

Приблизившись окончательно, Джахан стала бить в туго натянутую кожу бубна прямо над головой ребёнка. Время от времени она обводила бубном вокруг, и создавалось впечатление, что в полутьме аила за ним тянется огненный след.

Танец и пение оборвались неожиданно. Джахан замерла, и бубен у неё в руках замер.

– Уходите все, – по-алтайски сказала Джахан, не поворачиваясь. – И не возвращайтесь, пока не позову.

Дети кинулись к выходу, за ними женщины, дверь испуганно закричала, потом брякнул замок.

Джахан оглянулась. Никого.

Она аккуратно положила бубен, сказала ребёнку:

– Ты мой хороший, сейчас, сейчас...

И вытащила из огромного кованого сундука медицинский чемоданчик. Разложила чемоданчик на столе, выхватила стетоскоп и градусник.

Распеленав малыша окончательно и обнаружив на нём вполне современный памперс, Джахан хмыкнула себе под нос:

– В больницу, значит, нельзя, а памперс, значит, можно?..

Послушав лёгкие и сердце – везде было чисто, – она поставила малышу градусник, высыпала в бутылочку порошок, развела водой, закрутила соску и дала младенцу попить. Ребёнок жадно выпил воду с порошком, покраснел от натуги, собрался с силами и опять заорал. Джахан дала ему ещё воды.

– Прекрасно он пьёт, что вы мне говорите – не пил, не пил!.. – бормотала она себе под нос.

Она ощупала животик, проверила лимфатические узлы, разорвала стерильный пакет, плоской палочкой прижала язык и заглянула в горло.

– Вот ты какой молодец, – приговаривала Джахан, – вот ты какой большой хороший мальчик, тётя тебя в больницу не повезёт, тёте и без больницы всё ясно.

Младенец был упитанный, тяжёленький, весь в складочках и перетяжках, и пахло от него хорошо – детским тельцем и немного овчиной.

Джахан ловко и быстро обтёрла его губкой, предварительно налив в глиняную миску тёплой воды с уксусом, потом достала шприц и сделала укол.

Малыш, которому стало легче, больше не кричал и не скулил. Он израсходовал весь свой запас сил и почти засыпал, только время от времени распахивал тёмные узкие глаза, но сон одолевал его.

Джахан одела его в комбинезон и шерстяные одёжки, погладила по животу – он спал – и стала ликвидировать следы своей медицинской деятельности. Обёртки, пакеты и шприц она сунула в карман висевшего на стене тулупа – не забыть потом выбросить. Стетоскоп и градусник аккуратно вернула в чемоданчик, а чемоданчик в сундук. Для конспирации сверху на сундук она навалила тяжёлый тюхан – одеяло из овечьей шерсти. Огляделась по сторонам – всё в порядке, – взяла бубен и тихонько им тряхнула.

Младенец длинно вздохнул и раскинул ручки.

Джахан ещё немного потрясла бубном.

– Всё выше, – напевала она себе под нос и отбивала такт, – и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ.

Допев куплет, она пристроила бубен на стену, послала ему воздушный поцелуй, сделала серьёзное и утомлённое лицо и распахнула дверь на улицу.

– Мой сын... не умер? – спросила мать.

Остальные женщины, толпившиеся у колодца, бросились к ним и замерли.

– Твой сын спит, – сказала Джахан по-русски. – Войди и забери его.

– Ты умолила духа перевала?

– Дух перевала не был на тебя обижен, – успокоила её Джахан. – Он видел, что мальчишки с патронами напугали твою лошадь. Наоборот, он проводил тебя и приглашает приходить ещё. ...Зря я это сказала. Духи никогда и никуда не приглашают людей, я же знаю.

Впрочем, никто не обратил на это внимания.

– Почему тогда мой сын горел и плакал? И не ел?

– У него зубы режутся, – объяснила Джахан. – У тебя первый ребёнок?

– Зубы? – переспросила молодая женщина, оглянулась на подруг, и все они разом заулыбались и закивали. – Свекровь сказала, что зубы не могут резаться так рано!

– Твой сын богатырь, – объявила Джахан. – И у него режутся зубы. Купи здесь, в посёлке в аптеке, специальное кольцо и давай ему пожевать, когда он станет капризничать. У него чешутся дёсны, а почесать их он не может.

– Свекровь сказала, что зубы должны появиться к лету...

– Возможно, у неё самой зубы должны появиться к лету! – перебила Джахан. – А у твоего сына они режутся сейчас, причём сразу два!..

Женщины засмеялись.

– Спасибо тебе, лекарка, – поклонилась мать. – Мы не останемся в долгу. Я привезу молодой баранины, сыру и четыре самые тонкие овечьи шкуры.

Джахан кивнула, соглашаясь.

Мать запеленала спящего малыша в тугой куль, ловким неуловимым движением увязала его себе за спину, и они все пошли к коновязи, где топтались кони.

Они подсаживали детей и одна за другой ловко взбирались на лошадей.

Джахан прикинула – до их села километров пятнадцать через горы, а по тракту далеко, все сорок. Значит, пойдут через горы.

Она вздохнула и помахала вслед процессии рукой.

...Можно выпить чаю и съесть бутерброд. Свежий серый хлеб и копчёная колбаса!.. За копчёной колбасой Джахан специально ездила на поезде в Барнаул, а хлеб пекли в деревне, очень вкусный.

В маленьком расписном чайничке она заварила английского чаю, поставила на поднос пиалу, тарелку с бутербродами и вышла на улицу. В аиле было темновато, а на улице ещё светло, хорошо, хоть и холодно.

Лавочка у неё в саду была вкопана так, чтобы видеть горы – совсем далёкую, голубую, тающую в небесах Белуху и ближние, поросшие лесом, с гранитными лысынами, тёмными провалами и языками снега.

Она устроилась на лавочке, потёрла замёрзшие руки, налила в пиалу чаю и с наслаждением глотнула. Хорошо!..

...До районной больницы в распутицу не добраться, только на вертолёте, а где его взять, вертолёт?.. Жители Горного Алтая привыкли обходиться своими силами – чудодейственными травами, настойками и молитвами. Медицина сильнее молитв, но здесь нет никакой медицины! Джахан сначала этого не понимала, а потом поняла.

Чай в пиале быстро остывал – под вечер стало холодно. Сейчас солнце уйдёт за гору, вывалятся звёзды, и ещё подморозит. Джахан подлила горяченького, взяла бутерброд и откусила. Какая тишина и какой суровый покой! Здесь почти нет людей, машин, дорог, зато есть планета Земля в том самом виде, в котором когда-то её создал Бог. Или духи, Джахан ещё хорошенько не разобралась.

Солнце совсем приготовилось нырнуть за гору, но ещё освещало островерхие скалы, и вечный снег постепенно синел и всё меньше становился похожим на рафинад, когда на далёком склоне Джахан заметила какое-то движение. Она насторожилась и перестала жевать и прихлёбывать.

Она выходила посмотреть на этот склон каждый день – утром и вечером. Там не должно быть никаких движений!..

Она посидела, вглядываясь в сплошную массу тайги.

Долго ничего не происходило, а потом оттуда, из глубин, вспыхнул свет, мигнул и погас. Теперь она точно знала, что ей ничего не померещилось. Она сцепила руки и ещё подождала. Если всё правильно, сигнал повторится в третий раз.

Свет вновь вспыхнул.

– Понятно, – сама себе сказала Джахан.

Она неторопливо допила чай, доела бутерброды и отправилась в дом.

Собравшиеся нетерпеливо покашливали, переговаривались, перегибались друг к другу за спинами сидящих, в зале стоял ровный неумолчный гул. Лекция задерживалась уже на полчаса.

Впрочем, предполагалась даже не лекция, а некий дружеский обмен мнениями, небольшой праздник для души, погрязшей в ежедневной рутине, коротенькое, на несколько часов, освобождение от всего обыденного и низменного. В общем, разговор об искусстве среди своих.

В небольшой галерее на Волхонке по соседству со знаменитым и великим музеем были выставлены работы Даши Жу, так прогремевшей на последней лондонской выставке. Работ было немного – всего один зал, – и это казалось странным при современном подходе. Творцы творили много, часто, обильно, и, если художник становился модным, работы его не задерживались – их быстро раскупили любители современного искусства.

Молодая художница или была ленива и творила мало, или большинство её работ уже разошлось по личным коллекциям, такое тоже возможно.

До лекции предполагалось знакомство с работами, и собравшиеся ознакомились с ними довольно быстро – ввиду их немногочисленности.

Инсталляция «Гром аплодисментов» – четыре пары гипсовых рук, как будто аплодирующих в разных стадиях: вот ладони только занесены, вот сходятся ближе, вот, наконец, прижаты друг к другу, и снова расходятся. На огромном заднике – тёмный зрительный зал и далёкая сцена. Кресла зала заняты отрубленными головами с оскаленными ртами и вываленными языками. На сцене – понурая синяя лошадь.

– Это же совершенно новый взгляд на современный театр! – говорили возле «Грома аплодисментов». – Театр – единственное, что осталось, последний глоток воздуха, но это искусство для мёртвых умников! Головы неспроста. И языки немые, они уже ничего не смогут сказать. Они задохнулись от смрада сегодняшней жизни.

– А лошадь?

– Лошадь, по всей видимости, символизирует народ. Бессловесный народ, который ходит под ярмом!

– На сцене? – сомневался спрашивающий. – Народ?

– Вся сегодняшняя жизнь – перформанс, неправда! Мы все так или иначе находимся на сцене. Нет, эта Даша Жу – находка.

– А почему такой странный псевдоним?

– У неё фамилия Жукова, она не хочет никаких ассоциаций с женой миллионера, чтобы никто не подумал, что ей покровительствуют.

– А ей не покровительствуют? Совсем новое имя, и вот уже выставка на Волхонке!..

В зале переливался свет – красный с синими всполохами, и оператор в десятый раз проверял камеру, направленную на кресло с высокой резной спинкой в центре небольшого помоста. По креслу ходили красные блики. К подножию был брошен букет белых лилий.

Главное действующее лицо появилось совершенно неожиданно, как будто произошел акт материализации. Только что на помосте никого не было, и вдруг собравшиеся обнаружили прямо перед собой тоненькое, узкое, длинное, сверкающее и переливающееся существо.

– Я начну, – утвердительно сказала существо низким голосом.

В креслах удивленно смолкли, и из зала с картинами и инсталляциями потянулся народ, привлечённый неожиданным звуком.

– Этика в современном мире, – продолжало существо, покачиваясь в перекрестье лучей, – стала эпицентром философской рефлексии. Теоретические исследования Джудит Батлер, Джорджо Агамбена, Саймона Критчли и других мыслителей говорят именно об этом. Значимый философ Алан Бадью ратует за онтологический статус этики. Происходит процесс высвобождения субъекта из структур дисциплинарного общества, за пределы предустановленных иерархий и нормативных порядков. Сет Сигелауб утверждал, что «демистификация музея» и его эмансипация от институциональной инфраструктуры рождает новые формы отношений «творец и мир».

От говорящей невозможно было оторвать глаз. Она искрилась вся – от длинных ровных белых волос до носков туфель, выглядывающих из-под краешка длинного платья, и низкий ровный, почти без интонаций, голос удивительно не подходил общему сверканию.

Лекция продолжалась минут сорок – в зале опять начали перешептываться и покашливать, поглядывать на часы и на экранчики телефонов, копаться в сумках.

Художница перестала говорить так же внезапно, как и начала. Она просто замолчала, сделала шаг, наступила на белые лилии и сошла с помоста. Ей неуверенно заплодировали. Вспыхнул свет.

Даша Жу провела рукой по белым волосам и неторопливо оглядела собравшихся. К ней подходили знакомые, хвалили лекцию, хвалили работы. В некотором отдалении маялся бородатый мальчик, по всей видимости, один из журналистов, не решавшийся к ней приблизиться, с диктофоном наготове.

– Прекрасно, – говорил пожилой иссохший юноша в розовом тюрбане, круглых зелёных очках и клетчатых лосинах. – Всё правильно! И лекция, и выставка. Я даже не ожидал. Ты молодец, подруга.

– Я молодец, – подтвердила Даша медленно, почти по слогам.

– И этот готический свет на тебе, на цветах! Очень хорошо продумано. И блёстки! Ты же их никогда не носила!

– Это для сцены.

– Понятно, понятно. Журналисты все в восторге, я там среди них потоптался немного. Жди завтра взрыва в Сети.

Даша кивнула.

В толпе появились чёрно-белые официанты с шампанским и крохотными таргалетками на кружевных салфеточках.

– Ещё и выпивка! Ты совсем молодец, Дашка!..

Она только улыбнулась.

Разговаривали о чём угодно, только не о Дашиных картинах и лекции. Говорили про выставку Серебряковой, про то, что в Музей личных коллекций привезли узбекских художников двадцатых годов, стоит сходить, это большая редкость, и странно для Пушкинского, логичней выставлять в музее Востока, про какую-то громкую премьеру, сопровождающуюся, как водится, скандалом, а потому имевшую шумный успех. Когда Даша подходила, ей говорили, что она талант и умница, и продолжали о своём. Никто не расходился.

На каблуках, в облегающем, как чешуя, платье, с волосами, залитыми особым сверкающим лаком так, что невозможно было ни повернуть, ни наклонить голову, Даша устала до такой степени, что не могла как следует вдохнуть – всё время не хватало воздуха.

Она взяла у официанта с подноса бокал и поманила пальцем бородатого мальчика, который так и не решался подойти. Пока она смотрела, как он приближается, весь потный от волнения, кто-то, проходя мимо, опустил в её бокал красную розу.

Даша потрогала прохладные лепестки и усмехнулась.

– О чём вы хотите со мной поговорить?

Мальчик содрогнулся, принялся тыкать в диктофон и пробормотал, не поднимая глаз:

– Я бы хотел о... о радикальных художественных языках и практиках. Ведь то, что сегодня было... оно давно устарело, это формат позавчерашнего дня. Основные дискуссионные площадки давно уже в интернете. Или вы считаете, что дискурсивные выставки хоть и неэффективны, но всё ещё необходимы?

Даша вытащила розу из бокала.

– Это слишком серьёзный разговор для нашего вечера, – доверительно сообщила она мальчику. – Позвоните мне завтра часа в три, и мы обо всём договоримся.

– Конечно, конечно. – Мальчик кивнул и снова стал тыкать в диктофон. Вдруг взглянул на неё и выпалил: – Вы необыкновенная!..

Даша слегка кончиками пальцев коснулась его рукава – в поддержку того, что она необыкновенная, – и стала пробираться к выходу. Когда её нестерпимо сверкающее платье скрылось за скучными плечами и спинами, мальчик вдруг сообразил, что она не оставила телефона и завтра в три часа звонить ему некуда.

Он кинулся следом, но её нигде не было. Он искал долго и отчаянно, и не нашёл.

Закрыв за собой дверь в зал, Даша первым делом стянула шпильки, застонала от облегчения и быстрым шагом пошла по тёмному коридору к комнате, где оставила пальто и ключи от машины. Розу и туфли она несла в руке.

За окном промелькнула чья-то голова, на мгновение загородила свет. Светлана Ивановна поверх очков посмотрела на улицу. В эту секунду на библиотечном крыльце загрохотало и как будто что-то покатилося.

– Итить твою налево!..

Светлана Ивановна в волнении сдёрнула очки. После смерти директора она стала пугливой, соседки говорили, что у неё «нервоз».

– Прошу прощения, – громко сказал в дверях здоровенный молодой мужик. – Я у вас там цветочек уронил. Но уже поправил!..

Светлана Ивановна поднялась из-за своего стола в «абонементе» и спросила:

– Вы к нам? – И ещё зачем-то добавила растерянно: – У нас тут библиотека.

Затем, должно быть, что посетитель решительно был не похож на библиотечных завсегдатаев. Он оказался высок, широк в плечах, коротко стрижен. Кожаная куртка сидела на нём, словно он в ней родился.

– К вам, к вам, – сказал высокий. – Вы Светлана Ивановна? Сейчас вместо покойного Петра Сергеевича?

– Д-да, а что такое?

– Во-от, а я, стало быть, Хабаров Алексей Ильич, из Министерства культуры.

– Из Министерства... культуры? – тягостно поразила библиотекаря и взялась за сердце. Из читального зала подошла Галя и встала в дверях.

Высокий приблизился к «абоненту». Чёрная кожаная сумка болталась у него на боку, ремень через всю грудь, как пулемётная лента. Покопавшись во внутреннем кармане, он извлёк оттуда удостоверение и сунул Светлане Ивановне.

– Прислали разобраться с вашими потерями! – объявил он как-то даже весело. – У вас ведь тут потери произошли?

Светлана Ивановна, приставив очки к носу, посмотрела на удостоверение.

– Из хозяйственного управления, – пояснил мужик доверительно и крепко уселся на стул. – У нас как узнали, что на вас налёт был, так начальник и решил, что нужно на месте разобраться. Что с фондами, что с единицами хранения. То-сё, пятое-двадцатое.

– Почему же нас-то не предупредили? – вымолвила Светлана Ивановна и оглянулась на Галю. – Мы бы подготовились!..

– Да не нужно готовиться, – уверил мужик добродушно. – Вы мне покажете каталоги, карточки, проведём ревизию убытков, подпишем актик, да и все дела. Министерство потери компенсирует.

– Какое к нам внимание в Москве...

– А сейчас всем библиотекам внимание, – заверил Хабаров. – Говорят, библиотечное дело народу самое необходимое, а толком никто работу не ведёт!

– Как это, никто работу не ведёт? – вскинулась Светлана Ивановна. – Что значит – не ведёт?! Да у нас в библиотеке что ни суббота, то мероприятие культурное! И писатели у нас выступают, и всякие интересные люди, конкурс стихов недавно провели, «Поэты Черноземья» называется!..

– Да я не об этом, – энергично возразил Хабаров. – Я как раз о том, что с финансированием того, денег мало отпускают! А вам фонды восстанавливать надо! Вот я о чём!..

– Так вы не ревизор?

– Да какой я ревизор! – Он расстегнул свою сумку и вынул бумагу с синей печатью в файловой папке. – Тут всё написано.

Светлана Ивановна уселась и принялась читать, а гость в это время оглядывался по сторонам заинтересованно.

– Здесь он помер-то, да? Директор ваш?

Светлана Ивановна горестно подтвердила – да, здесь.

– В этом самом месте?

– Вот тут он лежал, когда я вошла. – И она показала, как лежал Пётр Сергеевич. – И уже холодный совсем!..

– Вы только не волнуйтесь, – издалека сказала Галя.

– Господи, как вспомню!.. Главное, замок открыт был, на одной дужке болтался. Но мне и в голову не могло!.. Я вошла, а ту-ут! – И она развела в разные стороны руками. Щёки у неё покраснели и набрякли. – Тут живого места нет, всё перевернуто, перекинуто, стеллажи сдвинуты! Мы уж потом, как милиция разрешила, целый день по местам всё расставляли, да и сейчас до конца не разобрались.

Хабаров сочувственно кивал.

– А много единиц похищено?

Библиотекарша вздохнула и посмотрела на него поверх очков.

– Да мы еще... не поняли, – выговорила она неохотно. – Так вроде... Всё на месте. Перепорчено много – журналов, газет, все подшивки распотрошили сволочи эти!..

– А их что, много было?

– Да весь архив за последние десять лет тут был, в абонементе!

– Да не архив! Сволочей много было?

Галя оглянулась на читальный зал и подошла к столу.

– Не знаем мы, – сказала она. – Светланочка Ивановна, выпейте таблеточку, а?.. Я сейчас водички, а вы пока таблеточку найдите. Или я вам найду!

– Разве нам кто чего скажет? – говорила Светлана Ивановна, задыхаясь, пока Галя разыскивала «таблеточку». – Кто мы такие? Пустое место, библиотекари! Кто тут шуровал, как Петрушу убили, ничего мы не знаем! Сколько их было, налётчиков, что им у нас понадобилось – всё тёмный лес. Вот у вас там, в министерстве, небось кругом охранники поставлены, так просто не войдёшь, культура на замке, а у нас что?.. У нас и замков-то не было никаких, только что на входной двери, и сигнализацию поставить так и не собрались!

Галя принесла чайник и кружку, Светлана Ивановна попила немного, отдышалась.

– Жалко Петю, – сказала она с сердцем. – Хороший мужик был, понимающий.

Хабаров смотрел на неё внимательно.

Он был уверен, что первый визит в тамбовскую библиотеку имени Новикова-Прибоя объяснит ему хоть что-то, но очень быстро стало понятно: никаких объяснений с ходу он не найдёт.

...Начнём работать.

– Девушки, – сказал он, и обе на него уставились. Он через голову стянул ремень сумки-патронташа, – вы мне местечко отведите поближе к каталогам, я и приступлю. У меня на всё про всё дня, ну, три!.. И не обращайтесь на меня внимания, только покажите, что где стоит.

– Не обращайтесь, – пробормотала Светлана Ивановна. – Как же!.. Из министерства, а мы – внимания не обращайтесь!.. Галь, много у тебя там народу-то?

– Как всегда. Маша романы любовные читает, и дядя Дима пришёл газеты посмотреть. Дорого стало выписывать.

– Хотите в читальный зал? Там тихо и места много.

– Мне бы лучше в кабинет Петра Сергеевича. Или здесь. Разворовали абонемент, а не читальный зал, правильно?

Вскоре всё устроилось. Хабаров притащил свободный стол, весь занозистый и испещрённый надписями «Гоголь дурак», «Пушкин – солнце русской поэзии», а также сердцами, пронзёнными кривыми чернильными стрелами. Стол он установил возле окна за стеллажами, сходил в кабинет Петра Сергеевича и приволок оттуда каталожные ящики.

Библиотекари помогли ему устраиваться.

Хабаров уселся за стол, придвинул к себе ящики и стал вынимать карточки.

– А что электронный каталог?

– Есть, есть, как не быть. Только он не полный. Года три назад принялись составлять, у нас тем летом студенты из библиотечного техникума на практике были. А потом практика у них кончилась, а у нас всё руки не доходят.

– И компьютеров не хватает, – тихонько сказала Галя. – Который год обещают читальный зал полностью оснастить! Вы бы там, в министерстве, поговорили.

– А мы с вами докладную записку составим, – откликнулся Хабаров бодро. – Я доставлю куда следует.

Они ему мешали.

Вскоре Светлану Ивановну отвлекли – явились две тётки за новыми детективами, а Галя ещё некоторое время маячила поблизости.

Оторваться от Хабарова она не могла, хоть и сердилась, и заставляла себя вернуться на рабочее место. Мужчина как из телевизора. В библиотеке она таких и не видела никогда!.. Особенно хорошо он улыбался – кривоватой залихватской улыбкой, белые зубы сверкали, светлели ореховые глаза, и весь он становился своим, будто давно знакомым, неопасным. Так бы и смотрела целый день, как он карточки раскладывает. Или через голову стаскивает ремень сумки, а потом приглаживает волосы большой красивой рукой!..

Она и не ушла бы, но Светлана Ивановна, проводив читательниц, начала покашливать за стеллажами, а потом позвала Галю, и когда та подошла – как во сне, – велела заняться делом.

– Он же из Москвы! – говорила Светлана Ивановна грозным шёпотом. – А ты возле него торчишь, делать тебе нечего! Напишет, что у нас штаты раздуты, сократят всех!

Оставшись в одиночестве, Хабаров продолжал копаться в карточках.

Фотографии с места происшествия он видел – тело лежало возле стола на спине, никаких следов борьбы или насилия. Впрочем, от чего умер директор библиотеки, должен сказать эксперт, сейчас гадать не имеет смысла. От этого окна – Хабаров оглянулся – ничего не видно, кроме книжных стеллажей. Сигнализации никакой нет.

...Нет, тайник не может быть здесь. Нужно искать где-то ещё. Библиотека крохотная – домик в саду, – внимательно осмотреть помещения не составит труда.

Замок, висевший на ржавом гвозде справа от входной двери, Хабаров осмотрел первым делом, ковыряясь на крыльце с перевернутой геранью. Замок был ни взломан, ни сорван. Или у пришельцев – пришельца! – был ключ, или открыл замок сам директор.

...О пришельце или пришельцах тоже покамест ничего не известно. Вполне возможно, что нападение на библиотеку – декорация, представление.

В то, что Петра Сергеевича мог убить случайный человек или даже несколько случайных людей, Хабаров не особенно верил.

Время от времени он вставал из-за стола, выдвигал книги, как бы сличая названия с каталогом, прикидывал, откуда именно и что именно видно. С разных ракурсов он изучил сутулую спину Светланы Ивановны, её зелёную шаль с кистями, громадную сумку, прислонённую к тумбочке, старенький компьютер, открытый на одной и той же странице, запасные туфли со стёртыми каблуками и плетёную мусорную корзину на полу.

...Происшествие в библиотеке – случайность, хулиганство или целенаправленная охота? Кто охотник, и откуда он пришёл? Почему директор библиотеки никого не предупредил, если понял, что за ним охотятся? Или он не понял?...

Хабаров выбрался из-за стола – Галя моментально возникла в дверях читального зала и встала как вкопанная, и Светлана Ивановна оглянулась. Возле её стола болтались прыщавый мальчишка в кривых очках и худая бледная девочка с жидким хвостом на затылке.

– Вы мне Сапковского ещё на той неделе обещали, – гундосил мальчишка и поддёргивал очки. – А «Экспансию» вернули? Или опять нету?..

– Я покурить, – шепнул Хабаров библиотекарьше.

На крыльце он зажмурился – день был яркий, холодный и ветренный, какие бывают только в апреле, словно в ожидании праздника, – прикурил, из-за сложенных ковшиком ладоней наблюдая за садом и дорогой.

Никого.

Не спеша Хабаров сошел со ступеней, постоял немного и двинулся вокруг библиотеки.

Возле каждого окна он останавливался и оглядывался по сторонам – как бы любуясь яблоневым садом.

За штaketником прошли женщины с сумками, громко разговаривая о выпускном вечере у какой-то Веронички и о том, что при нынешних ценах колбасы скоро не на что будет купить, не то что выпускное платье, а родительский комитет на подарки и стол собирает по полторы тыщи рублей, совсем обалдели!..

Хабаров проводил их глазами и пошёл дальше.

Под водосточной трубой стояла ржавая бочка, наполненная коричневой водой, дверцы в подпол были распахнуты и подпёрты половинками кирпича, а над подполом ещё одно окошко.

Он уловил движение и почувствовал опасность раньше, чем всё случилось. Всё же он был очень хорошо подготовлен!..

Хабаров прыгнул, покатился – нараставший рокот мотоцикла на мгновение смолк, – и он оказался в чёрной пасти подпола. Раздался короткий свист и несколько сухих щелчков. Опоры под ногами не было, Хабаров висел на руках.

Фью-ить, фью-ить, просвистело отчётливо. Алексей считал секунды – раз, два, три... Долго стрелять, прицеливаться невозможно – улица, белый день, и цель, то есть он, Хабаров, пропала из зоны видимости.

Вновь взревел мотоцикл.

Хабаров подтянулся, раскачался, выбрался из подпола, прикрываясь отсыревшей деревянной дверцей – щит из неё был никуда не годный.

Из бочки в двух местах с журчанием уходила вода – пуля пробила её насквозь.

Стрекотание мотоцикла стремительно отдалялось.

Хабаров отряхнул испачканные колени, вытер ладони о деревянную стену дома, оглянулся – женщины продолжали громко разговаривать, но уже где-то вдалеке, слов было не разобрать.

Всё началось и закончилось за несколько секунд. Хабаров голову мог дать на отсечение, что никто ничего не видел и не слышал.

Вода лилась на дорожку и на стену дома.

Хабаров поднатужился, немного подвинул бочку так, чтобы ему не попадало на джинсы, присел и поковырял пальцем стену.

В воздухе коэффициент сопротивления СХ примерно 0,1, ну, может быть, 0,2. В воде – приблизительно! – в тысячу раз больше. Вязкость и кавитацию можно не учитывать. Потеря скорости огромная. Пуля наверняка застряла так, что её легко можно вытащить.

В нагрудном кармане у него была ручка, любимая, много раз испытанная. Хабаров раскрутил её, вынул металлический стержень и с его помощью аккуратно извлёк пулю. Осмотрел со всех сторон. Вспомнилась ему история, как лет двадцать назад, когда его только учили работать, он каждую пулю осматривал вот так, внимательно и серьёзно, а тогдашний его инструктор всё острил, что именных пуль, да ещё с портретами стрелявших на свете не бывает, чего её осматривать, пуля как пуля!..

Двадцать лет прошло, и вот она – пуля как пуля.

...Итак, никаких случайных людей в этом деле нет. Местные хулиганы и безобразники ни при чём. Хорошо хоть это прояснилось.

Плохо, что противник близко. Так близко, что не просто осведомлён о присутствии его, Хабарова, на месте преступления, но имеет возможность откуда-то за ним наблюдать.

Плохо, что могут пострадать гражданские – мальчишка, который всё ждёт Сапковского, девочка с тощим хвостом или одышливая Светлана Ивановна, кто угодно!..

Противника от библиотеки и от гражданских нужно уводить, а это значит, времени у него мало, почти совсем нет.

Хабаров затолкал пулю в карман, пристроил на место ручку и продолжил обход библиотеки.

Женщина сидела напротив очень прямо и вместе с тем свободно. На стуле возле фанерной двери стоял её чемодан – громадный, как гиппопотам, – а сверху лежало пальто.

– Я понял, понял, – говорил главврач в телефонную трубку, поглядывая на женщину. – В следующем квартале, ясно, да. Ничего хорошего, мы в этом ждали!.. Который раз заявку подаём, а вы всё нас завтраками кормите! Конечно, у нас тут не четвёртое управление, но вы поймите, люди ведь не только в Москве живут! И болеют! И всем лечиться надо, и оборудование нужно, а мы как в Средние века, всё на глаз диагнозы ставим!

Женщина смотрела в окно.

Нельзя сказать, что она была красива, но главврач почему-то никак не мог оторвать от неё глаз. Очень худая, смуглая, с резкими чертами восточного лица. И одета странно – главврач ещё раз стрельнул глазами, воровато. Белая рубаша с широкими рукавами, узкие чёрные брюки, остроносые лакированные ботинки и жилетка, расшитая бисером и золотыми и зелёными нитками. На голове на волосах, таких густых, что они казались париком, крохотная плоская бархатная шапочка.

За всё время, что главный врач выяснял отношения с облздравом, она не пошевелилась и не перевела взгляд.

Он положил трубку, потёр вспотевшие ладони и сказал почему-то с просительной – как будто в продолжение разговора – интонацией:

– И что делать? Новый аппарат УЗИ нам ещё в прошлом году был положен, и всё квоты, всё лимиты! А у меня же люди! Я сто раз говорил, и на совещании у губернатора даже, а дело ни с места. Волокита!..

Женщина посмотрела на него. У неё были тёмные глаза, то ли сильно подведённые, то ли так казалось от черноты ресниц.

– Добивайтесь своего, – сказала она. – Настаивайте. Под лежачий камень вода не течёт. Это русская пословица.

Она говорила правильно, без малейшего акцента, и голос был грудной, низкий, заслушаешься.

– Джахан Азатовна, – начал главврач. – Мне всё понятно, только я не до конца уверен, что могу вам обеспечить условия...

– Называйте меня Джахан, – перебила женщина. – Условий никаких не нужно. Просто проводите меня в морг. Я осмотрю тело. Сделаю заключение.

– Заключение, заключение, – повторил главврач. В кармане халата у него зазвонил мобильный телефон, он вытащил его, посмотрел и досадливо нажал кнопку. Аппарат смолк. – Да ведь есть заключение!.. Я полиции предоставил всё как полагается в... таких случаях. Вы бы у них копию запросили.

Джахан откинула крышку портфеля, который был аккуратно прислонён к ножке её стула, достала бумаги, сколотые диковинной фигурной скрепкой, и через стол протянула главврачу.

– Вот копия. Я её изучила. Дальше запрос из МВД о повторном заключении. Затем копия обращения на нашу кафедру. Затем моё предписание. Читайте.

Главврач вздохнул раз и ещё раз.

Джахан Азатовна Бахтаева, доктор медицинских наук, направлялась в районную больницу номер такой-то города Тамбова для дачи повторного заключения о смерти такого-то. Подписано большой шишкой из МВД и ещё одной из института судебной медицины. Главврач изучил витиеватую шишкину подпись. Сам он подписывался кое-как, накорябал фамилию, и готово дело!..

– А зачем это нужно-то? – маясь, спросил главврач. – Не знаете? Мы... напортачили, что ли? Смерть там... не криминальная, сто процентов! Сердце остановилось.

Джахан наконец-то сообразила, чего он боится. Он боится, что она выдаст какое-нибудь заковыристое заключение, а вовсе «не смерть в результате сердечной недостаточности», и ему попадёт. Видимо, вскрытие делалось наспех человеком, не слишком компетентным, и главврач об этом знает.

Ну, развеять его страхи легко.

Она пожалала прямыми узкими плечами.

– Чистая формальность. Этот ваш директор библиотеки когда-то дружил с нашим заведующим кафедрой. Когда тот узнал о его смерти, попросил меня уточнить причину. Они ровесники. Вы знаете, как мужчины в пятьдесят лет мнительны.

Главврачу до пятидесяти ещё нужно было дожить, но что-то такое он слышал про опасный возраст, что ли.

– Именно в этом возрасте повышается угроза сердечно-сосудистых заболеваний.

Главврач приободрился.

– Моя задача – подтвердить ваше заключение. А не опровергнуть, – произнесла Джахан.

Главврач улыбнулся:

– Может, чайку? Или кофе? У нас, правда, растворимый только.

Джахан не хотела ни чаю, ни растворимого кофе. Ей нужно было приступить в работе и закончить её как можно быстрее. Но главврач нервничал, всё потирал потные ладони, всё стрелял в неё глазами, и она сказала – кофе.

Он радостно выбрался из-за стола, набулькала в чайник воды из канистры и полез в шкаф за чашками. От её пальто, оказавшегося у него под носом, пахло странными и тревожными духами.

– Я сделаю заключение, – отхлебнув сладкой коричневой жидкости, сказала Джахан, – и родственники заберут тело в Москву.

– Да это уж как полиция разрешит, не разрешит, шут их знает.

– Уверена, что разрешит. Смерть не криминальная.

– Вот бы хорошо. Вы не поверите, каждый день проблемы! Ну просто каждый день! Такая работа собачья! Я думал, когда до главврача дослужусь, будут мне почёт и уважение, а всё наоборот! Месяц назад в детском саду восемнадцатом была какая-то вспышка диареи. Ничего особенного, без температуры, но ведь прецедент! И мамы к нам в приёмное повалили, и главный санитарный врач названивает – прикрой меня, а как я его прикрою, если все обращения фиксируются?!

– Проблема, – констатировала Джахан.

– Ну, вот именно! Нужно было в науку идти, а не в практическую медицину! Вы ведь наукой занимаетесь... Джахан?

– По-разному. Не только наукой.

Она поставила почти полную кружку на стол и поднялась. Время уходит, время!..

– Проводите меня. – Она как будто приказала, и главврач поспешно вскочил. – Мне бы хотелось начать сегодня.

Он взялся было за её гиппопотамский чемодан, но она не дала, так и несла его сама, как будто чемодан ничего не весит, а весил он – будь здоров, главврач знал это точно.

В морге, в крохотной выстуженной комнатке слева от холодильника, оставшись одна, она первым делом установила на лабораторном столе чемодан.

Тело, прикрытое чем-то вроде клеёнки, лежало на столе у неё за спиной.

Она щёлкнула замками, открыла чемодан. Он как будто развалился на две части. Из одной части она достала спецкостюм и небольшой защитный щиток для лица – мало ли с чем придётся столкнуться, – какой-то прямоугольный ящичек, коробку с инструментами и бунзенговскую горелку для их стерилизации. Из другой части – реактивы, стёкла, несколько плоских чашек для образцов и разнообразные химические препараты.

Облачившись в костюм и не надевая перчаток, она несколькими движениями превратила прямоугольный ящичек в мощную лампу на длинной суставчатой ноге, установила её над телом так, как ей было удобно, натянула перчатки, сбросила на пол клеёнку и сказала в диктофон:

– Я захожу.

И разрежала грубо защитный шов.

Девушка заложила за уши белые волосы – не просто прямые, а даже какие-то плоские, мечту любой современной красавицы, хоть что-то понимающей в моде, – и посмотрела на администратора гостиницы «Тамбов-Палас» сочувственно, как на слабоумного:

– А вы что? Сами писать не умеете?..

Тут она скосила глаза на его бейдж – золотые буквы на чёрном фоне, как положено в «паласах» – и добавила:

– Никита, вы учились в школе?

Администратор немного дрогнул.

Покуда она, эта беловолосая, оглядывалась по сторонам посреди раззолоченного холла, покуда тыкала в телефон и фотографировала себя на фоне зелёных, под малахит, колонн и букета искусственных цветов, он изо всех сил старался отделаться от шумной компании выезжающих, чтобы новая гостья досталась ему, а не Алине, работавшей рядом. Водитель, который привёз беловолосую с вокзала, – она заказала трансфер заранее, – вкатил её чемоданы, три

штуки, один другого больше, и все «Луи Вюиттон» без дураков, и подмигнул Никите – давай, мол, выпроваживай этих, смотри, кого я тебе доставил!

Алина, ходившая в «Тамбов-Паласе» в первых красавицах, при виде новой гостьи дрогнула лицом, повела губами и с жаром продолжила объяснять пожилой супружеской чете, как найти картинную галерею. Таким образом гостья досталась Никите, лучше бы не доставалась!

Паспорт она искала минут десять – то в крохотной дорожной сумочке, то в рюкзаке, то в наружном кармане верхнего чемодана. Наконец нашла и вместо того, чтоб отдать, принялась беседовать по телефону, помахивая паспортом, зажатым в руке, у Никиты перед носом.

– Зачем ты сама ему позвонила? Мы же договаривались, что ты первая ни за что не станешь! Нет, нужно было мне сначала сказать! Ах нет, я в Тамбове. Боже, ну как зачем, я же тебе рассказывала, мне нужно на этюды! Ну конечно, дыра дырой, но что я-то могу поделывать, провинция сейчас в моде! Сельсоветы, крестьянский быт, мебель Нечерноземья! Откуда я знаю, как пойдёт. Ну, недолго, конечно, у меня на будущей неделе с Майлзом встреча, и вообще я же только в Москве могу находиться, ну, ещё в Лондоне, но тоже так себе.

Она говорила, то отвернувшись от него и разглядывая позолоту, картины и люстры, то повернувшись и разглядывая его самого – одинаково безразлично.

Наконец девушка договорилась и положила паспорт на стойку, Никита сразу его подхватил и открыл.

– А зачем у вас часы? – спросила она. Он поднял глаза.

Звали её Дарья Александровна Жукова, рождена и зарегистрирована в Москве, мужа и детей не имеет.

– У вас за спиной часы, – продолжала девушка. – Они показывают время в Нью-Йорке, Лондоне и Токио. Зачем они нужны?

– У нас останавливаются бизнесмены, – начал Никита, – и часы установлены специально для их удобства.

Девушка засмеялась:

– Тамбовским бизнесменам время в Токио необходимо как воздух, – согласилась она. – Сфотографируйте меня, пожалуйста! Умеете? Там нужно на кружочек такой нажать, видите? Только чтоб был виден тамбовский шик!

И сунула ему телефон.

Никита, злясь всё сильнее – где ему фотографировать, он же валенок деревенский, и часы ему ни к чему, он по солнцу встаёт, чтоб корову в стадо выгнать, – сфотографировал «тамбовский шик» с девушкой посередине.

Потом он попросил её заполнить анкету, а она спросила, умеет ли он сам писать. Алина за соседней конторкой прислушивалась, посматривала и изо всех сил сочувствовала Никите, так, чтобы он видел её сочувствие.

– Нет, если вы не умеете, – продолжала Даша Жукова, – тогда другой разговор, конечно, я и сама могу заполнить. Но тогда зачем вы тут стоите? – Она опять помедлила и добавила: – Никита? Для красоты?

– У нас такой порядок, – насупившись, заявил администратор. – Гости заполняют и подписывают анкеты собственноручно.

– Так давайте же изменим этот глупый порядок! – вскричала девушка, улыбнулась и понизила голос: – Никита.

Пришлось ему анкету самому заполнять, не скандалить же с ней! Что она способна поскандалить, было написано у неё на лбу, гладком, без единой морщинки, прямо под белоснежными волосами.

У неё был заказан не просто люкс, а президентский, таких номеров в «Тамбов-Паласе» было всего два, и они никогда не сдавались, Никита с ужасом думал, что будет, когда она обнаружит, что в джакузи вода не циркулирует, в спальне горит только одна лампочка, а сейф

не запирается. Он даже на часы посмотрел, чтоб понять, когда заканчивается его смена, но так и не понял, потому что девушка не отводила от него весёлых глаз.

В номер она подниматься не стала, велела отправить багаж с коридорным, сказала, что хочет ужинать и пойдёт в ресторан.

– Заказать вам столик? – Никита предупредительно снял телефонную трубку.

Девушка принялась набирать сообщение и на него даже не взглянула:

– Ну, если там аншлаг, в ресторане... то закажите!.. Там аншлаг?

– У нас много гостей, – пробормотал Никита. – А в ресторане живая музыка...

– Столица переезжает в Нью-Васюки? Спорим, вы не знаете, откуда цитата!

Никита действительно не знал и сильно покраснел. Вообще ему хотелось, чтобы она от него отстала. Он чувствовал себя униженным.

Коридорный вернулся из президентского люкса и за её спиной закатывал глаза и строил рожи.

– Я хочу пить, – объявила Даша Жукова, – скажите этому вашему ресторану, чтоб мне принесли газированной воды. Очень холодной.

– У нас даже немецкие туристы живут, – неизвестно зачем сказал Никита. – Они по России на байках путешествуют. От нас поедут на юг.

– Ммм?... – протянула Даша, не отрываясь от телефона. – Воды не забудьте попросить.

Она прошла к лобби-бару, по-особенному, будто танцуя, ставя длинные ноги в очень узких чёрных джинсах, повалилась в кресло, а необыкновенные ноги пристроила на полированный ореховый столик.

– И соревнования самбистов... – ей вслед пробормотал Никита. – Со всего СНГ болельщики приехали...

– Да что ты ей объясняешь! – не поднимая глаз, прошипела рядом Алина. – Она вон на тебя даже не смотрит!

Даше принесли воды, и она её вернула – слишком большая бутылка и тёплая, а ей нужна маленькая и холодная. Принесли следующую, и она опять вернула – вода должна быть итальянская.

– Дура, – неслышно буркнул Никита, и Алина рядом улыбнулась.

Явились давешние пожилые супруги – галерею они не нашли, потом потянулись командированные: такси до боулинг-клуба, такси до стриптиз-клуба, билеты на завтрашний утренний поезд, а потом пожаловал сам Паша-Суэта с телохранителем. Должно быть, на свидание с Вероникой. Странно, что её до сих пор не видно.

Как только Паша разместился за столиком – спиной к стене, лицом ко входу, всё как всегда, – и телохранитель приткнулся неподалёку, сразу же прибежали официанты, извещённые Алиной, принесли вискарика, закуски и чай в стакане с подстаканником. Паша-Суэта уважал чай только из стаканов.

Даша Жукова на явление Паши не обратила никакого внимания. Она строчила сообщения, время от времени фотографировала себя, перебрасывая волосы на одну сторону, маленькими глотками отпивала воду – в конце концов ей принесли подходящую.

Паша-Суэта рассматривал её из своего угла.

– Что-то будет, – прошелестела рядом Алина. – А ты сегодня его подругу видел? Веронику? Она в наш спа-центр не приезжала?

– Я не видел, – тихо ответил Никита.

В отель ввалились разухабистые дядьки-болельщики, приехавшие на самбо, все по очереди оглядели Дашу с головы до скрещённых на столе щиколоток, загомонили, заржали и двинули в ресторан, оглядываясь и скалясь, как волки.

Никита подумал – лучше бы столичная штучка заказала ужин в свой президентский люкс. Нет, у них вполне респектабельное место, драки случаются всего пару раз в году, но всё же такой девушке вечером в ресторане в компании болельщиков и Паши-Суеты делать нечего...

Даша допила, громко, на весь холл, приказала, чтобы счёт за воду записали на номер, и поплыла к ресторану, по-особенному ставя длинные ноги в очень узких чёрных джинсах.

Паша-Суета махом опрокинул виски, что-то пробурчал телохранителю и отправился следом.

Над меню Даша думала недолго. За это время она оценила обстановку, пересчитала гостей, прикинула, кто где сидит, наметила пути к отступлению, если придётся отступить.

Отступать ей не придётся, но их так учили. Пути должны быть намечены заранее.

По её расчетам, выходило, что первым подойдёт разухабистый молодчик в ботинках на рифлёной подошве, обвислых джинсах и толстовке с пятном от кетчупа на животе.

Ему на помощь – не поднимая головы от меню, она всё оценила ещё раз – придёт вон тот, в коричневом пиджаке. А уже потом вмешается местный авторитет, который в лобби запивал восемнадцатилетний «Макаллан» чаем из железнородержного стакана и рассматривал её шмыгающими, суетливыми глазками.

– Выбрали, что будете кушать? – прошелестела над ней девочка-официантка. Улыбка у неё была перепуганная.

Даша отложила меню, вздохнула и громко, на весь ресторан, который ловил каждое её слово и движение, сказала:

– Что-нибудь из местных сезонных специалитетов. Посоветуйте мне! Может, тартар из мраморной тамбовской говядины? А на горячее копчёного угря! У вас в речке водятся угри?.. Ну и семифредо из редьки. Я не знаю, сейчас сезон редьки?

Девушка как будто отступила немного.

– Ничего этого нет, – ответила она и улыбнулась заискивающе. – Выберите что-нибудь из меню, пожалуйста...

– Ну нет, и что? – сказала Даша капризно. – А повар есть? Пусть приготовит!

– Повар... он готовит только из меню...

– Ах, из меню! Господи, куда я попала?! – И она быстро перечислила, сильно понизив голос: – Сто граммов водки, самой дорогой, томатный сок, лёд, салат столичный, грибной суп и окорок тамбовский запечённый.

Официантка, торопясь, записывала и кивала.

Водка и сок явились сразу же, а следом и салат столичный. По Дашиным расчётам, до супа всё будет мирно. Мирно, но беспокойно.

Она выпила стопку водки, запила томатным соком – вкусный, не иначе местный специалитет – и принялась ковыряться в салате.

Есть ей хотелось с самого утра.

За стол к авторитету прошествовала фигуристая силиконовая блондинка на таких каблучках, что смотреть было страшно. От высоты блондинку слегка покачивало. А может, силикон перевешивал.

«Живая музыка» на крохотной эстраде с непременно зеркальным шаром старалась изо всех сил. Дородный мужчина в кожаном пиджаке и расстёгнутой на груди рубаше выводил про старого шарманщика, женщина, перетянутая блестящим платьем, как докторская колбаса натуральной обвязкой, ему подпевала.

Даша ела.

Грибной суп, горячий, наваристый, был съеден до половины, когда мужчина на эстраде грянул «Я пригласить хочу на танец вас, и только вас, и не случайно этот танец вальс».

Как ни странно, первым подошёл не тот, с пятном на пузе, а его сосед, рыхлый, бледный, на толстом пальце печатка.

– Потанцуем, кисуль? – нежно спросил он, наклоняясь над Дашей и её супом.

– Не-а, – безмятежно сказала она. – Танцуй один, зая!..

Кавалер ничего не понял.

– Да ладно тебе выделываться, кисуль! Потанцуй, жалко, что ли? Ты отдыхаешь, и мы с ребятами отдыхаем! Давай, не ломайся!..

Даша положила ложку, откинулась на спинку стула и посмотрела на него очень близко.

...Спровоцировать или отпустить с миром? У него небось жена, дети. Работа какая-никакая. Он с ребятами отдыхает!.. Да и потом она уже настроилась на того, с пятном.

– Я не хочу танцевать, – сказала Даша мирно. – И не буду. Я есть хочу, а не танцевать. Улавливаешь суть?

Кавалер моргнул.

– Всё, давай, давай, иди к ребятам. Выпейте лучше за моё здоровье и за мир во всём мире.

Он помедлил, и что-то его остановило. Непонятно что. Секунду назад он был полон решимости и сладких предвкушений, а тут вдруг как будто отрезвел.

Он кивнул, вернулся на место, и за его столом произошло бурное короткое совещание. Авторитет, отстраняя рукой блондинку, которая насадала на него силиконовым бюстом, беспокойными глазами всё шупал и шупал Дашу.

Певец завёл про «Эти глаза напротив», и на этот раз подошел тот самый, с пятном, назначенный ею с самого начала. Он был покрепче, поуверенней, от него просто так не отвяжешься.

– Чего бузишь? Круче всех, что ли? Ты поласковой, девушка. Давай потанцуем, выпьем, поговорим, как люди! – И потной ладонью крепко взял Дашу за руку.

– Отвали, – велела она.

– Тихо, тихо. – Он сжал тонкие куриные косточки её запястья. – Придержи язык. Ты клиента на ночь подыскиваешь? Вставай, пошли, я твой первый клиент!

– Отвали, – повторила Даша.

Он моментально, как по команде, взбеленился.

– Вставай, сука, – прошипел он и потянул её сильно. – Пошли! Чё ты целку из себя строишь! В столице будешь строить, а тут не надо, тут все свои!.. Нормально тебе говорю – вставай, двигай в номер, я плачу!

Даша вздохнула.левой рукой она нащупала ложку, которой только что ела суп, и ткнула ему в глаз – несильно. Он моментально ослеп, зашатался и заревел, закрывая лицо:

– Сука!.. ...дь!

За его столом повскакивали, и тот, в коричневом пиджаке, ринулся на помощь. Телохранитель авторитета привстал и зашарил под мышкой. Даше стало смешно.

Подбежавший пиджак схватил Дашу за волосы, дёрнул. Она ударила – коротко и опять несильно, членовредительство в её планы не входило. Ударила она в самое болезненное место.

Пиджак схватил себя за это самое место, выпучил глаза, завыл и повалился на бок. Из рта у него потекла слюна.

Первый, залитый слезами, полез было с кулаками, и это стало его ошибкой. Он ничего не видел, просто махал руками от боли и унижения. Даша взяла его двумя пальцами за основание шеи. Он всхрапнул, перестал дышать и столбом обрушился на пиджак, который подтягивал к подбородку ноги и выл.

Музыка остановилась, и сделалась тишина.

В дверях кухни толпились официанты и повара. Перетянутая, как докторская колбаса, певица закрывала обеими руками накрашенный рот. У входа застыли два парня в негнущихся костюмах, по всей видимости, охранники и давешний администратор, которого она довела до белого каления. Все посетители перестали есть и замерли в причудливых позах.

Картина.

Даша уселась на место.

– Ты это самое, – негромко сказал телохранителю местный авторитет, – вишь, это самое... намусорено? Давай убери.

Телохранитель подскочил и стал тянуть с пола лежащих. Гостиничные охранники тоже подошли и стали их поднимать.

– Дайте мне чистую ложку, – громко, на весь ресторан, сказала Даша капризным тоном. – Что такое!.. Ни семифредо, ни редьки, ни ложек!..

– А вы кем же ему приходиться, покойному-то? У него сроду не было никого, одинокий он! А как помер, так, стало быть, родственники объявились не запылились!

Тётка была въедливая, ехидная, держалась немного свысока, и Макс Шейнерман её понимал. Приехал какой-то ферт в костюме, зашёл на участок Петра Сергеевича, как к себе домой, и уже в дверь лезет!..

– Да вы не волнуйтесь. – Он сбежал с крыльца, на ходу доставая из небольшого кожаного рюкзака приготовленные бумаги. – Я племянник, сын его сестры, Анны Сергеевны.

– Какая-то ещё сестра... – пробормотала соседка недовольно, приняла бумаги и стала рассматривать. – Сроду у него никакой сестры не было!..

– Мама давно умерла, – проинформировал Макс.

Соседка перевела на него взгляд, и лицо у неё потеплело.

– Так теперь, раз дядя тоже помер, ты сиротой остался?..

Макс ничего не сказал.

Удивительная особенность русского человека – жалеть сирот и пьяниц.

Она опять поглядела в бумаги, моментально соскучилась, вникать ей не хотелось. Раз говорит – племянник, значит, племянник.

– Когда дядю хоронить-то собираешься? Который день пошёл, а покойник всё мается, всё не в земле.

– Как только полиция разрешит.

Соседка махнула рукой:

– Полиция! Чего там они ищут, всё равно не найдут никого! У нас в восемьдесят пятом на Дзержинского мужика зарезали, так до сей поры не посадили никого, а тогда при советской власти ещё порядок был!.. Ну чего? Ключи-то есть у тебя, племянник?

Макс показал связку.

– Проводить или сам разберёшься?

Он сказал, что, разумеется, лучше проводить, и вновь поднялся на крыльцо. Соседка шла за ним.

– А ты чего, за границей, что ль, обретаешься? Уж больно не по-нашему одет-обут!

И она бесцеремонно придержала его рукой и оглядела с головы до ног. Племянник Петра Сергеевича был в костюме в талию, рубашка в тонкую полоску – синюю и красную. Сверху чепуховое пальтецо с капюшоном, зато подкладка шёлковая, богатая. На ногах почему-то кеды, а на плече рюкзак. Иностранец, как есть!..

– У меня работа такая, – непонятно ответил племянник.

– Как хоть звать-то тебя?

В бумагах, которые он ей совал, его имя повторялось раз двадцать, но она и до имени не дочитала!..

– Максим.

– Ну вот, Максюша, стало быть, тут дядя и жил. Один весь дом занимал, никто к нему не захаживал, да он и не звал особенно. Всё работу работал, над книжками сидел. Ещё в саду возился, яблони прививал. У него мечта была – антоновку возродить, чтоб как раньше, нынешняя-то вся повыводилась. Он по этому вопросу полный профессор был.

Дом стоял в глубине сада так, что с дороги и с соседских участков его почти не было видно. Это логично и правильно – по всей видимости, дом когда-то подбирался именно с таким расчётом, чтобы не слишком много было посторонних глаз.

– Ночевать-то останешься?

– Нет, я в гостиницу.

– Ты гляди, – удивилась соседка, – остался бы у дяди-то, помянули бы его по-людски. А он в гостиницу!

Она зажгла свет в коридоре, один о другой стянула резиновые сапоги и пошла по чистым домотканым дорожкам.

Макс дёрнулся было остановить её – просто так расхаживать по дому Петра Сергеевича, да ещё в отсутствие хозяина, было попросту опасно, – и не стал. Чему быть, того не миновать.

– Тут кухня, там зала. Эту комнату Сергеич под свою лабораторию приспособил, – она выговорила очень чётко «лаборатория». – Спал тоже тут, на диване. Гляди, черенки всякие, справочники, какие-то всё пробы он брал, кислая почва, не кислая! Мы, бывало, посмеивались над ним.

Рукой в перчатке Макс взял верхнюю книгу из стопки на краю стола. Книга называлась «Особенности почвоведения чернозёмной зоны СССР».

Компьютера не было.

– Ну чего, оставайся, смотри, чего тебе тут надо, а я пойду. Дом продавать будешь?

Макс сказал, что скорее всего продаст.

– Ты гляди, хорошим людям продавай, не абы кому! Тут у нас вокруг все соседи работающие, трезвые. А продашь горлопанам каким-нибудь, тунеядцам, пропала наша улица!.. Слышишь, племянник?!

Макс сказал, что продаст непременно хорошим.

– Ну, если чего, к забору подойдёшь да крикнешь тётю Зою, это я, стало быть. С крыльца не зови, не дозовёшься.

Оставшись один, он первым делом погасил везде свет и осмотрелся. Дом как дом, ничего особенного. Вокруг таких десятки, это называется «частный сектор».

Макс знал, что в доме Пётр Сергеевич ничего не хранил, но это не означает, что здесь нет секреток и ловушек.

Он вытащил фонарь, оставил рюкзак у двери и прислушался. Заходить – вот так, с ходу, без подготовки, – он не решился.

За окнами вечерело, и в доме царил синий сумрак, какой бывает в деревенских домах только весной. Прислушиваясь, Макс стянул с плеч дафлкот, свернул его, аккуратно пристроил сверху на рюкзак и огляделся.

Коридорчик был пуст, только вешалка с пальто, дождевиком и кепкой на крючке. Справа подальше дверь, соседка сказала, что там кухня. Ещё две двери слева, за одной из них «лаборатория». В торце «зала».

Не двигаясь с места, Макс огляделся ещё раз. Под вешалкой стояли болотные сапоги, грубые ботинки на толстой подошве, а в углу почему-то... гимнастическая гиря.

Должно быть, Пётр Сергеевич упражнялся с гирей прямо тут, при входе.

Макс зажёл фонарь, взял его в зубы, присел и осмотрел гирю. Она была переделана из старинного пушечного ядра. Сверху приделана ручка на шурупах и выпилен желоб, чтоб ручку можно было убрать.

...Пётр Сергеевич, да вы шутник!..

Не выпуская фонаря, Макс надавил на ручку. Она хрустнула и легла в желоб, получился чугунный шар. Макс взял его обеими руками – он был холодный и тяжёлый – и с усилием катнул по коридору, прямо по домотканой дорожке.

Шар неторопливо покатился.

Примерно в середине коридора что-то щёлкнуло, треснуло, крашенные доски пола провалились, и шар ухнул в тёмное подполье, потянув за собой дорожку.

Выждав время, Макс подошёл, присел и заглянул.

Ничего особенного. Просто открылись дверцы подпола, и все дела.

Откинув дорожку, Макс посветил вниз. Подпол был не слишком глубок, в человеческий рост, может быть, чуть поглубже. Он попробовал потянуть на себя дверцу, она не поддавалась, видимо, пружина жёстко фиксировала её, когда подпол открывался вот так, неожиданно. Никакой лестницы не было.

Ловушка оказалась прямо посреди коридора, они с соседкой не дошли до неё, должно быть, пары шагов.

Макс спрыгнул вниз, осмотрел нехитрую систему приводов и пружин, открывающую подпол. Её приводила в рабочее состояние рейка, которую можно было потянуть снаружи. Если рейка утоплена, при небольшом давлении сверху дверцы открываются. Если вытянута, можно ходить.

Встав на чугунное ядро, Макс выбрался из подпола, нащупал рейку и потянул. Зафиксированные дверцы сразу ослабли. Он с усилием захлопнул их и вытащил рейку. Поправил дорожку.

...В конце концов соседка непременно наведается ещё раз, не дождавшись, когда племянник станет поминать покойного дядю. Так она по крайней мере ноги не переломает.

С порога «лаблатории» Макс долго и внимательно осматривал стены, потолок и пол.

Крашенный пол без всяких подвохов. В потолке ни люков, ни лазов. Со стенами хуже – они были заклеены старыми выцветшими обоями, а что под ними – непонятно.

Осторожно и медленно ступая, Макс подошёл к столу. Один раз они уже подходили, и ничего не произошло, но нужно быть внимательным всегда. Его так учили.

На столе, огромном, старинном, должно быть очень неудобном, лежали книги, бумаги, стояли колбочки, до половины насыпанные землёй. Справа на выцветшей жёлтой афише лежали ровно срезанные короткие веточки – видимо, той самой антоновки, которую садовод и библиотекарь Пётр Сергеевич намеревался возродить и вернуть народу. Там же, справа, валялись какие-то кроссворды – стопкой, – ручки, карандаши, среди них затесалась отвёртка.

Лампа с левой стороны, тоже старая, с проржавевшим ободом и молочным треснутым абажуром, стояла криво – каменная её подставка одним углом наехала на какую-то книжку, и лампа перекосилась.

Макс подумал, наклонился и посветил под абажур. Изнутри к спицам за четыре угла был подвешен на нитках тонкий носовой платок, в который было что-то насыпано. Если лампу вернуть в вертикальное положение, нитка оборвётся, содержимое платка непременно разлетится во все стороны. Макс сунулся ещё поближе и осторожно перчаткой тронул платок. Тот сразу закачался, над ним взвилось облако порошка. Порошок был синий и очень мелкий, мельче пыли.

Перчатку, подставку и стол вокруг лампы запорошило тонкой синей гадостью, стряхнуть которую не было никакой возможности.

Макс потёр друг о друга перчаточные пальцы.

...Н-да.

Он бесшумно вернулся в коридор, достал из рюкзака шарик, чуть поменьше пинг-понговского. Возле лампы он встряхнул шарик – тот превратился в безразмерный пакет, – подвёл его под нитки, дёрнул и мгновенно затянул завязки. Пакет изнутри весь окрасился синим.

Макс положил пакет к стене и продолжил осмотр.

Часа через два он пересмотрел все книги, прочёл все записи, изучил все кроссворды. Можно перемещаться дальше.

За окнами давно стемнело, и работать стало неудобно, но Макс должен был закончить.

Следующей на очереди была кухня. Не торопясь, Макс обвёл фонарём стены, потолок, пол, чёрный провал окна.

Кухонька оказалась тесной, крошечной, зато здесь имелись целых две плиты – дровяная с чугунными конфорками и обычная газовая. На дровяной стояли две сковороды, а на газовой – чайник со свистком.

...Ретроград и консерватор был этот самый Пётр Сергеевич!.. Ни компьютера, ни телевизора, ни даже электрического чайника.

Макс принялся методично осматривать кухню и тут чуть было не дал маху.

На холодильнике стоял павлин, дымковская игрушка. С того места, где находился Макс, было не видно, что стоит павлин как-то боком и держится на холодильнике едва-едва. Он слегка задел холодильник, павлин покачнулся и начал падать, но Макс Шейнерман всё же оказался проворнее павлина и подхватил его над самым полом.

Павлин – тяжёлый, словно отлитый из свинца, – шлёпнулся ему в руки, Макс потерял равновесие, упал, перекатился, стараясь не уронить и не перевернуть игрушку.

Сидя на полу с павлином в руках, Макс поискал глазами фонарь. Тот завалился под плиту.

Макс аккуратно, не выпуская павлина, достал фонарь и осветил.

Дырка в глиняном днище была плотно закупорена. Открывать её Макс не стал. Он внимательно изучил глину вокруг крышки, колупнул, понюхал и аккуратно поставил павлина на подоконник.

Труба дровяной печи входила в дымоход как-то криво, и Макс, забравшись на плиту, осторожно снял её. В дымоходе оказалась жестяная коробочка из-под чая, а в ней какие-то деньги, перетянутые резинкой.

Макс не выдержал и засмеялся.

Коробку он поместил рядом с павлином.

Он обшарил кухню сантиметр за сантиметром. Вся посуда была перемыта и убрана в буфет. Там же, в нижнем отделении, стояли трёхлитровые банки с сахарным песком, гречкой, пшеном и консервы – тушёнка, бычки в томате, перловка с салом.

Макс передёрнул плечами. Хотелось есть, но при виде перловки с салом – расхотелось.

Вытащив банки, он внимательно изучил газету, которая была постелена на дно буфета. Так же скрупулёзно он осмотрел обе плиты и холодильник.

На холодильнике сверху тоже лежали какие-то газеты, жёлтые от времени и кухонных паров, и ещё один сборник кроссвордов и головоломок.

Макс перелистал его, задержался на одной из страниц, вновь перелистал и сунул в карман пиджака.

Больше в доме покойного Петра Сергеевича ему было делать нечего.

Перед президентским люксом Хабаров помедлил немного, не потому что хотел оглядеться по сторонам, а со страху. Никого не было в коридоре, и он это знал. В холле возле лифта встретились ему два чувака при спортивных сумках – один с подбитым глазом. В левом крыле возилась горничная со своей тележкой, до люкса она доберётся ещё нескоро, а больше никого.

Хабаров постучал.

Дверь ему открыла Джахан. Он не видел её, казалось, целую вечность.

– Привет, – сказала она. – Ты будешь чай?

– Здравствуй, – ответил Хабаров. – Здравствуй, Джахан!

Должно быть, голос у него был странный, потому что она сразу ушла, даже не взглянув ему в лицо.

Хабаров с силой выдохнул, зашёл в номер, прикрыл за собой дверь и постоял немного.

Здесь, как и во всём отеле «Тамбов-Палас», было богато, позолочено и мраморно. Канделябры с висялками, ковры с диковинными розами и райскими птицами. И такие же райские птицы на обоях и шторах.

Впрочем, райские птицы Хабарова решительно не интересовали, он их и не заметил. Он готовился к встрече, уговаривал себя не волноваться и всё-таки волновался.

Он пошёл на звук – в глубине люкса надрылся телевизор. Не иначе Дашка смотрит какую-нибудь утреннюю ерунду про моду или путешествия.

Они все были там, все вместе в одной комнате.

Хабаров остановился на пороге и зажмурился на секунду. Как будто не было всех этих долгих месяцев, сложившихся в два неполных года.

– Только без восклицаний, пожалуйста, – попросила Джахан, которая всё понимала и всё замечала – всегда.

– Ну что ты, – пробормотал Хабаров. – Минутная слабость.

На стойке зелёной пластмассы, имитирующей малахит, она заваривала чай в крохотном расписном чайничке. От чайничка поднимался пар.

Даша лежала в кресле поперёк – длинные белые волосы свешивались с одной стороны, а длинные джинсовые ноги болтались с другой.

– Леха! – закричала она и стала выбираться из кресла. – Это ты?!

Макс Шейнерман оглянулся от окна, и они встретились с Хабаровым глазами.

Даша кинулась ему на шею, повисла, заболтала ногами. Он немного покружил её и отпустил. Потом пожал Максу руку.

– Чаю? – спросила Джахан.

Хабаров знал – момент встречи нельзя затягивать! Нельзя ничего – ни вспоминать, ни восклицать, ни плакать. Нельзя считать потери. Нельзя хвастаться приобретениями.

Он всё это понимал, но сердце у него дрожало, и холодно было в спине, и он не знал, куда девать глаза.

– Садись сюда! – Даша потянула его к креслу. – Ты садись, а мы будем на тебя любоваться!

– Любоваться, – подал голос Макс, – лучше на тебя, дорогая. Ты не изменился, Алексей Ильич. Ну... почти.

– Тебе, конечно, кофе, Макс? – почти перебила Джахан.

– Конечно.

– Я в прошлом году был на твоей первой выставке, – сообщил Хабаров Даше. Она захотела. – Даша Жу, московская знаменитость!

– Ещё какая, – согласилась Даша, подбежала к Максиму, взяла его под руку и сделала особенное лицо. – Художник, – начала она голосом, тоже особенным, – видится в первую очередь манипулятором – произведений и идей. Он может оказаться тактиком, который за счёт просчитывания рыночной и медийной конъюнктуры осуществляет поддержание своей личной власти, собственного символического и реального капитала.

– Даша Жу – твоя идея? – наслаждаясь, спросил Хабаров у Макса.

– Отчасти.

– Ну разумеется, он всё придумал. Мне бы и в голову не пришло! Главное, какой успех, Лёша! Какой успех!.. От смеха сдохнуть можно!..

Джахан принесла поднос с пиалами и чайником. Хабаров старался на неё не смотреть.

Она разлила чай, высоко поднимая и вновь опуская над пиалами носик чайника, и ни одна капля не пролилась, ничего не брызнуло на стол! Отдельно она подала Максиму чашку кофе, забралась в кресло и поджала под себя ноги.

Всё. Момент встречи, он же вечер воспоминаний, окончен. Магазин «Ностальгия» закрыт на всякий замок.

Алексей Хабаров взял пиалу, глотнул чаю и зажмурился – так он был горяч и памятен ему.

Они ждали, и он знал, что должен заговорить первым.

Он глотнул ещё раз.

В телевизоре ведущий наставлял какую-то нечёсаную и неумытую тётку:

– Вы, милочка, своими нарядами доведёте до беды не только детей и мужа, но и меня. Вы просто-напросто вульгарны! Это же совершенно противоречит элементарным требованиям вкуса!..

– Итить твою налево, – пробормотал Хабаров. – Где пульт?

Даша подала ему пульт от телевизора, и он убавил звук.

– Пётр Сергеевич Цветаев, – начал он, – сотрудник особого отдела главного разведуправления четыре дня назад был убит. Джо, как он был убит?

– Отравлен, – отозвалась Джахан. – Разреши, я возьму свои записи?

– Конечно, – кивнул Хабаров.

Джахан перелистала замызганный кожаный ежедневник.

– Здесь расшифровка записи с диктофона, – объяснила она. – Саму запись сохранять я посчитала нецелесообразным.

– Ежедневник взломать трудно, – пропищала Даша, кривляясь. – Можно даже сказать, невозможно!.. Не то что компьютер!

– Отравлен он был накануне. По моим оценкам, за сутки до смерти. Я взяла пробы на разные яды. Сегодня смогу сказать точнее.

– Отложенное действие? – уточнил Хабаров.

– Такие яды редкость. Купить в аптеке или синтезировать в домашних условиях их невозможно.

Джахан говорила, как всегда – короткими и очень правильными предложениями, Хабаров наслаждался. Он и вопросы задавал только для того, чтобы она говорила.

– На теле нет повреждений. Нет следов борьбы. Предполагаю, что в определённый момент он просто упал и умер. Все внешние признаки указывают на сердечный приступ. Что и было зафиксировано местными эскулапами.

– Где ты нашла след от инъекции?

Тут она улыбнулась. Скуластое смуглое лицо стало совсем молодым и прекрасным. Этим самым следом от инъекции она прямо-таки гордилась. Никто не нашёл бы, голову можно дать на отсечение, а она нашла!..

– В стопе, – сказала она, и Хабаров посмотрел на неё с изумлением, Макс тоже. – Укол был сделан в стопу. Ему что-то подложили в ботинок.

– Кошма-ар, – протянула Даша.

– Я осмотрю его одежду и обувь. Но уверена, что ничего не найду. Скорее всего ботинки на трупе поменяли.

Хабаров немного подумал.

– Макс?

Тот покачал головой:

– Я после Даши.

– А я что? – Она вскинула длинные руки и сладко потянулась. – Я всё сделала! Вчера страшно здесь шумела, гости Тамбова моё появление запомнят надолго.

– Тип с подбитым глазом...

– Моих рук дело, – закончила Даша с удовольствием. – На местного авторитета и хозяина города Павла Лемешева я произвела неизгладимое впечатление. Сегодня продолжу производить.

– Только аккуратно, – предупредил Хабаров. – На него покушение готовится со дня на день.

Даша удивилась:

– Кому он нужен? Или в Тамбове в разгаре криминальные войны?

– Особенно никто не воюет, но он гостей с Кавказа поприветствовал, а у тех полное взаимопонимание с ростовскими. Они давно мечтают Пашу отсюда подвинуть.

– А вмешаться? – безмятежно спросила Даша. – Можно? Он тогда мне должен будет по гроб жизни.

– Смотри сама.

– Лёшенька, спасибо тебе, ты самый-самый лучший пуся-начальник!..

– Даш, у нас на всё про всё дня два, от силы три. Ты особенно не увлекайся местным колоритом. Единственное, что нам нужно, узнать, кто у него на земле недавно появился и тут шурует. Не может быть, чтоб никто из его шестёрок ничего не видел и не слышал. Убийство Цветаева готовилось давно и тщательно, к нему кто-то ходил, вон даже в ботинки ампулу умудрились затолкать!

– Я всё, всё понимаю! Я всё, всё узнаю! Не беспокойся, пусечка-дусечка!..

Джахан подлила Хабарову чаю. Он проводил взглядом её руки. Она по-прежнему на него не смотрела.

– В городе много гостей – слёт самбистов или большие соревнования, – продолжала Даша. – Но они заехали только что, два дня назад. Ещё какие-то немецкие туристы куда-то едут на байках, так мне сказал зайчик. Сама я их не видела.

– Какой зайчик? – не понял Хабаров.

...Прошло почти два года, и он... отвык. Не забыл, забыть нельзя, а именно отвык – от них, от их манеры выражаться, от странностей и шуток. Он привыкнет очень быстро, а потом мучительно и долго станет отвыкать.

– Ну, администратор, маленький милый зайчик! Я из него всю душу вынула вчера. Он сказал про немцев на байках.

– Информацию нужно... – завёл было Хабаров.

Даша перебила:

– Проверить! Конечно, я всё проверю, на всех погляжу, всё доложу!

– В доме Цветаева, – начал Макс, – полно ловушек. Я открыл три. Они детские, конечно, но без подготовки сразу обнаружить их сложно. Джо, там есть ещё кофе?

Джахан моментально поднялась.

– Сиди, я сам налью.

– Нет, нужно варить. Остывший кофе не пьют. Его выливают.

И они улыбнулись друг другу нежно, почти любовно – она никогда так не улыбалась Хабарову.

– Ты знал его?

Хабаров, отвлекшийся на Джахан, не понял, о ком речь.

– Ты лично знал этого Петра Сергеевича?

– А... нет, не знал.

– Он большой шутник, – продолжал Макс. – Во-первых, все ловушки начинаются на букву «п» – подпол, порошок, павлин.

– У него дома павлин?! – весело удивилась Даша.

– По коридору просто так не пройти, провалишься в подпол. В кабинете в лампу насыпан порошок, каким метят деньги для взяточников – просто мелкодисперсный краситель. Я перчатки испортил. На холодильнике дымковский кувшин – как раз этот самый павлин, – он падает при малейшем качании. В нём, по всей видимости, краска, я не стал проверять.

Хабаров внимательно слушал.

– Насколько я понял, все эти ловушки предназначены исключительно для того, чтобы проникновение в дом не осталось незамеченным. Любой, угодивший в ловушку, непременно бы наследил.

– Он был готов к неожиданным гостям, – сказала Даша. – Что тут такого? Мы все... готовы. Правда же?

– В дымоходе спрятаны деньги. Очень топорно. – Макс улыбнулся. – Ну, это специально для каких-нибудь залётных воришек.

– Ты забрал? – осведомилась Даша нетерпеливо.

– Дом полон книг, бумаг, газет. Никакой электроники нет, даже телевизора.

– Нет, я не поняла, почему ты деньги не взял?! Ты же их нашёл! Значит, они наши!

– Я пересмотрел всё. Он любил примитивные кроссворды и головоломки. В кабинете их целая стопка, все разгаданные.

– Макс, не тяни, – попросил Хабаров.

– Один из сборников головоломок был обнаружен не в кабинете, а на холодильнике. Сверху на нём стоял павлин. – Макс достал из рюкзака растрёпанную книжечку дрянной жёлтой бумаги с круглым отпечатком, по всей видимости от павлина, и перелистал. – Здесь тоже кроссворды и головоломки, но разгаданы они не все. Я убеждён, что именно здесь Цветаев оставил нам сообщение.

Группа смотрела на него, все молчали. Макс Шейнерман любил эффектные выступления, Даша от него научилась.

– Я сделал такой вывод, когда обнаружил вот это.

Он кинул брошюрку на стол, перевернул хлипкую страницу.

– Это кроссворд, он весь разгадан. Здесь читаем: «Добытчик и прибыльщик», уроженец Сольвычегодска, покоритель Даурских земель». И ответ по вертикали: Хабаров.

– Ерофей Павлович, – нисколько не удивился Хабаров Алексей Ильич. – Пётр Сергеевич знал, что в случае нештатной ситуации к делу подключат нашу группу. Уговор был именно такой.

– Следовательно, в этой книге есть нечто адресованное нам. Расшифровкой планирую заняться сегодня.

– Возможно, это займёт время, – подала голос Джахан. – Наверняка шифр нетривиальный.

– Или очень простой, – возразил Макс. – Этот ваш Пётр Сергеевич был оригинал.

– Наш, – поправил Хабаров, Макс промолчал. Джахан подала ему кофе и вновь с ногами забралась в кресло.

– Поверхностный осмотр библиотеки ничего не дал, – сказал Хабаров. – Я там ещё покопаюсь. Но по всей видимости, меня вели, и достаточно профессионально, я ничего не заметил. Вряд ли из Москвы, скорее всего, приняли уже здесь, в Тамбове.

– С чего ты взял?...

Хабаров достал из кармана пулю и аккуратно положил на стол рядом с расписной пиалой.

– Выстрелов было два. Стрелял человек на мотоцикле.

Даша двумя пальцами взяла пулю, изучила со всех сторон и передала Максу.

– Пуля как пуля, – сказала она, и Хабаров усмехнулся.

– Получается, они всё ещё здесь. – Макс вернул пулю на стол. – Что это может значить?

Не нашли то, что искали? Продолжают искать?

– В библиотеке полно гражданских, – подала голос Джахан.

– Я знаю.

– Наш противник может туда вернуться. Особенно если ты продолжишь там работать.

– Что ты предлагаешь?

Они все помолчали, обдумывая информацию.

– Характеристика пули, – проговорила Даша задумчиво. – И ещё мотоцикл. Немцы на байках путешествуют на юг России, живут в этой гостинице. Я поняла и ускорюсь, Лёш.

– Вот именно.

Хабаров допил чай и посидел немного, проверяя себя. Кажется, всё?.. Больше говорить не о чем?..

Как ему хотелось... ещё побыть с ними!.. Посмотреть на Джахан. Послушать Дашкины рассказы. Сыграть с Максом в шахматы – когда-то они играли в шахматы!

Он поднялся и забрал со стола пулю.

– Штатно встречаемся вечером, – сказал сухо. – На экстренный случай связь как обычно.

Вышел и неслышно прикрыл за собой дверь. Оставшиеся помолчали.

– Я не поняла, он изменился? – спросила Даша наконец. – Или не изменился?

– Если за ним следили из Москвы, дело плохо, – сказал Макс Шейнерман. – Мы не успеем.

– Не болтай, – отрезала Джахан. – У нас есть дело, мы должны его сделать.

– Ну конечно, – пробормотал Макс. – Ты же святее папы римского, как это я забыл!..

Он подобрал с пола свой рюкзак, закинул за плечо и на прощание улыбнулся Даше.

Она прищурилась на солнце, посмотрела по сторонам – улица была неспешная, купеческая, тамбовская и очень ей нравилась, – нацепила на нос тёмные очки и полезла в рюкзак.

– Всё выше, и выше, и выше, – напевала она себе под нос, – стремим мы полёт наших птиц...

– Вам помочь? – спросили откуда-то сбоку, и на неё легла тень.

Даша задрала голову и посмотрела. Рядом стоял гостиничный администратор Никита, маленький милый зайчик, и вид у него был сконфуженный.

– Здра-асти, – протянула Даша. – Сколько сейчас времени в Токио?

Зайчик немного дрогнул.

– Почему вы слоняетесь по улице без дела? Разве вы не должны гореть на работе? – продолжала Даша.

– Сегодня не моя смена, – буркнул Никита.

Дёрнул его чёрт подойти! Знал же, что добром не кончится, и всё-таки полез!..

Даша вытащила из рюкзака непонятный металлический рельс и сунула Никите в руки – довольно тяжёлый. За рельсом последовала узкая платформа на колёсиках, странная штука!.. Красавица застегнула опустевший рюкзак и пристроила его на плечо.

– Держите!.. Крепче держите!

Сухой щелчок, рывок, рельса прилажена к платформе, открыты резиновые уши, и – опля! – получился самокат!

Даша в разные стороны повела головой так, чтобы разметавшиеся платиновые волосы уж точно весь день не давали бы покоя маленькому славному зайчику, вскочила на самокат и покатила.

Никита – будь оно всё проклято! – припустился следом за ней.

Даша отталкивалась ножкой и слегка повиливала передним колесом. Волосы развевались.

– Прикольная штука, – говорила Даша на ходу. – Кул! Мы все вскоре бросим наши «Мерседесы» и станем передвигаться только на великах и самокатах!

– Все – это кто? – пропыхтел рядом Никита. Он старался не отставать.

– Москвичи! Ты что, не в теме? У нас теперь сплошные велосипедные дорожки и ограничения движения! Мне нравится! Да всем нравится, кто в центре живёт! Замкадыши бузят, и всякие тёти Маши из Бирюлёва, которые на «Логанах» паршивых в центр прутся, а нам по приколу!..

Даша соскочила с самоката и деловито подёргала резиновые ручки-уши.

– Немного заедают, – объяснила она, оглядела взмокшего Никиту и спросила: – А ты на велике или на байке?

Никита, счастливый обладатель новенькой «Лады-Приоры», купленной в кредит, не нашёлся что ответить.

– Не, ну байк тоже клёво, но где на нём ездить? По «трёшке» или по МКАДу себе дороже! И по трассе тоже не в кайф, то дождь, то пылица! Хотя у нас в компании есть чел, тру байкер, без дураков. Он по Европе катается! Полицейским прикурить даёт!

– У нас в отеле тоже байкеры живут, – сообщил доверчивый маленький зайчик, обрадовавшись, что может столичный разговор поддержать, – из Германии на Чёрное море едут. Вот у них агрегаты!..

– Да наверняка старьё какое-нибудь!.. Они теперь в Европе все бедные, кризис же.

Никита подумал, что не отказался бы от такой бедности, как у этих немцев, путешествующих на байках к Чёрному морю!.. От их мотоциклов, курток, ботинок и комнат в лучшем отеле города! Он даже слегка обиделся за них.

– Ничего они не бедные, – сказал он и насупился. – Неделю с лишним живут и съезжать не собираются!.. Механик при них на «минивэне»! Байки на мойку гонял, на сервис!..

– Ты так говоришь, как будто их сто, этих байков! – фыркнула Даша. – Или десять!

– Два, но я тебе говорю – крутые!

– Может, дадут покататься? Или сами покатают?

...Тебе-то точно дадут, подумал Никита, и покатают, и ещё с собой на море пригласят, а мне-то ничего не светит!..

«Минивэн», подумала Даша, живут больше недели. Интересно.

– А чего они так долго тут торчат, в вашем Тамбове? Где Тамбов, а где море?

– Может, им нравится.

Даша обидно засмеялась, опять повела волосами и распорядилась:

– Ты меня с ними познакомишь. Йес? Или ты работаешь сутки через восемь?

– Завтра я работаю, – пробурчал Никита и поклялся себе, что ни с кем столичную штучку-сучку знакомить не станет и вообще больше в её сторону не взглянет никогда.

Даша вскочила на самокат, сделала вокруг Никиты круг, сказала:

– Покедос! – помахала ручкой и покатила. На брусчатке самокат слегка потряхивало, тряска отдавала в локоть.

...После ранения этот локоть в лубках она ненавидела. Лубки означали, что она больше не сможет работать – никогда. Почему-то совсем скверно становилось часов в двенадцать дня. Она неотступно думала, что сослуживцы «в поле» на работе, а она здесь, в больнице, – из-за какого-то проклятого локтя!.. От ненависти она выла, зубами грызла и рвала гипс, и однажды военврач, застав Дашу, заорал, что комиссует её за психопатство.

Всё обошлось, она осталась на службе, но локоть, который в любой момент может подвести, и его нужно уговаривать, чтоб не подвёл, время от времени напоминал ей о собственном слабодушии – как сейчас, – и она покатила ещё быстрее, чтобы в который раз доказать себе, что ей наплевать и она может не обращать на такие мелочи, как боль, никакого внимания.

Павел Лемешев по кличке Паша-Суета жил в особняке на улице Максима Горького – вроде бы исторический центр славного Тамбова, а вроде бы уже и загород. Точный адрес Даша, разумеется, знала, но ей хотелось себя проверить. Она была уверена, что дом местного авторитета узнает и без всякого адреса.

Напевая себе под нос про стальные руки-крылья и пламенный мотор, Даша катила по улице. Редкие прохожие провожали её глазами и даже восклицаниями вроде «Ты гляди, гляди!» – не все в Тамбове были в курсе столичных увлечений, и взрослая барышня на дет-

ской штукевине вызывала насмешливое недоумение. Даша понимала, что привлекает внимание, для этого всё и задумывалось.

Дома на улице Максима Горького были в основном одно-и двухэтажные, некоторые ухоженные, чистенькие, подновлённые, другие совсем запущенные, покосившиеся, как будто трухлявые. Время от времени попадались особняки в новорусском вкусе – ворота с орлами на столбах, дом непременно красного кирпича с колоннами и арками, перед домом стоянка на несколько машиномест, всё культурно. Даша особняки проезжала – не то, не то.

Наконец по правую руку начался подходящий забор – бесконечный, как Великая Китайская стена, с квадратными выступами, похожими на сторожевые башни, на каждой башне камера. Ворота чугунные, литые, изнутри заделанные листовым железом, рядом Калиточка с начищенной кнопкой домофона.

...Андрей Боголюбский, сынок князя Юрия Долгорукова, ушедший из Киева на Суздальские земли, умер бы от зависти, увидав такой великолепный забор – никаким докучливым татарам с ходу не взять!

Даша соскочила с самоката и стала поправлять ручки – опять заело, что ты будешь делать!..

Камеры простреливают через одну – эту сторону улицы и противоположную. Сразу за забором теремок красного кирпича, скорее всего домик охраны. Над забором торчит слуховое окно теремка, в нём – Даша ещё разок быстро взглянула, – как пить дать какая-то оптика. В глубине участка виднелась едва зазеленевшая липа, высоченная, роскошная, и на ней ещё камера. Хорошо хоть наблюдателя с биноклем не посадили!.. Впрочем, наверняка и наблюдатели есть.

Даша вскочила на самокат и проехала до конца забора, он был очень длинный и, по всей видимости, огораживал участок со всех сторон, на соседний домик выходила такая же укрепленная стена с башнями и бойницами. На перекрёстке она развернулась и покатила обратно. Возле самых ворот остановилась, извлекла из рюкзака фотоаппарат, прицелилась на забор и стала фотографировать.

...Раз, считала она про себя, два, три.

Она дошла до двадцати четырёх, когда наконец калиточка распахнулась и показалась бритая чугунная башка. Не очень-то они расторопны!..

– Девушка! – выговорила башка. – Вы зачем фотографируете? Не надо тут снимать!

– Почему? – удивилась Даша. – Может, я именно тут и хочу фотографировать!

Башка озадачилась, а потом тяжеломерно рассердилась.

– Сказано, нельзя, значит, нельзя! Давайте в другом месте фотографируйте!

– А я в этом хочу, – отозвалась Даша.

– Ты чего, слов, что ль, не понимаешь?! – окончательно рассвирепела башка. – Давай отсюда! Ну?! Или щас мельницу твою разобью!

– А я полицию вызову!

– Да ты чё, дура, что ли?! Давай чеши отсюда!..

...Двадцать восемь, считала Даша, начавшая заново, когда высунулась башка, двадцать девять, тридцать. Ну?! Скоро вы там проснётесь? Или хозяина дома нет?..

Охранник выбрался на тротуар, калитку за собой оставил открытой – вот какой профессиональный человек! – подскочил и рванул на себя фотоаппарат. Даша не отпустила, повалилась на него, – тот едва устоял на ногах, – и заголосила что есть мочи:

– Помогите! Гра-абят! Убиваю-ут!

– Что ты орёшь, сука! Заткнись! Заткнись, кому сказал!

– Спасите!!!

– Дай сюда мельницу! Рот закрой! Закрой рот!..

– Лёха, чё ты устроил?!

Чугунная башка моментально отпустила фотоаппарат, Даша сразу же бухнулась на асфальт и стала кататься и выть.

– Он меня убил, – выла она, – совсем убил!

– Лёха, чё такое?!

Видимо, второй был начальником башки, потому что та с ходу начала лепетать и оправдываться:

– Да она с мыльницей своей сюда полезла... я сказал, что нельзя, а она орать... да я её пальцем не тронул... гадом буду – не тронул...

Второй в растерянности наклонился над Дашей – калитка всё это время оставалась открытой, – и тут в кармане у него запищала и захрипела рация.

Слава богу, подумала Даша, которой надоело кататься и выть, сообразили.

– Ты это, – выплюнула рация сквозь помехи, – в дом её давай. Давай, давай!..

– Не понял, повторите!..

– Чё, блин, ты не понял! Давай девку сюда!..

– Вставай, – велел начальник и потянул Дашу за руку. – Пойдём.

– Куда?! – перепугалась та. – Никуда я с вами не пойду!..

После чего спокойненько дала себя скрутить и отконвоировать за забор. Чугунная башка следом тащила самокат.

«Чижа, – продекларировала Даша про себя, – захлопнула злодейка-западня!..»

Перед ними простирался плац – без единого деревца или кустика, – ровный и гладкий, хорошо простреливаемый и с отличным обзором. На плацу может поместиться, прикинула Даша, полсотни бойцов или пятнадцать машин, никак не меньше. Справа вдалеке росла липа, которую она заметила с улицы. Слева маячила сторожевая охранный башня.

...Как, должно быть, неуютно живётся всем этим авторитетам!..

Бронированная дверь в особняк красного кирпича была открыта, на высоком крыльце толпились парни – клоны чугунной башки. Правда, у некоторых на голове были волосы разной длины и цвета, видимо, затем, чтобы как-то отличать клонов друг от друга. Даша хлюпала носом и растирала по лицу слёзы.

– Давай шевелись!..

– Да иду я, иду...

Среди парней, раздвинув их плечами, появился Паша-Суэта. Глаза у него бегали, щупали Дашино лицо, белые волосы, грудь, ноги – и в обратном порядке.

Когда её подвели поближе, он вдруг раскинул руки, притопнул, как в плясовой, и сказал громко:

– Ба-а, какие люди в Голливуде!.. Что кислая такая, красавица?..

– А чего он дерётся! – начала Даша и локтем ткнула в сторону чугунной башки номер один. – Фотоаппарат отобрал, а меня чуть не убил!

– Да ничего я её не бил! Я ей русским языком говорю: хорош сымасть! А она сымает и сымает!..

Паша сбежал с крыльца и обшарил Дашину физиономию вблизи – как будто руками трогал, ей-богу!..

– А чего это столичным гостям на нашей тихой улице понадобилось? – протянул он. – Что тут у нас за красоты-раскрасоты?..

– Забор мне ваш понравился, – буркнула Даша и на всякий случай ещё раз вытерла слезы. – Мы никак не можем на даче забор поставить. Я думала, сфотографирую, папе отправлю...

– Забо-ор, – как будто удивился Паша. – Да ещё па-апе! Вон оно что!.. Ну, проходи, погости у меня, красавица. Забор, он забор и есть, а вот за забором у меня не всякий бывает!

Клоны зашумели и подвинулись, не то угрожающе, не то уважительно. Паша повёл плечом, и они моментально стихли.

– Где мой самокат? – жалобно спросила Даша. – Отдайте!

Паша хмыкнул:

– Да вот он, нам-то без надобности! Мы всё больше по старинке, на машинках катаемся. Проходи, не жмись!..

Даша поднялась на крыльцо.

...Всего семеро, включая чугунную башку и Пашу. Есть ещё люди, или все столпились здесь, чтобы поглазеть на неё?..

Калитка всё ещё распахнута настежь – вот дебилы!..

– Я не хочу никуда проходить, – захныкала она. – Мне в гостиницу надо! Что вы ко мне привязались? Я ничего плохого вам не сделала!..

– Да если бы сделала, красавица, – развеселился Паша, – разве б я тебя встречал, как самого дорогого гостя?!

Даша опасливо покосилась на него, так чтобы он понял, как она напугана, судорожно вздохнула, ссутулила плечи и сделала ещё шаг.

Она уловила движение и почувствовала опасность раньше, чем всё случилось. Она была очень хорошо подготовлена!..

По улице, за знаменитым забором, который так понравился Даше и, возможно, понравился бы Дашиному папе тоже, лавиной покатился шум и рокот, как будто на большой скорости приближалось сразу много машин, завизжали тормоза, захлопали двери. Оттолкнув чугунную башку, так что тот не удержался, замахал руками и как куль перевалился через перила, Даша ринулась к своему самокату.

В проёме калитки показались люди в масках и веером, не целясь, открыли огонь.

– ...Твою мать! – завопил кто-то рядом.

Фьюить, фьюить, фьюить, просвистело у Даши над головой.

Вокруг неё толкались многочисленные ноги, ещё кто-то упал и силился подняться, и по тому, как он дышал, с хрипом и бульканьем, Даша поняла, что не поднимется уже никогда.

– Огонь! Огонь! – кричали у неё над головой. – Мать, мать, мать!..

Самокат сухо щёлкнул, разваливаясь на части, Даша молниеносно извлекла из него винтовку, огляделась, прикинула расстояние и залегла.

...Первым нужно снять главаря. Без командира нападавшие быстро остановятся. Кто у нас тут главарь?..

И с крыльца, и со стороны калитки безостановочно и беспорядочно палили. Тянуло порохом и ружейной смазкой, над плацем висел сизый дым.

Даша поудобней пристроила локоть и нащупала ногами опору. Её прикрывает железный ящик для цветов. Прикрытие так себе, но на пару выстрелов сойдёт.

Она определила цель, выждала и выстрелила. Винтовка щёлкнула почти без звука. Человек у ворот упал навзничь, и тот, кто был рядом, опустил пистолет и нагнулся посмотреть, что с ним.

Даша определила следующего, прицелилась и снова выстрелила. Ещё один сел, привалившись к забору и выронив автомат.

...Теперь надо ждать. Или они разбегутся, или сниму вон того, в бронежилете.

Пальба вдруг затихла, как будто сама по себе.

– Уходим, уходим!.. Мать твою!..

Нападавшие гурьбой, как стадо, кинулись к калитке, там как будто произошла давка, с крыльца ещё кто-то пальнул в белый свет, как в копеечку, взревели моторы, машины понеслись, и всё смолкло.

...Сволочи, подумала Даша, ах, какие сволочи!.. Бросили раненых, помчались шкуры спасать, гады, крысы!.. Главный закон войны – на поле боя своих не бросают.

Она поставила винтовку на предохранитель и обернулась.

Тот самый, чугунная башка, таращился из-под крыльца и был совершенно белым, пот тёк у него по лицу, капал с носа. Его начальник лежал, уткнувшись головой в угол. Паша-Суета сидел, привалившись к косяку распахнутой двери. Он коротко и быстро дышал и улыбался странной улыбкой. Остальные шевелились, поднимались, мотали головами. Никто ничего не говорил.

Прежде всего Даша сложила и спрятала винтовку. Железо щёлкнуло о железо. Она прислонила получившийся самокат к цветочному ящику и нагнулась над Пашей.

Тот всё улыбался. Из рта у него пошла кровь.

– Снайпер?

Даша кивнула.

– Уходить надо, снайпер, – со свистом выговорил Паша-Суета. – Сейчас менты приедут, добьют.

Даша кивнула. С её точки зрения, он был ранен тяжело, но не смертельно. Впрочем, она не специалист.

– Паша! – вдруг сказал кто-то из клонов. – Это чё такое было, Паша?!

Тот не отвечал, только дышал всё быстрее. Даша делала вид, что рассматривает его рану.

– Ключи от гаража и от машины, – на ухо Паше сказала она.

– Вон, в кармане.

Даша нащупала ключи на гигантском электронном брелоке.

– Твою мать, мать твою, это Агафон!.. Пашка, это Агафон, так его и растак!.. Его люди, точно!.. Он с Асланом скабанился, сука, блин!.. Паша, мочить их надо, прямо щас мочить!..

Даша вытащила у авторитета из пальцев автоматический пистолет и неслышно скомандовала:

– Давай!

Паша стал подниматься.

– Всем стоять, – негромко сказала Даша. – Оружие опустить. Одно движение, и я его пристрелю.

Клоны по очереди заглядывались и замерли. Пистолет упирался в Пашины рёбра, и не было никаких сомнений, что блондинка пристрелит его, как обещала.

– Тихо, тихо, – продолжала Даша. – Никто никуда не спешит. Самокат бери. Кати!..

Паша под пистолетом, сунутым в рёбра, нащупал резиновые уши самоката. Даша поддерживала его, чтобы не упал. Рука у неё была мокрой и липкой от Пашиной крови.

– Чего такое-то? – жалобно спросила из-под крыльца чугунная башка. – Мужики, это чего она делает?..

Никто не ответил.

Даша довела раненого до калитки и нажала кнопку на брелоке. Пока ворота поднимались, она спиной, не опуская пистолета, потихоньку продвигалась к открывающейся темноте гаража. Как только ворота поднимутся, действовать придётся быстро. Клоны, как под гипнозом, медленно двигались за ними всей стаей.

– Мужики, она Пашку пристрелит!.. Вали её, мужики!.. – пискнул кто-то, и Даша, волоча раненого и самокат, нырнула в ворота.

...Раз, считала она про себя, два, три... Головой вперёд она впихнула Пашу в джип, швырнула туда же самокат и завела мотор.

Клоны начали стрелять.

...Одиннадцать, считала Даша, нащупывая кнопку люка, двенадцать, тринадцать. Стекло в крыше машины поехало и стало неторопливо подниматься. Палили со всех сторон.

Даша вылетела из гаража, затормозила и, отпихнув Пашину ногу, которая ей мешала, поднялась, пристроила локти поудобней, прицелилась и выстрелила в темноту гаража. Оттуда сразу рвануло, полыхнуло огнём, из узких окон-бойниц повывлетали стёкла.

Даша размахнулась, швырнула в огонь пистолет, плюхнулась на сиденье, повернула и понеслась по тихой улице Максима Горького. В зеркалах она видела поваливший из-за Великой Китайской стены чёрный дым.

С этой стороны преследовать их никто не будет. Они сейчас заняты. Тушат гараж.

Доехав до пятиэтажек, Даша свернула во двор, приткнула джип к помойным ящикам между «Газелью» и выдавшей лучшие дни «Нивой», закрыла люк и заглушила мотор. Потом посмотрела на себя в зеркало и поправила волосы.

– Мы рождены, – пропела она бодро, – чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...

За её спиной по улице пролетели полицейские машины, одна, следом другая и третья. Где-то близко надрывно завывла сирена. Потом промчалась «Скорая».

Даша ещё полюбовалась на себя в зеркало, и только тут поглядела на спасённого авторитета. Он лежал на пассажирском сиденье очень неудобно, боком, быстро, отрывисто дышал, подтягивал к груди ноги, видно, больно ему было, почти невтерпёж. Сверху на нём лежал драгоценный Дашин самокат.

Она потянулась и в два приёма переставила самокат себе за спину.

– Сейчас ментов пропустим, – сообщила Даша авторитету, – и поедем потихоньку.

– Куда, блин? – просвистел Паша. – Куда мы поедем, снайпер? В больничку нельзя, завалят меня в больничке на раз-два...

– А мы туда и не поедем, не трусь, – подбодрила его Даша.

– Пулю вынуть надо...

– Пулю мы вытащили, – пообещала Даша. – А мозгов тебе не вставим! Пули мы вынимать умеем, а мозги вставлять пока нет!..

По улице прогремела пожарная машина. Даша в зеркале проводила её глазами.

Паша вдруг хрипло, с натугой засмеялся и вытер кровь с подбородка.

– Ты как про бочку с бензином узнала?

Даша покосилась на него и завела мотор.

– Да я не знала, – сказала она безмятежно. – Просто увидела. Я хорошо вижу в темноте. И потом!.. В твоём форте обязательно должен быть запас пресной воды, патронов и горючки! Это ясно даже дебилу.

Вырулив со двора, она неспешно покатила по улице. Телефон, старинный и громоздкий, как полевая рация, был в рюкзаке и, не отрываясь от дороги, Даша долго шарила по рюкзачным карманам. Нашарив, она по памяти набрала номер, повернула и поехала по другой улице.

– У меня пострадавший, – сказала она, когда ответили. – Мы будем минут через... десять.

Через девять минут и тридцать секунд она затормозила возле зелёного забора, кое-где покосившегося от старости. На сонной апрельской улице не было ни души, только брехнула с той стороны толстая рыжая собака, лежавшая на боку под воротами.

Даша просунула руку сквозь занозистый штакетник калитки, нащупала шпингалет, вошла на заросший участок, открыла ворота и заехала.

Маленький домик проглядывал сквозь только зазеленевшие кусты сирени и жасмина и казался необитаемым. Однако он был обитаем, Даша точно знала.

Макс Шейнерман возник рядом с ней, как будто акт материализации совершился. Только что никого не было на крыльце и дорожке, но когда Даша выскочила из машины, он уже открывал пассажирскую дверь.

Она хорошо знала это его умение – возникать из воздуха – и всякий раз удивлялась.

– О! – сказала она. – Ты уже здесь?

Он отступил немного, пропуская Джахан. Та тоже обладала даром материализации, но Максом Даша восхищалась, а Джахан её раздражала.

Паша-Суэта вывалился из машины, Макс подхватил его. Не прикасаясь, Джахан осмотрела его одежду, залитую кровью, а потом взглянула в лицо. Паша больше не улыбался.

– Спецэффекты, – процедила Джахан в сторону Даши. – Ты не можешь без них обойтись.

– Нет, интересно! Я что, должна была его бросить?! Я даже спросить ни о чём не успела!

– Ты создаёшь проблемы, – отчеканила Джахан. – Отнимаешь у нас время. Макс, давай вместе занесём его.

– Можно подумать, без меня у вас не было никаких проблем!..

– На счёт три, – велел Макс. – Раз, два!..

Вдвоём ловко и привычно они перехватили Пашу под руки и поволокли, почти понесли по дорожке.

– Ну и пожалуйста, – оскорблённым голосом сказала Даша им вслед. – Я им «языка» добыла, а они претензии выкатывают!..

Впрочем, на обиды и оскорбления у неё не было времени. Она вывела машину с участка, закрыла ворота и поехала, высматривая стоянку побольше. Две не подошли – они насквозь простреливались камерами, – а третья подходила по всем статьям. Торговый центр «Эдем», залепленный разномастными рекламными щитами, предлагал посетителям «Мебель Черноземья», «Женское бельё из Белоруссии «Тамбовская красавица», «Скидки на маникюр при заказе педикюра», «Элитные напитки от 150 рублей», секс-шоп «Ё-моё» и прочие радости жизни.

Даша заехала на стоянку, не попав в зону обзора ни одной камеры, достала с заднего сиденья самокат, выволокла его, закинула за плечо рюкзак и захлопнула дверь. Отпечатки пальцев её не волновали – она всё время была в перчатках, вроде бы спортивных, но не совсем, да и ни в какой базе данных её отпечатков быть не может!..

Напевая себе под нос, она вскочила на самокат, оттолкнулась и покатила – так, чтобы камеры не видели её.

Пересекая мост, она запулила ключи от машины в какой-то ручей и направилась к гостинице «Тамбов-Палас» – ей давно пора было обедать.

На библиотечном крыльце Хабаров зацепился ногой за горшок с геранью, с грохотом повалил его, посокрушался, подвигал туда-сюда, – так, чтоб уж никаких сомнений не оставалось, что пришёл именно он.

Внутренняя, до половины застеклённая дверь приоткрылась, и выглянула Светлана Ивановна. Очки она держала в руке.

– Опять? – воскликнула она, глядя не на Хабарова, а на герань. – Приму я её отсюда, что ж вы роняете то и дело?

– Неловок, – объяснил Алексей Ильич смущённо. – Ноги как-то сами зацепились...

– Ну, проходите, проходите.

В библиотеке по утреннему времени было отчего-то шумно, как в школьном классе.

– А у нас и есть открытый урок, – объяснила библиотекарьша, когда он спросил. – У Гали, в читальном зале! Вы давеча замечание сделали, что работа не ведётся! Как же не ведётся! У нас то и дело мероприятия! Вот сегодня ребята с нашим писателем встречаются, Юрием Григорьевичем Мурашовым-Белкиным! Два седьмых класса из двенадцатой школы и из сто сорок восьмой!

Плохо дело, подумал Хабаров, совсем плохо. Полна библиотека детей, да ещё и писатель с ними!..

– И представители гороно, – добавила Светлана Ивановна, видимо, гордясь представителями. – Открытый урок на тему «Знатные люди нашего края».

– Вы бы воздержались пока от открытых уроков, – сказал Хабаров, и она уставилась на него. – Нет, правда! Человек вот прямо на этом месте недавно погиб, да и фонды до конца мы не ревизовали!.. Не ко времени совсем.

– Как?! – поразилась Светлана Ивановна и нацепила очки. – Господи ты боже мой, я и не подумала!..

– Давно урок идёт?

– Да уж минут... – Она зашарила за манжетой на левой руке, ничего там не нашла и оглянулась на настенные часы. – В девять начали, стало быть... сколько?

– А что, Светланочка Ивановна, – Хабаров потёр руки и хитро улыбнулся, – схожу-ка я за тортиком, а?.. Всё равно мы пока за дело приняться не можем! А так чайку с тортиком попьём, когда вы ребята проводите.

Светлана Ивановна махнула рукой – делайте что хотите!

...Как это она не догадалась урок отменить? Проверяльщик московский догадался, а она нет!.. И ведь верно, не время сейчас для открытых уроков, ох не время!..

Хабаров скорым шагом человека, которому недосуг, пошёл по ухабистому узкому тротуару. Одноэтажные домики весело выглядывали из-за штакетников, молодая и тоже весёлая трава лезла из чёрной земли, и кусты стояли на солнышке, не шевелясь, словно окутанные прозрачной дымкой – Хабаров мог поклясться, что слышал, как лопаются почки. Должно быть, в мае, попозже, когда распустится сирень и зацветут яблони, здесь будет совсем по-дачному – тихо, тепло, зелено, лишь изредка пролетят мальчишки на велосипедах и прогрехочет бочка с молоком.

Алексей Хабаров был немного сентиментален и знал это за собой.

В булочной, выбирая среди квадратных, круглых, розовых, шоколадных, песочных, слоёных, глазурированных, фруктовых, бисквитных тортов, он провёл довольно много времени.

– Вот этот возьмите, – обстреляв его глазами, посоветовала продавщица в малиновом фартуке и такой же наколке на иссиня-чёрных волосах. Глаза у неё были подведены так густо, что хлопья сажи лежали на щеках. – Вы для кого берёте? Для своей девушки?

– Для девушек, – поправил Хабаров, по-свойски улыбаясь. – У меня их несколько.

Разочарование продавщицы было таким явным, что он добавил доверительно:

– На работу беру!

Продавщица воспрянула духом. Нет, она, конечно, знает, что все мужики кобелюки и сволочи, у неё самой такой же, но этот!.. Она похлопала на него ресницами, осыпав ещё немного крупных чёрных хлопьев на щёки. В школе проходили: у всякого, мол, правила есть исключения!.. Этот как раз исключение, сразу видно – порядочный. А улыбается как, на щеке ямочка, м-м-м, так бы и укусила! И фигуристый, ни пуза, ни отвисшей задницы. И глаза весёлые. Или... невесёлые?

– Правда, возьмите йогуртовый! Свежий, утром только привезли. И низкокалорийный! Вашим девушкам понравится!

Хабаров еще раз окинул взглядом торговое разнообразие и ткнул в самый кремовый, самый розовый, самый завитушистый.

– Вот тот возьму, как он называется?

– «Сказка», – сказала продавщица, доставая из-за стекла коробку. – В нём крема много, бисквита. Съела кусок, и сразу плюс два кило!..

– Вот чего я никогда не понимал, – сообщил Хабаров, – так это низкокалорийных тортов! Тут уж или торт, или худеть! Торт едят не для того, чтобы похудеть, а?.. Для того, чтобы похудеть, едят кабачки. Или я не прав?

– Вы, мужчины, всегда правы, – засмеялась продавщица. – Вам не объяснишь! А если и торта хочется, и худеть хочется, как быть?

Хабаров не знал ответа на этот вопрос.

С коробкой в руках он пошёл не прямо к библиотеке имени Новикова-Прибоя, а стороной, обходя небольшую соборную площадь с колокольной. Возле ограды толпились нищие и убогие, их было довольно много, как всегда в среднерусских городах. Во дворе под белой стеной стояли машина – как пить дать здешнего батюшки – и два мотоцикла, заваленные на подножки. Мотоциклы увешаны цацками, бирюльками, хвостами, разрисованы рожами – в основном волки и драконы, всё как положено.

Хабаров остановился возле заскорузлого дедка с жёлтой бородицей и стал копаться в карманах, выуживая мелочь. Большая собака, лежавшая рядом, подняла замученную морду и с надеждой посмотрела на Хабарова.

– Как звать? – Мелочь всё никак не находилась.

– Дядь Сашей звать, дядь Сашей, – забормотал старик и стал в такт кланяться. – Дядь Саша, дядь Саша...

– А его как? – Алексей кивнул на собаку.

– Да никак, кому он нужен, звать его!.. Прибился, не прогнать его! Заради Христа со мной просит, так и пусть просит, а то ведь гоню, не уходит, да и не мешает никому, лежит себе и лежит, не лает, не кусает, а прогоню, куда он пойдёт, я и то гоню-гоню, не идёт...

Хабаров ссыпал в стариковскую ладонь мелочь, которой оказалось довольно много. Тотчас со стороны собора подкатил бойкий желтоглазый инвалид на коляске и стал требовательно совать Хабарову сдёрнутую с головы кепку, и неопрятная краснолицая баба подбежала и заголосила:

– Подай на хлебушек, мил человек, а я за тебя помолюсь, попрошу Господа, Господь меня послушает, а ты подай, подай!..

От бабы несло перегаром.

Хабаров ничего не дал, да и мелочи больше не было. Попрошайки утянулись за ограду, несколько не огорчённые, видно, они и без него зарабатывали прилично.

– Дядь Саш, что за богомольцы на мотоциклетах приезжают? – Алексей погладил собаку по голове. Она вся напряглась и замерла.

– Да кто их разберёт, сейчас в церкву народ валом валит, просит душа-то, плачет без Господа, истомилась, видать, у народа душа без веры...

– Часто они приезжают?

– Так я за ними смотреть не поставлен, милый! – развеселился старик. – Когда приезжают, когда нет, кто разберёт, много их тут всяких.

– И вчера были?

– Вчера не были. Вчера какие-то на джипах заехали, много! И батюшка долго не выходил, может, вразумлял их, я сам не видал, не слышал.

Хабаров ещё немного поизучал мотоциклы с рожами.

...Вчера в это самое время в него стреляли как раз с мотоциклов. Нужно дать задание Дашке проверить эти два – кому принадлежат, когда куплены, как давно в Тамбове катаются.

На библиотечном крыльце он уронил горшок с геранью, громко посокрушался и открыл стеклянную дверь. На этот раз в «абонементе» было тихо, Светлана Ивановна на месте отсутствовала.

– Девушки, – позвал Хабаров, – вы где?..

И прислушался.

На зов выскочила, разумеется, Галя.

– Что вы так долго, мы прямо заждались! – И покраснела, как маков цвет. – Нет, вы не подумайте, просто Юрий Григорьевич познакомиться хотел, и Настя приехала, а она до десятого не собиралась...

Тут Галя окончательно выбилась из сил, покраснела пуще прежнего, круто повернулась и исчезла.

Алексей Ильич вздохнул. Дамский угодник из него был никудышный, хотя женщинам он нравился и знал, что нравится, и умел, когда нужно, этим пользоваться.

Библиотекари сидели в закутке, отделённом перегородкой. Перегородка была оклеена картинками из календаря за 2006 год.

– Алексей Ильич, проходите, проходите! Мы только чай собираемся пить!

– А я вот тортик принёс, как обещал!

– Товарищ из Москвы, – представила его Светлана Ивановна и значительно посмотрела на остальных. – Министерство культуры прислало после наших... событий. Юрий Григорьевич, наш знаменитый земляк, писатель.

– Мурашов-Белкин. – Приподнявшись со стула, писатель потряс Хабарову руку. – Как там наше министерство? Администрируете потихоньку? Руководите культуркой?

– Я по хозяйственной части, – простодушно сказал Хабаров. – Фонды, каталоги, то-сё, пятое-двадцатое...

Незнакомая молодая женщина, расставлявшая на канцелярском столе чашки, тоже пожала ему руку, гораздо энергичней, чем писатель.

– Настенька детским абонементом заведует, – объяснила Светлана Ивановна. – В отпуске сейчас. Узнала про наши дела и вот... вернулась. Тут не то что в Москве, Алексей Ильич. У нас и горе общее, и радость общая, вместе жизнь живём, по старинке.

Хабаров, развязывая торт, мельком улыбнулся Настеньке.

Писатель выудил из портфеля плоскую бутылку с тёмной жидкостью и водрузил среди чашек.

– Помянуть Петра Сергеевича, – пояснил он, когда Светлана Ивановна закудаhtала. – По русскому обычаю. А как же?..

– Вот вы там в Москве, – снова заговорил Мурашов-Белкин, когда помянули и закусили ломаной шоколадкой, – как считаете? Вы считаете, что библиотеки народу не нужны! Вы все с планшетками и девайсами и... как их? С гадами этими?

– Гаджетами, – подсказала Галя. Она отрезала здоровенный кусок торта, самый красивый, с зелёными розами, и поставила перед Хабаровым.

– Во-во-во! А книги вам ни к чему!.. До чего дошло, библиотекарёй убивать стали, как в Средневековье книжечеев! Опасаются, выходит, библиотекарёй-то?

– Кто опасается? – поинтересовался Хабаров, чайной ложкой подцепил розу и отправил в рот. Крем был холодный и сладкий, приятный.

– Как кто? Тот, кто народ оболванивает! Это же заговор против народа – библиотеки закрыть, книги пожечь, детей в школе физкультурным упражнениям учить, а больше ничему!

– Да что вы ужасы всякие городите, Юрий Григорьевич! – махнула рукой Светлана Ивановна.

– Правду я говорю, – отрезал писатель и сверкнул глазами на Хабарова. – Вот помяните моё слово! Убийство Петра Сергеевича – первая ласточка! Заговор, заговор! Теперь с образованными и начитанными так и будут расправляться, чтоб уж совсем никого не осталось.

– Тут я вам ничего сказать не могу. – Хабаров подул на чай и шумно отхлебнул. – Некомпетентен. Это вам в полицию нужно. Моё мнение такое – забежали сюда в библиотеку какие-то случайные хулиганы, испугали человека сильно, он и... того... помер от неожиданности. Сердце не выдержало или, может, жила какая лопнула!..

– А я вам говорю, что это неспроста! Здоровый мужик, молодой, ни с того ни с сего помер!.. Убили его.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем убили?

– Как?! – удивился Мурашов-Белкин. – Чтоб библиотеку закрыть и расформировать. В рамках оболванивания.

– Да не собирается министерство библиотеку закрывать!

– Ну, это вы так говорите!

И они посмотрели друг на друга.

...Почему писатель не верит в самое простое и правдоподобное объяснение – случайные хулиганы, случайная смерть?.. Что-то подозревает? Что именно он может подозревать?

– А я как узнала, – вступила Настенька, – так сразу помчалась билет менять. А там тариф дешёвый, и говорят, что просто так не поменяют, только с доплатой! Я вон даже Светлане Ивановне звонила, плакала.

Та покивала, подтверждая, – так и есть, и звонила, и плакала.

– Торт вкусный, – сказала Галя и вздохнула. – Такой вкусный торт! Вы на площади брали?

– Обыкновенный торт, – возразил писатель строптиво. – Вы мне всё же растолкуйте, как представитель министерства, кому наш Пётр Сергеевич так уж сильно мешал? Собрал человек вокруг библиотеки культурных людей, детишки стали сюда ходить, взрослые потянулись, и тут такое!.. Очаг просвещения сформировался, разгорелся даже, а теперь всё погребло!

– Что вы каркаете, Юрий Григорьевич?..

– Я не каркаю, а говорю, что думаю!

Хабаров подлил себе чаю. Этот – мутный, как будто со взвесью, пахнувший веником, – отличался от чая, который всегда заваривала Джахан, как украинский самогон от шотландского виски.

...Он очнулся после наркоза и сразу её увидел. Каким-то образом и в наркозе он знал, что она рядом, и знал, что увидит её, как только проснётся. Он проснулся и повернул голову.

Джахан пила чай из маленькой пиалы. «Хочешь чаю?» – спросила она и улыбнулась. Одна трубка была вставлена Хабарову в горло, другая в нос, и ещё много трубок и трубочек торчало из него, но она спросила, хочет ли он чаю!

Непостижимая женщина.

Под канцелярским столом Галя юбка то и дело задевала хабаровские колени. Что ты будешь делать!..

Алексей Ильич ещё глотнул заваренного веника и спросил, не помнит ли кто, какая погода была накануне происшествия.

– При чём тут погода? – рассердился писатель.

– Следы, – глубокомысленно изрёк Хабаров. – Если, к примеру, лило, убийца или хулиган наверняка наследил. Он же по воздуху не мог прилететь, а на дорожке, к примеру, лужи! Полиция ничего про следы не спрашивала?

Светлана Ивановна нацепила очки и посмотрела на Галю сначала через них, а потом поверх.

– Следы? – переспросила она. – Галь, они следы искали?

– Ох, не помню я, Светланочка Ивановна...

– А погода... Какая ж погода-то была?

– Я уезжала, тепло было, – сообщила Настя, – но по прогнозу похолодания ждали.

– Подожди, ты когда уезжала?

– Как раз накануне, за день. Я на работу в одном плаще пришла, первый раз после зимы надела.

– А Пётр Сергеевич на работе переобувался? Вот Светлана Ивановна, знаю, переобувается! У вас под столом туфли стоят.

– Конечно, – пробормотала библиотекарьша, смутившись. – Мы тут с утра до вечера сидим, а топят хорошо, исправно. В сапожищах резиновых долго не высидишь... Все переобувались, и Петя тоже.

– То погода, то сапоги, – фыркнул писатель. – Вы мне лучше про заговор против культуры растолкуйте!

– Про заговор не осведомлён, – повторил Хабаров. – Это нечто нематериальное! А вот следы вполне могли остаться.

– Ну, это дело полиции.

– Оно конечно, – согласился Хабаров, – но ведь покамест так и не установлено, кто Петра Сергеевича... того... на тот свет отправил. Вот я и подумал про следы.

Торт «Сказка» был почти съеден, когда Алексей Ильич, повздыхав, сказал, что пора приниматься за работу. Светлана Ивановна спохватилась – второй раз сегодня приезжий утирает ей нос, и с открытым уроком, и сейчас!.. И что они сидят, в самом-то деле, как будто им заняться нечем?!

Писатель топтался, уходить ему не хотелось, а хотелось ещё поговорить, и жидкости в плоской бутылке изрядно оставалось, что они там отпили-то!.. Галя предлагала Хабарову помощь, он будет из картотеки названия читать, а она с полок доставать, так дело быстрее пойдёт, но Светлана Ивановна не разрешила.

– Ступай на рабочее место, – сказала она тихо, но твёрдо.

– Да ведь нет никого сейчас, Светланочка Ивановна!

– Алексею Ильичу вон Настя поможет. У неё в абонементе до двух точно никого не будет!..

Галя помолчала, круто повернулась и убежала в читальный зал – наверняка плакать от обиды. Хабаров вздохнул и попросил открыть кабинет директора.

– Да он всю жизнь открытый, – удивилась Светлана Ивановна. – Заходите, смотрите, чего вам там надо!

Кабинет был крохотный, окно выходило на ствол корявой яблони, заслонявшей свет. Хабаров щёлкнул выключателем и огляделся.

Письменный стол, занимавший весь проём, к нему торцом приставлен ещё один, поменьше. На стене слева и справа два портрета – Пушкина и Толстого. В шкафу одинаковые тома подряд – энциклопедия Брокгауза и Эфрона, современное издание. Допотопный сейф с исцарапанной дверцей, на сейфе растение «щучий хвост» и розовая пластмассовая леечка.

Хабаров подумал и прикрыл дверь.

...В кабинете ничего секретного быть не должно, но – кто его знает?.. Может, удастся обнаружить нечто, что наведёт на дальнейшие поиски. Эх, Пётр Сергеевич, что именно ты пропустил, где ошибся, почему не предупредил?..

За дверью на крючке висел серый плащ. Алексей Ильич обшарил карманы. В левом обнаружился столбик канцелярского клея, а больше ничего. Хабаров клей забрал.

Никаких сменных башмаков под столом не было, и в шкафу тоже. Светлана Ивановна утверждает, что они все переобуваются на работе, потому что «топят исправно», так куда же делась сменная пара?.. Это важно, учитывая, где именно Джахан нашла след от инъекции.

Хабаров уселся за стол и быстро просмотрел содержимое ящичков. Ничего особенного, всё, как положено для директора тамбовской библиотеки, – методический план на этот год, смета на ремонт отопления, доклад для библиотечной конференции в Судаче, письмо от директора школы с просьбой организовать мероприятие для младших классов. В самом низу обнаружился небольшой картотечный ящик, Хабаров вытащил его и поставил на стол.

...Странное дело. Зачем директору отдельный картотечный ящик?..

Алексей Ильич перебрал карточки. Фамилии абонентов, наименования выданных книг. Подпись Петра Сергеевича Цветаева.

Хабаров, двадцать лет прослуживший на *особой службе*, точно знал, что самый лучший способ получить ответ – это задать вопрос. Не догадываться, не громоздить теорий, не выду-

мывать, а просто спросить. И задать такой вопрос нужно вовремя и так, чтобы никто не догадался, зачем на самом деле он задан!..

Алексей Ильич ещё немного посидел, разглядывая шкафы и стены, а потом поднялся, прихватил ящик и вышел в «абонемент».

– Светлана Ивановна, – громко позвал он, – в кабинете ещё какие-то карточки, это что? Неучтёнка?..

– Господи, какая ещё неучтёнка!.. Где карточки?

– Да вот.

Он водрузил ящик на стол, за которым вчера просидел полдня. Подошла Настя, и Галя, ясное дело, возникла в дверях читального зала. Светлана Ивановна нацепила очки и сунулась в ящик.

– Да это Петрушина картотека!.. А я думаю, что за карточки!.. У него в кабинете своя была! – заговорили они разом.

– Пётр Сергеевич, – объяснила Настя, – некоторых читателей сам обслуживал. У него метода такая была!.. Он говорил – репрезентативная выборка.

– Это что значит? – не понял туповатый проверяльщик из Москвы.

– Ну, он же директор! Ему интересно было, что народ больше читает, исторические романы, классику, или, может, военные детективы! Вот он и завёл отдельную картотеку, для себя.

– Из разных, так сказать, возрастных групп, – подхватила Светлана Ивановна, – и социальных слоёв. У него тут и молодые, и пожилые, и давние читатели, и новые, кто только записался!.. Студенты, преподаватели, пенсионеры всякие.

– А-а-а, – разочарованно протянул проверяльщик. – И он сам им книжки выдавал?

– Ну, когда как! Если был на месте и не занят, то сам и выдавал, и в карточку вносил. А если не мог, я выдавала.

– Так давайте объединим всё вместе, – предложил Хабаров. – А то часть карточек в зале, часть в кабинете, непорядок это.

Светлана Ивановна вздохнула. Как это всё ужасно – чужие люди копаются в Петрушиных карточках, вопросы задают, чувствуют себя в полном праве, хозяевами чувствуют! И никогда, никогда уже не будет так славно и спокойно, как было в библиотеке имени Новикова-Прибоя ещё неделю назад. Тогда, неделю назад, Светлану Ивановну тоже тяготили всякие заботы, на что-то она сердилась, за что-то директору выговаривала – и такое было! – но ей и в голову не могло прийти, что вот-вот всё изменится непоправимо и навсегда. Останется она одна-одинёшенька со всеми заботами, нагрянет проверяльщик, от которого вон Галя совсем разум потеряла, а чего от него ждать – непонятно, вернее понятно, что хорошего ждать нечего, мало ли что он напроверяет!..

Хабаров объявил Насте, что начнут они как раз с директорского каталога, всё же он поменьше, сколько там карточек, от силы пятьдесят.

Он читал названия книг, Настя искала их на полках и показывала Хабарову. Ориентировалась она превосходно.

– Давно работаете? – поинтересовался Алексей Ильич, отмечая в растрёпанном многостраничном списке очередную книгу.

– Да всю жизнь, – сказала Настя и улыбнулась. – В смысле, я всю жизнь библиотекарь!.. А здесь, в Тамбове, уже два года. Я раньше в Северодвинске жила. А потом так надоели мне холода, темень!.. Всё лето в куртке ходишь, как полярник. И я перебралась сюда. Здесь тепло, сады. Яблоки!..

– Яблоки – это да, – глубокомысленно согласился Алексей Ильич. – Ещё картошка тамбовская тоже.

– Наша картошка самая лучшая, – поддержала Настя. – А вы сами откуда? Прямо настоящий москвич?

– Теперь-то самый настоящий! Сколько лет в Москве. А вообще я из Калача. Есть такой город Калач-на-Дону. Дом у нас там, сад, корова, кабанчик, всё как полагается. Сейчас лето настанет, поеду. Я всегда на машине езжу, отдыхаю за рулём. А Дон там какой! Рыбалка какая! Спиннинг забросишь – лещ, другой раз забросишь – щука! Не верите?

Настя засмеялась:

– Верю!

Вся она была ладная, улыбчивая, уверенная – не в пример Гале. Джинсы сидели на ней хорошо, обтягивали так, как надо, и грудь в низком вырезе плотной футболки была литая, крепкая. Сколько ей может быть лет? Тридцать восемь? Сорок?

– Вы ведь из отпуска вернулись, да?

Настя кивнула, лицо у неё моментально посерьёзнело.

– Как только Светлана Ивановна позвонила, я сразу обратно. Что ж я, не понимаю?.. А путёвка... Пропала, конечно, ну и ладно. Не в последний же раз!..

– А где отдыхали-то?

– В Калининградской области, в Светлогорске. Там санаторий Министерства обороны, а я в Северодвинске в военной части служила, мне путёвка каждый год положена.

Между карточками Хабарову попались две плотные глянцевые бумажки. Не вытаскивая их, он посмотрел.

Это были два билета в кино с оторванным корешком.

– Вениамин Каверин, «Два капитана», – провозгласил Алексей Ильич, и Настя ушла за стеллажи. Хабаров сунул билеты в нагрудный карман.

– Каверин, Каверин... Нету. «Открытая книга» есть, а «Капитанов» нету! Должно быть, на руках.

– Должно быть, – согласился Хабаров. – Или похищены! Настя, вы не знаете, кто сочинил «Марш авиаторов»? Ну, вот этот самый – мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор?..

Железо звякнуло о железо – Джахан извлекла пулю и бросила её в металлическую кювету.

– Посуши рану и можно зашивать, Макс.

Шейнерман с осторожной брезгливостью взялся за кривую хирургическую иглу. Он терпеть не мог крови и возни с пострадавшими!..

Джахан проверила пульс и давление раненого и, по очереди оттянув веки, посмотрела в зрачки. После чего стянула перчатки и маску. Паша-Суэта лежал на обеденном столе, застелённом стерильной белой тканью. Над ним была пристроена мощная лампа на суставчатой ноге.

Макс наложил последний шов и погасил лампу. Сразу стало темно, как будто за окнами наступила ночь.

– Сварить тебе кофе?

Джахан повернулась к нему спиной, и он развязал завязки на её халате. Свой Макс развязывать не стал, оторвал завязки, да и все дела. Джахан собирала перчатки, маски, тампоны и халаты в чёрный мешок.

– Сколько он проспит?

– Я думаю, еще с полчаса. Точнее сказать трудно. Нам придётся переложить его на кровать. Со стола он упадёт.

– Давай сначала кофе.

Джахан ушла на кухню. Там полилась вода, зашумела кофемолка и сразу, потеснив запах операционной, свежо и остро запахло кофе. Себе она заварила чай.

Они сидели по обе стороны круглого обеденного стола, одинаково вытянув ноги, прилёбывали из чашек и молча гордились собой и проделанной работой.

– Не сердись на неё, – сказал Макс спустя время. – Она так понимает свою задачу.

– Я не хочу за ней подчищать, – отрезала Джахан. – Это как раз не моя задача!

– Хабаров разрешил ей вмешаться, она так и сделала.

– Она развлекается, а я вынуждена возиться с последствиями её развлечений.

– Джо, сколько лет мы знакомы?

– Пожалуйста, без восклицаний, Макс.

Шейнерман одним глотком допил кофе.

– Даша самая лучшая в своём деле.

– Я тоже самая лучшая в своём. И ты лучший. И Хабаров. Только поэтому мы вместе.

– Только поэтому? – переспросил Макс, и она не стала отвечать.

Они переложили Пащу на диван – он открыл мутные глаза и сразу же закрыл – и разошлись по своим комнатам. Джахан уволокла лампу на суставчатой ноге и горелку. Она привыкла работать чётко и без пауз, вынужденные задержки вроде сегодняшней операции её злили и сбивали с мысли.

...На самом деле девчонка ни в чём не виновата, это понятно. И злится она не на неё, а на Хабарова. Как будто нельзя добыть необходимые сведения быстро и бесшумно!.. Джахан разузнала бы всё и без человека, спасением жизни которого она вынуждена была заниматься два часа подряд. Она вообще предпочитала не связываться с людьми, добывать сведения из документов и... химических опытов! Сейчас ей нужно классифицировать яд, которым был отравлен Пётр Цветаев. Это внесёт хоть какую-то ясность в картину, которая пока никак не складывается. Джахан прикидывала так и сяк, и всё равно ничего не получалось – кому под силу обвести вокруг пальца опытного спецагента? Почему он ничего не заподозрил и не дал никому знать? Где именно спрятано то, что они... ищут? Кто им противостоит? Как это вышло, что Алексей Хабаров не заметил слежки и угодил под стрельбу – в первый же день «полевой» работы?! Что ещё известно противнику об их группе?..

Джахан разложила на столе пробы с приклеенными номерами и настроила микроскоп.

...Дед, университетский преподаватель, мечтал, чтобы она стала юристом или филологом, а бабушка непременно хотела определить девочку во врачи – *самая женская* профессия. Маленькая Джахан любила деда и искренне старалась увлечься языкознанием или законодательной казуистикой, но бабушка, подсовывавшая в нужный момент нужные книжки, в конце концов пересилила, и Джахан поступила на хирургическое отделение. Бабушка была счастлива – в семье растёт талантливый врач! На кафедре Джахан то и дело говорили, что она талантлива. Джахан с блеском окончила институт и ординатуру и защитила первую диссертацию – легко и красиво. В семье немного недоумевали, почему девочка так часто и так надолго уезжает в командировки, но в конце концов смирились, ведь она должна находиться на передовой науки, а не сидеть на одном месте. Девочка на самом деле находилась на передовой, и бабушка так никогда и не узнала, *насколько не женская* профессия у внучки.

...Бедная бабушка.

Впрочем, Джахан никогда ни о чём не жалела.

...Неправда. Вот это неправда. Она жалела, что всё так получилось с Хабаровым. Она запрещала себе вспоминать, и вроде бы получалось, а потом вдруг ловила себя на мысли о нём – и стыдилась, и пугалась, вот уж на неё не похоже!.. Иногда она даже мечтала о машине времени – чтобы вернуться в ту самую точку прошлого и всё там изменить. Переделать. Пережить.

Ну вот опять. Опять она думает о нём!..

Джахан задрала на лоб очки, в которых размечала пробы, и уставилась в микроскоп.

Макс Шейнерман прошел у неё за спиной мимо открытой двери, о чём-то её спросил, она нетерпеливо дёрнула плечом.

Макс посчитал раненому пульс и смерил давление – тот вновь открыл глаза и что-то забормотал. И пульс, и давление были в норме – насколько это возможно, – и Макс вернулся к себе.

Хлипкая книжица кроссвордов, разделённая на отдельные листы, была разложена на столе. Макс пытался найти систему в заполненных и незаполненных строчках.

...Шифр может быть очень сложным – права Джахан. А может быть очень простым – тогда прав Хабаров.

По всей видимости, кроссворды Пётр Сергеевич разгадывал постепенно, не торопясь. Некоторые клетки были заполнены синими чернилами, другие чёрными, а третьи и вовсе карандашом.

Макс открыл толстую линованную тетрадь и стал в столбик выписывать слова – отдельно синие, отдельно чёрные и отдельно карандашные.

«Китобой», выписывал Макс, «чётки», «Маяковский», «шуба», «танго», «вомбат», «аппетит», «гиппопотам», «давление», «сретение», «овчарка», «музей», «логарифм», «засов».

...Система, система. Какая тут может быть система?..

Отдельно он выписал слова, которые в кроссвордах были не угаданы. Почему-то Пётр Сергеевич не стал их вписывать. Почему?..

«Стул», «пенька», «икона», «писатель», «самолёт», «Венера», «телефон», «гаубица», «материализм», «Урал», «мастиф», «липа», «решето».

Он знал, что рано или поздно мозг зацепится за что-то и закономерность станет ясна.

Макс Шейнерман учился в физтехе, и проще всего ему давалась математическая логика. Ему вообще нравились отвлечённости, абстракции вроде «почти периодических функций», и чем сложнее была математическая модель, тем больше Максусу нравилось в ней копать. Отец-физик увлечений сына не понимал.

«Интересно то, что повествует об устройстве мира, – говорил он с воодушевлением, – а ты копаешься в каких-то мёртвых формах!»

«Может, они и мёртвые, – отвечал семнадцатилетний Макс, – зато очень красивые».

«Это красота без души, – горячился отец. – И вообще математика – всего лишь аппарат, прикладная штука. Заниматься ею отдельно от физики смешно!»

Когда Макс увлёкся криптологией, отец вообще перестал его понимать.

«Ты зря тратишь время, – убеждал он. – Ещё возьми за расшифровку египетских иероглифов, пташек этих, лун и пляшущих человечков!»

«Да их расшифровали давно, – с досадой говорил сын, – и нет там ни иероглифов, ни пляшущих человечков, папа!»

«Стул», «китобой», «пенька», «сретение», «чётки», «овчарка», «икона», «писатель», «танго», «аппетит», «самолёт», «музей»...

...Отца убили на даче в Малаховке. Он поехал в пятницу и почему-то без мамы, кажется, ей нужно было к тётке Фуфе. Иногда по пятницам они с тёткой Фуфой устраивали посиделки, это называлось «девичьи грёзы». Мама покупала пару бутылок самого лучшего, самого дорогого порто, Фуфа пекла «наполеон» в «тридцать листов» – пласт теста должен быть настолько тонок, чтобы через него легко читался газетный текст, – а третья подруга, Марочка, готовила кисло-сладкое мясо с черносливом. Они съезжались на Зоологическую к Фуфе, в гостиной накрывался стол по всем правилам, с салфетками в серебряных кольцах, хрусталём и пирожковыми тарелками. На отдельном столике зелёного сукна приготавливалось всё для покера – карты, фишки, мелки. Подруги до ночи играли в карты, а потом садились за стол, и тут, собственно, и начинались «грёзы» – рассказывалось всё, что прожито за то время, когда они не виделись.

Отец уехал один, мама осталась на Зоологической, и нашли его только в понедельник, когда он не явился на работу, пропустив учёный совет, который не пропускал никогда. Стали звонить, искать – и нашли.

«Маяковский», «шуба», «гиппопотам», «давление», «гаубица», «решето», «музей», «материализм», «сноповязалка», «вомбат», «гром», «обобщение», «сретение».

...Говорили, что отец работал с секретными документами и почему-то забрал их на дачу, хотя непонятно, как можно забрать секретные документы на выходные, когда их положено сдавать в спецчасть, и его попросту не выпустили бы с территории института. Говорили, что документы пропали, что из-за них всё и приключилось. Следовательно, грузный дядька, то и дело утиравшийся платком и с присвистом дышавший, задавал какие-то вопросы Макс и матери, соседям, друзьям, коллегам, все отвечали, как могли, и Макс было совершенно ясно, что никого не найдут.

Никого не нашли.

Мама умерла через полгода после отца. Поминали её на Зоологической в той самой гостиной, где происходили «девичьи грёзы». Без Фуфы и Марочки Макс ни с чем бы не справился, они справились за него. Они же заставили его доучиться до диплома, и не просто до какого-нибудь, а до красного, даже огненно-красного!.. Оценки «отлично» были проставлены во всех графах, и внизу мелким шрифтом напечатано: «Спецкурсы – 12, из них «отлично» – 12».

Заниматься наукой Макс не стал – не смог, хотя тётки в два голоса твердили, что он должен, обязан, в память об отце!.. Он нашёл себе совершенно другую службу, преуспел, состоялся, и с тех пор, со времён огненно-красного диплома, никогда не видел ни Фуфу, ни Марочку.

– Сварить тебе кофе?

Макс кивнул, не оглядываясь и продолжая писать.

Когда Джахан принесла чашку и аккуратно поставила на стол у его локтя, он сказал:

– В детстве меня возили в гости к маминной подружке. Окна выходили на зоопарк. И у меня там был знакомый медведь. Если забраться в кабинете на кресло, было видно его вольер. И весной я всегда ждал, когда медведя выпустят на улицу из зимней квартиры. Когда выпускали, у всех был праздник. По-моему, даже торт пекли, когда медведь в первый раз появлялся в вольере, представляешь?

Джахан молчала.

– А в самом зоопарке я ни разу не был. Никогда.

– Ты скоро закончишь?

– Пока непонятно. А у тебя что?

Она улыбнулась:

– У меня химический процесс. Нужно ждать.

И ушла.

Даша явилась под вечер. Вместе с ней явились шум, грохот и запах весенней улицы.

– Это я! – крикнула она с крыльца и втащила в коридор свой самокат. – Хоть бы свет зажгли! Еда есть? Я страшно хочу есть!

Она забежала к Макс, чмокнула его в макушку, потянула за волосы, потрясла за плечи, протянула:

– Бо-оже, сколько ты бумаги извёл!

И пропала с глаз.

– Джо! – закричала она уже из коридора. – Ты спасла несчастного, практически убитого до смерти, или он всё же помер?

– Я жив, – хрипло ответил с дивана Паша-Суэта.

Джахан сказала недовольно:

– Ты очень шумишь.

– Ну и что, я всегда шумлю! Можно подумать, что мы тут в засаде и шуметь нельзя!.. Слушайте, у вас есть что-нибудь? Ну, хоть хлеб и колбаса? Я целый день в поле, а обед когда был!..

– Вымой руки и сядь, – приказала Джахан. – Я тебе подам.

– Да я сама возьму, хотя спасибочки, конечно!.. А где Лёха? Не был ещё?

Она сдёрнула перчатки, надоевшие за день, наспех ополоснула руки, посмотрелась в зеркало с растрескавшейся по углам амальгамой, очень себе понравилась, сама с собой пококетничала, вернулась в комнату, с грохотом подвлокла стул и под села к Паше.

– Пулю вынули? – Он неподвижно смотрел на неё. – Дырку заштопали?

Джахан внесла поднос с расписным чайником, пиалой, лепёшкой и двумя тарелками. На одной был сыр и какие-то травы, а на второй мясо и какие-то другие травы.

– Ты вымыла руки?

– Вымыла, вымыла, – и Даша сунула Джахан ладони. – Можешь посмотреть! А чего это он молчит, Джо? Ему что, плохо?

– Мне хорошо, – сказал Паша.

– Джо, где ты всё это берёшь? Чайники, пиалы? – Даша обеими руками взяла лепешку, откусила и стала с наслаждением жевать. – С собой возишь? Нет, ты скажи! Как вкусно, ужас!.. Лепёшка – ураган! Где они продаются? Я завтра себе десять куплю! И съем!

Джахан вдруг улыбнулась:

– Они не продаются. Я испекла.

Даша вытаращила глаза.

– Да ну тебя, – прохныкала она. – Вот почему ты всё умеешь, а я ничего не умею? Не умею и не успеваю!

– Ты слишком много и громко говоришь.

Джахан налила в пиалу чаю, высоко поднимая и опуская чайник, и ни одна капля не пролилась.

– Мы с ним не беседовали, – сказала она в дверях и кивнула на Пашу. – Мы и так потратили на него несколько часов. Давай сама.

– Ну конечно, сама, Джончик, спасибо тебе! Ты и лепёшки печёшь, и операции делаешь, и в трупах ковыряешься, а я!.. Что я?! Ни-че-го! – И, перегнувшись на стуле, ещё раз крикнула в пустой дверной проём: – Ни-че-го!

Облизала пальцы, отхлебнула из пиалы и зажмурилась.

Паша молча смотрел на неё.

– Может, ты есть хочешь? – спросила Даша живо и опять в дверной проём: – Джо, ему можно есть или нет?! Джо!..

– Я не хочу, – ответил Паша.

– Ну и отлично, мне больше достанется!

И она опять откусила.

– Слушай, – сказала она, поев ещё немного. – Собственно, вопрос у меня один. Кто в последнее время баловался на твоей территории? Здесь, в Тамбове? Кого раньше никогда не видел ни ты, ни твои шестёрки? Можешь сообразить? Или ты ещё под препаратами? Джо! – крикнула она и отхлебнула чаю. – Он сейчас соображает или нет?!

Паша немного пошевелился на диване. Он был по плечи закрыт стерильной тканью, а сверху ещё одеялом. Он опять пошевелился, сморщился, попытался глубоко вдохнуть – ничего не вышло.

– Зачем ты меня спасла?

Даша покрутила в воздухе пиалой:

– Ну-у, для того, чтоб спросить.

– И всё?

– Угу.

Паша смотрел на неё и молчал.

– Ну? Чего? Мне нужно знать, кто прикончил директора библиотеки. Ты знаешь?..

Он покачал головой.

– Зря, выходит, спасла, – заключила Даша.

Она допила чай, встала, сунула руки в карманы, походила по полутёмной комнате, остановилась перед книжным шкафом, почитала названия книжек, чему-то удивилась и пропела:

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

– Кто вы такие? – спросил с дивана Паша.

– Шас! – сказала Даша.

Открыла шкаф, блеснувший пыльным стеклом в свете настольной лампы, наугад вытащила толстый фолиант, плюхнулась в кресло и вытянула длинные совершенные ноги.

– Почитаю пока, – сообщила она Паше. – Отдохну. Забегалась!

– Что это за место?

– Слушай, – сказала Даша серьёзно. – Ну, чего ты как маленький-то? Просто помещение для оперативных нужд. Давай, вспоминай про библиотекаря!.. Ты мне должен.

– Я не знаю, кто его завалил и зачем. Это не наши.

– Понятно, что не ваши, – фыркнула Даша. – Но кто-то же тут крутился у тебя под носом! Тот, кто его убил!.. Не может быть, чтоб твои бойцы тебе не донесли!

Паша закрыл глаза.

– Ты сейчас думаешь или решил поспать?

– А со мной чего теперь будет? – вдруг спросил он, не открывая глаз. – Я тебя наведу, и ты меня тоже завалишь, снайпер?

– Без меня желающих небось полно, – сухо ответила Даша. – А я профессионал. Я просто так, от нечего делать, в гражданских не стреляю.

Тут Паша как-то странно сморщился, закашлял, забулькал, Даша посмотрела на него – смеётся.

– Во дела, – выговорил он наконец. – Во чудеса! Девка из самоката Агафона накрыла, да ещё Тучу! Самого! Из-под огня меня вывезла, а теперь про гражданских втирает!..

– Паш, – сказала Даша, стараясь быть терпеливой. Когда она работала, терпения ей было не занимать, а в разговорах она всегда спешила! – Я понимаю, думать ты не приучен, но всё же не до конца дебил! Соображай быстрее, давай, давай!.. Ты жизнью мне обязан.

– Да лучше б я там сдох! Позора меньше!

– Пожалуйста, без восклицаний, – произнесла Даша любимую фразу Джахан.

Макс Шейнерман возник в дверях, посмотрел на них и пропал.

– Выходит, тебе «язык» нужен, – вновь заговорил Паша. – А с «языками» на фронте разговор короткий. И эту вашу... явку я теперь знаю. По всем статьям хана мне выходит!..

– Да что ты заладил, – рассердилась Даша. – Какой пугливый!.. Ты чего, музейный работник-экскурсовод?! Тебе и так по всем статьям хана выходит, без нас. А тебя я вывезу. Ты мне про библиотекаря расскажешь, и я тебя вывезу куда скажешь.

– Никуда ты меня не повезёшь. В погреб сбросишь, и вся недолга. Я и тебя в лицо знаю, и дом тоже знаю.

– В этом доме через два дня никого не будет. И никогда больше никого из наших не будет. Ты за нас не беспокойся!.. Ты лучше про библиотекаря расскажи.

Паша перевёл взгляд на одеяло. Глаза у него больше не бегали, он смотрел прямо и почти не моргал. Видимо, терпел, и терпеть ему было трудно.

– Из местных в библиотеке не было никого, – наконец произнёс Паша. – Это точно. А мотоциклист какой-то там крутился. Пришлый, не наш. Мне братва говорила, с Ростова кто-то, номера ихние, ростовские. Я проверить не стал. Нам в библиотеках ловить нечего!..

– Тут, Паша, ты не прав, – назидательно сказала Даша. – Если б ты, Паша, в детстве в библиотеку записался и книжки читал, возможно, из тебя вышел бы музейный работник-экскурсовод!.. Куда подевался мотоциклист и как долго он тут крутился?

Паша помолчал.

– Возле киношки старой на той стороне байкеры тусуются. Есть там один, кликуха Борода. Он того мотоциклиста видел, базарил с ним. Найдёшь его, привет от меня передашь.

– Они каждый день там тусуются?

– По пятницам и по выходным.

– Вот и умница, – похвалила Даша. – Хороший мальчик. Куда тебя везти?

Он молча смотрел на неё. Даша скорчила ему рожу.

– Как-то чё-то помирать мне неохота, – вдруг признался он. – То всё до звезды было, а сейчас чё-то неохота.

– Если всерьёз неохота, – сказала Даша, – значит, не помрёшь. А тебя вообще можно возить-то? Или ты по дороге перекинешься? Не знаешь? Подожди, умных людей спрошу!

Она вышла было из комнаты, вернулась, захватила с тарелки последний кусок лепёшки и отправила в рот.

– Джо! – донёсся из коридора её голос. – Джо, а его можно трогать, или он должен лежать?..

Паша закрыл глаза.

Ему было больно везде, и непонятно, где начинается боль, то ли в животе, то ли в спине, то ли в горле. Он сильно мёрз под вытертым байковым одеялом, и от боли и холода мелко, как студень, тряслись и дрожали все мышцы. Мучительно слипались глаза, но он не спал – боялся, что, как только заснёт, его задушат или зарежут и по-тихому закопают под яблоней. Люди, спасшие его от смерти для каких-то своих целей, всеильны и опасны. И эта беловолосая девка с её самокатом – как ловко она его провела, в два счёта!.. В «Тамбов-Паласе», когда она залепила одному в глаз, а второму между ног, стало ясно, что она какая-то непростая и залупается не с дурьей башки, а за каким-то надом, но ему и в голову не стрельнуло, что она... Она...

Да вот – кто она?!..

Снайпер, понятное дело, вон Агафона завалила, и Тучу тоже – Паша даже застонал от отчаяния, негромко, – гараж взорвала, его из-под ментов уволокла, а сама всё в зеркало смотрелась и белые волосы приглаживала, как дурёха малоумная!.. А те двое, что его, Пашу, кроили-резали-шили-зашивали, они кто?..

И что всё это значит? Кто-то, выходит дело, на его, Пашину, землю нагрязнул?.. Инопланетяне, что ль?! Американские шпионы?! Люди в чёрном?!

И что ему делать, если они его всё же не грохнут? Сдать их ментам – у вас, мол, под носом какие-то шпионы завелись?! Чтоб он, Павел Лемешев, менту поганому хоть слово по своей воле сказал – не бывать такому! Тогда что делать?

Братва с ними не справится, хоть всех подними!.. Да и сколько их в городе шурует, непонятно. Тут трое, а ещё сколько?

Паша понимал, что связался с силой, которая превосходит его в сто раз, какое-то странное чувство грызло и мучило его едва ли не сильнее, чем боль. Бессилие, страх и ещё что-то, что определить он никак не мог. Понимал только, он должен их остановить, что-то такое придумать, всё взять на себя, вот только что именно придумать и взять?! Все его враги до сегодняшнего дня были ему близки и понятны – такие же, как он, с тем же оружием, с теми же целями и средствами: подмять, забычить, заставить себя бояться, а следовательно, уважать, принудить платить, кого малую толику, а кого большие куши. Простые, нормальные дела!..

Пришельцы его не боялись. И не уважали. И не презирали за трусость и слабость.

Чихать они на него хотели.

Вот это осознать было труднее всего.

Он им зачем-то понадобился – не ради библиотекаря, ясное дело! – они его ловко выпотрошили, и в смысле пули, и в смысле сведений. Теперь они через него перешагнут и пойдут дальше – по его земле пойдут! – а он ни остановить, ни задержать их не может!..

Он опять застонал.

– Ты чего мычишь?

Паша открыл глаза. Над ним стояла снайперша, белые волосы свешивались.

– Тебе плохо, что ли, или так, от тяжёлой жизни?..

– Чего надумали? – спросил Паша с ненавистью. – Валить меня сейчас будете или когда?

– До чего вы, бандитё, о себе заботитесь, – протянула Даша задумчиво. – До чего себя любите и жалеете!.. Какая у вас у всех душа нежная и слабая, прям фиалковая!..

Он смотрел на неё, даже не моргал.

– Ты, Паш, в людей небось чаще, чем я, стрелял! Крутышкой себя чувствовал! Они-то все слабые, боязливые, на них прикрикнуть погромче, приложить покрепче, а уж если ствол вынуть – тут все от страха описались, а ты полный царь зверей! А как дошло до серьёзного, так одно тебя и волнует, бедняжку, – завалят, не завалят, да когда завалят, да где закопают!.. Ты ещё всплакни.

На пороге показалась Джахан. Вид у неё был недовольный – как всегда.

– Зачем ты ведёшь бессмысленные разговоры? – осведомилась она. – Я позвала Макса, мы сейчас сменим повязку, и ты можешь ехать.

– Мне Лёху нужно дождаться.

– Жди, если нужно. А сейчас иди отсюда.

Даша, которая терпеть не могла крови, бинтов, шприцев, выскочила в коридор, покрутилась немного по дому, посмотрела записи Джахан, чему-то удивилась. Впрочем, в химии она разбиралась плохо, почти не разбиралась!.. Потом читала слова, которые выписывал и расставлял в каком-то одному ему ведомом порядке Макс Шейнерман. Слов было много, и головоломные сплетения и пересечения их напоминали сложный узор.

Ни один из агентов никогда не работал на компьютере – особенно «в поле»!.. Сведения, которые можно было добыть только и исключительно в Сети, добывали только и исключительно в управлении, а потом передавали «дедовским способом» – напечатанными на бумаге. Угроза взлома и утечки информации была куда серьёзней, чем незначительная потеря времени. Большую же часть сведений приходилось держать в голове, не полагаясь ни на какие электронные хранилища.

Когда-то им говорили, что работать они будут только по «аналоговым схемам», и никогда – по цифровым!.. Их и отбирали таких, способных удерживать в памяти гигантские объёмы текста, карты, даты, мелкие факты, детали. В разведшколе время от времени возникали неясные слухи: кто-то сошёл с ума, кто-то всерьёз впал в беспамятство – от перегрузок. Даша после школы точно знала, что выучить китайский язык – плёвое дело!.. Приучить мозг к постоянной бесперебойной работе, натренировать память так, чтобы в нужный момент она выдавала нужные сведения, – трудно, почти невозможно. На переаттестациях самым сложным было сдать «аналитику», как это в шутку называлось, а вовсе не стрельбу и не боевые приёмы!..

Хабаров появился нескоро, Даша соскучилась ждать. Ни Джахан, ни Макс с ней не разговаривали, сколько она ни привязывалась, – каждый сидел, уткнувшись в свой стол. Паша после укола заснул и во сне всхлипывал, метался и сжимал кулаки. Делать было совсем нечего, а Даша любила активные действия, ясную цель. Но до ясной цели – байкера по прозвищу Борода, который вроде бы видел возле библиотеки подозрительного мотоциклиста, – времени было целый вагон, сегодняшний вечер, да и завтрашний день, ведь вряд ли байкеры начинают тусить с утра пораньше! Одна надежда на Хабарова – приедет, задание даст!..

От нечего делать захотелось есть, и Даша вытащила из запасов Джахан ещё одну лепёшку.

...Как это люди умеют такие лепешки печь? Удивительное дело!..

Лепёшка был съедена, пара книжек пролистана – Даша умела читать, именно листая книгу, их так учили, – когда Хабаров бесшумно открыл дверь и возник в коридоре. Даша специально сидела так, чтобы сразу его увидеть.

– Здесь гражданский, – сказала она, не дав ему и рта раскрыть. – Помнишь, ты разрешил мне вмешаться?

Хабаров усмехнулся, через голову стаскивая ремень портфеля. Он и не сомневался, что она «вмешается»!

– У нас в библиотеке имени Новикова-Прибоя полдня все на нервах. Говорят, на улице Максима Горького бандиты друг друга перестреляли. Ужас, что было.

– Ну, не совсем бандиты, но перестреляли, да.

Вышла Джахан, кивнула Хабарову – он, бедный, замер, как суслик, когда её увидел, Даше стало его жалко, – и подбородком показала, куда следует идти. Идти следовало в кухню.

Первым делом Джахан поставила чайник и стала выкладывать на тарелку травы и сыр. Хабаров смотрел, как она выкладывает.

Из сумерек возник Макс Шейнерман и прикрыл за собой дверь.

– Лёш, давай я первая, – начала Даша. – Мне ещё терпилу везти, а я и так торчу тут без всякого дела весь вечер!..

Хабаров кивнул.

– Кто крутился возле библиотеки, он не знает. – Даша махнула рукой в сторону комнаты, где лежал раненый. – Но некий байкер по кличке Борода видел поблизости мотоциклиста. Я завтра найду его и спрошу. В нашей гостинице неделю живут байкеры вроде бы из Германии, и вроде бы они едут на Чёрное море.

– Через Тамбов? – уточнил Хабаров.

– Считается, что они путешествуют по России. Я караулила полдня, но их не было. И «минивэна» тоже не было. При них «минивэн» с механиком!.. И в городе я не видела никаких немецких номеров, так что непонятно, где они.

– Это интересно, – подал голос Макс.

– К церкви, которая на площади, тоже приезжают на мотоциклах. Вроде бы каждый день, но вчера не приезжали, как раз когда я под стрельбу попал, – сказал Хабаров. – Номера У 556 АН и Р 463 КС. Дашка, узнаешь, кто на них катается и как давно.

– Ага. Что ещё?

– Ещё мне нужны сведения вот об этих людях. – Из нагрудного кармана Хабаров извлёк сложенный вчетверо листок в клетку. – У нашего Петра Сергеевича была отдельная картотека, личная. В библиотеке считается, что он так выявлял пристрастия читателей. Здесь список всех, кто был в неё внесен.

Он взял с тарелки кусок сыра и запихнул его в рот.

– Нужно выяснить всё о библиотекарше Анастасии Хмелёвой, – выговорил он, равномерно жуя. – Она была в отпуске, когда директора убили, но вернулась. Я не понял зачем. То ли из патриотических чувств, то ли ещё зачем-то. По её словам, в Тамбове она два года, до этого работала в Северодвинске в военной части. Отдыхала в санатории Министерства обороны в Светлогорске.

– Ещё интересней, – сказал Макс Шейнерман.

– Отпуск у неё пропал, но она не могла не вернуться, когда узнала о смерти директора, версия такая. Я не очень верю, потому что путёвку ей бесплатно раз в год дают, а она библиотекарь на окладе, никак не Ксения Собчак.

Даша просматривала список на листочке в клетку. Макс подошёл, оперся о спинку её стула и тоже стал смотреть.

Джахан налила Хабарову чаю в расписную пиалу.

– Спасибо, – сказал он и улыбнулся. На щеке появилась милая ямочка. – Меня сегодня в библиотеке чаем поили, и я всё время думал. . . Короче, не чай, а вот как будто веник заварили.

– Вероника Гуськова – подруга Паши-Суеты, – подала голос Даша, обернулась к Макс, который был очень близко, и ни с того ни с сего чмокнула его в висок. – Она в библиотеку записана?! Ничего себе! А Никита Новиков – администратор «Тамбов-Паласа». Тоже, выходит, книголюб, маленький милый зайчик! И оба из картотеки директора!

Хабаров внимательно на неё взглянул.

– Установишь, когда они приходили в библиотеку в последний раз.

– А в карточках у них не записано?

Хабаров подумал, вспоминая.

– Записи в карточках ничего не значат! Гуськова приходила всего три раза. Осенью, потом под Новый год и в марте. Новиков ходил регулярно, в последний раз был за десять дней до убийства.

– Ты точно помнишь?..

– Что за вопрос?

Даша кивнула:

– Да, да, понятно, не помнил бы, не говорил. Хорошо, я попробую, Лёшенька. Не сердись, моя дуся!.. Про Веронику мне терпила всё выложит, а зайчика я сама спрошу.

– Вот ещё. – Хабаров аккуратно выложил на стол два билета в кино с оторванным корешком. – Это тоже было в директорском ящике. А вот это, – последовал канцелярский клей, – в кармане плаща. Плащ – единственное, что есть в библиотеке из одежды Цветаева. Ботинок нет, хотя все работники переобуваются. На улице весной грязно, а в резиновых сапогах сидеть – с ума сойдёшь.

Джахан сняла с тюбика длинную, как от губной помады, крышку и внимательно понюхала содержимое. Подождала, прикрыв глаза, и ещё раз понюхала.

– Это клей, – сказала она. – Но на всякий случай я могу сделать анализ.

– На что? – не удержался Хабаров, и она промолчала.

– То есть Цветаев с кем-то ходил в кино, – заключил Макс. – И собирался что-то к чему-то приклеить.

– Не собирался, а приклеил, – пробормотала Джахан. – Клеем пользовались. Видишь, поверхность нарушена?..

– Может, он объявления расклеивал, – предположила Даша. – Ну, если клей был в плаще! Продаётся диван в хорошем состоянии!.. Ходил по Тамбову и расклеивал объявления!..

Джахан всё изучала столбик клея, подносила близко к глазам и поворачивала то так, то эдак.

– Я не уверен, что в кино ходил Цветаев, – усомнился Хабаров. – Почему мы решили, что это его билеты?

– Потому что они были в его картотеке.

– Это ничего не означает.

– Как ещё они могли туда попасть?

– Ну, кто-нибудь из читателей забыл, а директор взял и сунул в ящик. Или они, допустим, туда сами по себе случайно упали, а он не заметил, – проговорила Даша, делая рукой круговые движения.

Они помолчали. Джахан всё изучала клей.

– Если это его билеты, с кем он мог здесь ходить в кино?

– С женщиной, – вдруг сказала Джахан. – И с этой женщиной у него были... доверительные отношения.

Все трое уставились на неё.

– Из чего это следует?..

Джахан аккуратно поставила тубик на стол, вышла и вернулась с тоненьким фонариком в руках. Фонарик горел неприятным синим светом.

Она посветила на столбик клея и показала его Хабарову. Он посмотрел, и Даша подсунулась.

– Клей совершенно новый. Им пользовались один раз. Видишь, на поверхности как будто тонкая сетка?

– Вижу, – буркнул Хабаров, не понимая, при чём тут сетка.

– А-а-а, – протянула Дашка. – Ясненько!..

– Этим клеем заклеивали порванный чулок, – объяснила Джахан. – Чтобы стрелка не поползла дальше.

– Какая, итить твою налево, стрелка?!

– Когда чулок рвётся, капрон начинает распускаться, получается не просто дырка, а длинная полоска. Если дырку помазать канцелярским клеем или бесцветным лаком для ногтей, стрелка дальше не поползёт.

Хабаров переглянулся с Шейнерманом.

– Занятно, – сказал тот.

– Такая тонкая сетка, как на клее, скорее всего означает, что заклеивали именно капроновый чулок. В середине как будто маленькая окружность! Видно, если приглядеться. – И Джахан поводила туда-сюда синим фонарём. – Билеты в кино и клей... в паре означают, что у Цветаева был некий романтический и доверительный интерес. Малознакомому мужчине ни одна женщина не признается, что у неё порвались чулки!..

– Значит, нужно установить женщину, с которой Пётр Сергеевич проводил время, – задумчиво протянул Хабаров. – И раз билеты были в картотеке, выходит, он не слишком ей доверял.

– Почему?..

– Очевидно, что в случае... крайних обстоятельств картотеку проверят первым делом, Даш!.. Если он хотел, чтобы на билеты обратили внимание, оставить их в картотеке – лучший вариант. Макс, у него в доме не было следов женского присутствия?

– Обо всём, что там было, – недовольно буркнул Шейнерман, – я доложил.

Хабаров подумал.

– Даш, расспроси байкера. Может, он не только мотоциклиста видел, но и даму?

Та кивнула, ловко перекинула длинную ногу через спинку стула – она любила сидеть верхом на стульях – и помахала ручкой.

– Я поеду, да? Гражданского забираю, да? Джо, он в машине не перекинется? Макс, ты меня любишь, да?

– Я тебе помогу его дотащить, – сказал Шейнерман, поднимаясь.

– Да ладно, сам дойдёт! Подумаешь!

Они вышли в коридор, и слышно было, как они там препираются. Хабаров посмотрел на Джахан. Он только и делал, что смотрел на неё.

...Он проснулся после наркоза в прекрасном настроении. Там, где он был всё это время – потом оказалось, восемь или девять часов! – ему ужасно понравилось. Там было просторно, светло, и какое-то радостное ожидание самого лучшего. Откуда-то он знал, что здесь ещё не окончательное место, а самое лучшее впереди. Хабаров был там один, но знал совершенно точно, что Джахан видит его и слышит, и он в любую секунду может с ней поговорить – как будто она даже не за стеной, а за тонкой плёнкой, и он просто пошёл вперед, чтобы всё разведать, и эта разведка была нетрудной и нестрашной. Время от времени он окликал её, и она каждый раз отзывалась, а потом сказала, чтобы он отстал, и это было так на неё похоже, что он обрадовался ещё больше. Он не понял, откуда появилась кровать, но сообразил, что должен лечь и спать, и почувствовал, как ему захотелось спать. Он давно не спал – крепко, от души,

хоть из пушки стреляй, как у Христа за пазухой, как Бог в Одессе! Всё больше вполглаза, чутко, нервно. Здесь можно было спать во всю мочь, и ничего страшного не произойдёт, уж такое тут место. Хабаров лёг и уснул, зная, что, когда проснётся, рядом будет Джахан. Он проснулся в прекрасном настроении, и она была рядом. «Сколько это будет продолжаться? – сказала она, едва он открыл глаза и заулыбался от счастья. – Сколько ещё раз тебя будут убивать?» И он очень удивился. Он не помнил, чтобы его убивали.

– Налей мне чаю, – сказал Хабаров громко. Он знал, что она умеет слышать мысли, и не желал, чтобы сейчас услышала. – Что с анализами?

– Нужно ждать. Это химический процесс. Он идёт как идёт.

– Предварительное заключение?

– Я терпеть не могу никаких предварительных заключений.

Он молча взглянул на неё. Что ты будешь делать! В сторону лучше смотреть, в сторону!..

Но Джахан улыбнулась ему. Он не поверил своим глазам.

– Я тебя совсем запугала, – сказала она, и Хабаров чуть не свалился со стула. То есть он даже рукой взялся за деревянные переплетения, чтобы не упасть. – Но я решила, больше ни за что и никогда.

– Понятно.

– Мы сделаем работу, разойдёмся и будем жить, как жили.

– Ты жила хорошо?

Она подумала немного, словно вспоминая, хорошо ли жила.

– Довольно интересно, – наконец сказала она. – И без потрясений.

– Понятно, – повторил Хабаров. И осведомился: – Останемся друзьями?

Тут она растерялась.

...Друзьями? Какими друзьями?.. Такими, как показывают по телевизору в «серьёзных мужских» фильмах? То есть станем что-то такое из себя изображать, ссориться-мириться, встречаться-расставаться, вспоминать-убиваться?.. Они с Хабаровым никакие не друзья и не любовники даже – тем более бывшие!.. Они – единое существо, странный симбиоз, немислимое сочетание. Искусственно созданное, между прочим!.. Когда-то для серьёзного и важного дела понадобился такой странный организм, состоящий из противоположных знаний и несовместимых взглядов, и такой организм был создан – из Алексея Хабарова и Джахан Бахтаевой. Она не может быть ему... другом или подругой.

Вдруг Джахан сообразила, что он, должно быть, пошутил.

– Ты пошутил? – спросила она с подозрением.

Алексей Ильич кивнул совершенно серьёзно.

Они помолчали, потом он попросил:

– Всё же расскажи мне про яд.

– Очень предварительно! Искусственно синтезированное отравляющее вещество с отложенным действием. Первоначальные пробы на распространённые яды не дали вообще ничего. Химический механизм мне пока непонятен, ясно только, что он вызывает паралич сердца. Как-то сложно взаимодействует с другими органами, поражает именно сердце. Пробы тканей других органов абсолютно чистые. Вещество новое, я с ним незнакома.

– Непростые ребята убили Цветаева.

– Непростые.

– И время поджигает.

– Нас всегда поджигает время, Алексей.

Вернулся Макс и сообщил, что Даша уехала и авторитета забрала. Но Хабарова авторитет не интересовал.

– Расшифровка, я так понимаю, ни с места.

Шейнерман моментально вспылил:

– Я делаю всё, что могу. Если этого недостаточно, попроси в управлении, чтобы прислали другого специалиста.

– Щас! – сказал Хабаров на манер Даши. – Как же! Жди!..

За тёмным оконцем по голому саду пробежал ветер, запутался в кустах и сник. Форточка стукнула.

– Весна, – мечтательно проговорил Хабаров. – Пора любви и грусти нежной. И ещё чего-то, я забыл. А, юности мятежной. Значит, у нас четыре направления. Мотоциклисты, которые повсюду. В меня стреляли с мотоцикла, в «Тамбов-Паласе» мотоциклисты, возле церкви тоже. И некий байкер по прозвищу Борода видел какого-то мотоциклиста возле библиотеки. Затем неизвестная женщина, с которой Цветаев ходил в кино и помогал ей ликвидировать дыру на колготках.

– Чулках, – поправила Джахан. – Колготки делают совершенно из другого материала.

– Если предположить, что этой женщине Цветаев не доверял и поэтому оставил нам билеты в картотечном ящике, то можно допустить также, что она имеет отношение к убийству.

– Нет логики, – возразил Макс. – Если Пётр Сергеевич Цветаев ей не доверял, он не подпустил бы её так близко.

– Согласен.

– Не согласна, – возразила Джахан, и они оба на неё посмотрели. – Мы исходим из того, что все его поступки безусловно выверены и логичны. И почему-то исключаем любой сбой.

– Сбой... какого рода?

– Например, он мог влюбиться.

– Агент со стажем? Влюбиться? Так бывает только в кино.

– В жизни тоже бывает по-разному, – отчеканила Джахан, и Алексей Ильич принял её чеканку на свой счёт.

– Яд в ботинок подложить удобней всего близкому человеку, вот это точно. В библиотеке сменная обувь стоит у каждого под столом, и за ней никто не следит, – продолжал Хабаров. – Можно с улицы зайти и сунуть, ничего особенного. Ещё одно направление – фамилии из картотечного ящика. Ясно, что у картотеки было какое-то особенное назначение!.. Она важна. Недаром и билеты в кино Цветаев оставил именно там. Я думаю, имеет смысл проверить всех, но начать нужно, конечно, с Вероники Гуськовой и этого администратора Никиты.

Макс встал, засунул руки в задние карманы джинсов и уставился в тёмное окно.

– Ты что-то хочешь сказать? – не понял Хабаров.

Макс обернулся.

– На твоём листочке записана ещё Елизавета Хвостова. Именно с дамой по имени Елизавета Хвостова я обедал, когда получил... вызов. Она просила меня помочь ей с картиной Бакста.

– Совпадение, – предположила Джахан.

– Я проверю, – возразил Макс. – Лёша, какой у неё адрес?

Хабаров моргнул, вызывая в памяти карточку.

– Улица Луначарского, тринадцать «а». Я согласен с Джо, вряд ли это один и тот же человек, но проверить необходимо. Последняя книга, которую она брала, как раз по искусству.

– Что за книга?

Хабаров опять моргнул, сказал, какая книга, сунул в рот пучок тархуна и пожевал, сделав бессмысленное лицо.

– Джо, если твои химические реакции к утру завершатся, встречаемся в девять у Дашки в номере.

– Я тебя провожу, – неожиданно сказала Джахан.

Хабаров кивнул как ни в чём не бывало, словно это было самым естественным продолжением вечера – Джахан провожает его домой! Макс Шейнерман тотчас же ушёл в свою комнату и плотно прикрыл дверь.

Джахан сунула ноги в остроносые ботинки и нацепила короткую безрукавку, отороченную коричневым тонким мехом.

...Больше никогда в жизни Алексей Хабаров не видел таких красивых женщин – с тех пор как увидел Джахан. Это было много лет назад, и об этом не стоило вспоминать. Он, натренированный на детали, как охотничья лайка на соболя, ни за что не смог бы ответить на вопрос, чем она уж так хороша!.. Всё, что она носила, как ела, как заваривала чай, как молчала, как чеканила слова, казалось ему необыкновенным.

И она отличалась от всех остальных женщин на земле. Была она – и все остальные. Остальные – за границей его интереса и понимания.

...Нет, Джахан он тоже никогда не понимал, но не понимал радостно, с удовольствием, признавая это непонимание, как будто она была высшим существом. Его земным притяжением.

Вот она сказала: я тебя провожу, и он моментально подчинился. Не просто подчинился, а с восторгом и замиранием сердца, можно сказать!..

Они пошли по тёмной улице в сторону церкви, сквозь голые ветки лип просвечивали фонари.

Джахан молчала, и Хабаров молчал тоже. Так они шли довольно долго, а потом она сказала:

– После задания я подаю в отставку.

Хабарову показалось, что на него упала липа. Прямо на голову. Джахан сбоку взглянула на него.

– Я решила, что ты должен узнать об этом первым.

– Спасибо за доверие.

– Ты руководитель группы.

...Зачем я это сказала, пронеслось у неё в голове. Какая разница, руководитель он или нет. Почему меня тянет его бесить?.. Я уже давно должна быть спокойна. Я спокойна с тех пор, как приняла решение, что больше ни за что и никогда. Слишком трудно мне дались все те разы, когда его убивали. Его убивали вместе со мной. Только он выжил, а я нет.

– А... мы? – неожиданно спросил Хабаров, на которого упала липа. – Как же мы... остаемся?

– Не смей говорить мне таких вещей.

И они опять пошли молча.

...Ничего-ничего, говорил себе Хабаров, с натугой волоча за собой свалившуюся липу, как-нибудь. В голове было пусто.

– Я поставлю в известность начальство, как только мы закончим дело.

– Я понял.

– И не осуждай меня.

– Я не осуждаю.

...Он должен осуждать, должен!.. Он должен убеждать, что ее решение глупо, что ей нечем будет заниматься в отставке, никто из них не способен вместо службы выращивать на даче кабачки!.. Он должен орать, что группа сформирована давным-давно, и её реформирование – целое дело, и ещё неизвестно, удастся ли!.. Сколько примеров, когда группы распались из-за смерти или серьёзного ранения одного из членов, потому что оставшиеся не могли найти взаимопонимание с новым игроком!..

...Почему он ничего этого не говорит? Почему молчит и только дышит как-то странно.

– Я тебя удивила? – осведомилась наконец Джахан.

– Несколько, – согласился Хабаров, и это не подходящее ему слово заставило её остановиться и взять его за руку.

– Посмотри на меня, – велела она.

Он посмотрел.

– У тебя оловянные глаза.

– Стекло, оловянный, деревянный, – проговорил Хабаров. – Исключение из правила русского языка.

– Я больше не стану жить придуманной жизнью, Алексей.

– Другой у нас не будет. Неужели ты не понимаешь?.. Это, – он поискал слово, – как монастырь. То есть навсегда. И мы все с этим согласились.

– Много лет назад! – перебила она.

– Много лет назад, – повторил Хабаров. – Возвращайся. Поздно уже, и у тебя там... химический процесс. Он идёт как идёт.

И, высвободив руку, быстро пошёл вперёд. Джахан не стала его догонять.

Хабаров шёл сначала по одной стороне тёмной улицы, а потом перешёл на другую. Пустота в голове отдавалась и резонировала в такт шагам.

...Всё же он жил от задания к заданию, зная, что рано или поздно они встретятся – все вчетвером. В этом был смысл, и в этом была его сила. Он как будто переждал, понимая, что ничего не кончилось. А теперь получается, что кончилось. Джахан так решила. И ей нет дела до Алексея Хабарова, который должен отныне жить как-то по-другому, зная, что его вызовут на задание, а её больше не будет.

Никогда.

Словно она умерла.

Он всегда был уверен, что она не позволит себе умереть раньше его.

Она никогда не позволяла себе пошлостей!..

Он вышел на освещённую синими фонарями площадь. За церковной оградой, словно ледяная, блестела брусчатка. Над чугунными двустворчатыми воротами сиял лик, подсвеченный лампадой. Хабаров остановился и посмотрел на лик. И ворота, и этот подсвеченный лик вдруг показались ему входом в другое измерение. И он, пожалуй, знает, как там – светло, просторно и ожидание хорошего, самого лучшего.

Хабаров обошёл церковь по кругу вдоль решётки. За колоколенкой начиналось тёмное кладбище, каменные кресты угадывались за стволами старых деревьев. В отдалении светилось оконце, должно быть, поп с попадёнкой чаёвничали у себя дома. В зарослях темнели сараи, приульившиеся к белой церковной ограде.

Алексей Ильич почувал неладное до того, как понял, что происходит. Он был очень хорошо подготовлен!..

Пригнувшись, он перебежал освещённое место и оказался в темноте под щелястой стеной сарая. Послышался глухой удар, от которого вздрогнули хлипкие доски, то ли стон, то ли всхлип, и ещё как будто подскуливание. Потом в сарае тяжело заматерились, словно камни посыпались.

– ...твою мать, отвечай, когда спрашивают! Чё он тебе говорил?! Ну?! Память отшибло, так я напомню!

Снова бульканье, всхлип, невнятное бормотание, а потом кашель – страшный, навзрыд.

И другой голос:

– Ты гляди, Серёг, как бы он того... не отъехал.

– Да он здоровей тебя! Хорош прикидываться, дедуля! К тебе сегодня мужик подходил, чужой, не местный! Давай, давай, крути мозгой, вспоминай, твою мать! Чего ему надо было!.. Чего он спрашивал у тебя?!

– Сы... сынки, – прокашлял третий голос. – Забирайте чего есть, только не бейте больше! Больно мне... Не знаю никакого мужика, мало ли их за день подходит... Не помню я...

Хабаров под стеной сарая огляделся по сторонам. Ему нужна палка. Самая обыкновенная палка – хорошо бы, не сразу сломалась.

– Серёг, погодь, говорю, отъедет он!..

– Твою мать, ты ещё!.. Давай, дедуля, бормочи, а то опять больно сделаю! Высокий мужик, куртка нараспашку! Чё он тебе дал?! Чё ему нужно было?!

И снова короткий глухой удар, стон и бульканье.

– Про собачку спрашивал, – прохрипел третий голос. – Как звать...

– Давай собаку сюда! Волоки, сказал! Если ты, дедуля, что следует не вспомнишь, я кобеля твоего прям щас начну на куски резать!

За стеной раздался визг, громкий и страшный, и кто-то взял Хабарова за плечо.

Джахан умела так появляться – словно происходил акт материализации.

Она вопросительно кивнула снизу вверх. Хабаров показал на пальцах – двое. Она кивнула в обратном направлении, утвердительно. Хабаров выломал из куста толстый прут. Быстро и бесшумно они подобрались к хлипкой дверце и стали по разные стороны.

Хабаров прутом сильно застучал по стене. Внутри снова обвалился тяжеловесный мат, и дверь наотмашь распахнулась. На пороге, подсвеченный сзади, возник приземистый качок в куртке с закатанными рукавами.

– Чего тут такое, твою мать?!

Хабаров хлестнул его по лицу. Качок схватился за щёки, остальное доделала Джахан. Алексей Ильич даже не стал смотреть, что именно. Он точно знал, что у него за спиной всё будет сделано чётко и аккуратно.

Он шагнул в сарай, второй попятился от него к стене, зацепился ногой и чуть не упал.

– Ты кто? – спросил он перепуганно.

Хабаров не стал отвечать, ударил два раза. В лицо – от злости, и по шее – чтобы успокоился. Тот закатил глаза, покачался и рухнул ничком.

Давешний дядя Саша, которому Хабаров выгреб из кармана всю мелочь, боком лежал на топчане. Нечесаная борода была залита кровью, рубаха тоже в крови, пятнами. Он с при- свистом дышал и дрожал всем телом. В углу на тряпье валялся пёс, то ли дохлый, то ли оглу- шённый.

– Джо?

– Пусти, я посмотрю.

Она моментально переложил старика на спину, оттянув веки, по очереди посветила фонариком в глаза, задрала рубаху и ощупала рёбра. Старик зашёлся кашлем и стал подтяги- вать ноги к животу.

– Тихо, – велела Джахан. – Тихо, тихо.

– Только не бейте больше, детушки, – прокашлял старик. – Сил нет терпеть, помру...

– Дядь Саш, это я, – сказал Хабаров. – Помнишь, утром?..

Старик разлепил залитые слезами глаза и уставился на Алексея.

– Так ты, выходит, жив, – выговорил старик. – А я думал, прикончили они тебя.

– Серьёзных повреждений нет, – сказала Джахан. – По крайней мере, я не вижу. Рёбра целы. Рука вывихнута. Вот так нажимаю, больно?

– Больно, дочка.

– А так?

– Всяк больно.

– В больницу? – спросил Хабаров у Джахан.

– Сначала я обезболю. Потерпите ещё немного, дедушка. Вот так полежите и подышите, раз-два, раз-два. Лёш, посмотри за ним.

И она исчезла, как и не было её.

Старик на топчане тяжело дышал – раз-два, раз-два. Его мучители лежали у стены параллельно, видно, второго Джахан приволокла с улицы и устроила рядышком, и признаков жизни не подавали.

– По твою душеньку приходили, – проговорил старик с натугой.

– Я понял, понял, дядь Саш.

– Глянь, чего там напарник мой. Убили его?

Хабаров оглянулся на собаку, подошёл и присел на корточки. Пёс дышал мелко-мелко. Как давеча Джахан, Алексей Ильич ощупал грудную клетку, рёбра и лапы. Пёс не шевелился, но дышал. Открытых ран на нём не было.

– Жив, – сказал Хабаров. – Дышит.

– Христом Богом просил, не бейте. Собаку, божью тварь, пощадите. Да разве ж они пощадят?..

Он закашлялся, изо рта пошла кровь. Хабаров подложил ему под голову подушку в ситцевой грязной наволочке. Старик с трудом отдышался.

– А я им, не знаю, мол, ничего, дал мне денежку прохожий и пошёл себе... А они бить, да по зубам прямо. Я, грешным делом, уж решил, что они тебя того... порешили и меня следом отправят.

– Ничего, – сказал Хабаров пустым голосом. – Ничего, дядь Саш, ещё поживём!..

Джахан оттеснила его плечом, закатала деду рукав и аккуратно поставила укол. Разорвалась стерильная упаковка, в сарае запахло антисептиком и как будто йодом.

– Сейчас вот здесь заклеим, а тут перевяжем, – бормотала Джахан успокоительно. – И поедем потихонечку в больницу.

Она положила на кровоподтёк салфетку и сверху залепила пластырем.

– Лёш, помоги мне.

Вдвоём они подняли деда на руки и дотащили до машины, стоявшей возле сарая нараспашку, двигатель работал.

– Собаку-то не бросайте, – попросил дед из салона. – Полечите собаку, досталось ей тоже...

– Я вернусь, – сказала Джахан. – Ты тут... не увлекайся.

– Ну что ты.

Он захлопнул пассажирскую дверь и махнул рукой. Двигатель заработал, и машина стала выбираться из кустов. Хабаров постоял немного, дождался, пока стихнет рычание мотора, и вернулся в сарай.

Один из гопников сидел, свесив голову, и качался из стороны в сторону. Второй по-прежнему лежал.

Хабаров подтащил трёхногую табуретку, как следует утвердил её и уселся напротив. Тот, что сидел, стал загребать ногами и подался от него назад, к стене.

– Не суетись, – велел ему Хабаров.

– Ты... ты кто, твою мать? Откуда ты взялся, твою мать? Тебе чё, больше всех надо? – забормотал гопник дрожащим голосом.

– Как тебя звать-то, урод? – скучным голосом спросил Хабаров.

– Да чё я урод, сам ты урод, мать твою!.. Вали отсюда, паскуда, пока я подмогу не вызвал, – продолжал бормотать тот, как видно, по многолетней привычке. – Не лезь не в своё дело, лезет он!..

– Я лезу? – удивился Хабаров.

Двумя руками, легонько, вскользь он ударил гопника по ушам снизу вверх. Тот моментально выпучил глаза, взвыл и повалился на бок.

Хабаров за шиворот поднял его.

– Кто вас к деду послал? Имя, фамилия! Ну!..

– Моё... фамилия? – прохрюкал гопник, перестав выть. – Или... чьё?

– Кто послал вас к деду, я спросил. Во второй раз спросил. В третий спрашивать не стану.

– Ты погоди, погоди, – заторопился гопник, громко сглатывая слюну. – Я это... я не знаю, по чесноку не знаю! Юрец знает, а я не того, не вкурил. Юрец сказал, старикана одного потрясти треба, и я пошёл трясти. А чего там, кто, не знаю, вот те крест...

– Какой крест! – сказал Хабаров с досадой.

Второй – видимо, Юрец – зашевелился, застонал и перекатился на спину.

Хабаров встал и посмотрел, как там пёс.

Тот по-прежнему дышал мелко и часто, но глаза открыл, и когда Хабаров подошёл и присел, стал косить на него налитым кровью глазом, хрипеть и испуганно загребать лапами, как будто собирался бежать.

Хабаров погладил его по голове, осторожно и легонько.

– Ну, ну, – успокоил он пса. – Сейчас Джо приедет, укол тебе сделает, полегчает! Терпи, парень, ты молодец!..

И вернулся на табуретку.

Юрец поднялся на четвереньки, свесил голову между рук. Дышал он тоже быстро и мелко и дрожал всем телом. Хабаров знал, что ему нехорошо, и хорошо станет нескоро. Через несколько дней ему станет хорошо.

– Слушай, Юрец, – сказал Алексей Ильич. Тот с трудом поднял голову и стал всматриваться в Хабарова. Взгляд у него не фокусировался. – Кто тебя к деду послал? Или ты тоже не вкурил?

Юрец ещё немного покачался туда-сюда, лёг на живот и затих. Носком ботинка Хабаров приподнял его голову за подбородок.

– Не спи, – велел Хабаров. – Рано спать, время детское. Ты отвечай, когда тебя вежливо спрашивают.

– Чё... те... надо?

– Кто тебя к деду послал и зачем?

– Юрец, – заскулил второй, – ты ему лучше скажи, а то он дерётся больно!..

– Подошёл один возле «Тамбовчанки», – захрипел Юрец, косясь на ботинок. – Сказал, нужно дедка тряхануть, который у церкви милостыню просит. Мужик, мол, к нему днём подходил, потолковал и в руку чего-то сунул. Так ферт хотел узнать, чё за мужик, зачем подходил, об чём толковали.

– Денег дал? – осведомился Хабаров.

Юрец мотнул головой – сначала как «нет», а потом как «да».

– Ферт местный или приезжий?

– А хрен его разберёт. Я у него регистрацию не проверял.

– Ты его не знаешь?

Юрец опять мотнул головой.

– Что он ещё сказал?

– Сказал, что найдём в халабуде, то наше. Нищие все богатые, сказал. А я заработать хотел! Главное, сказал, чтоб дедок отдал, что ему тот мужик сунул. А дедок заладил – нету, нету, ничего нету!.. Ну, я и смазал его по роже да по рёбрам...

Он почти просил у Хабарова сочувствия, этот самый Юрец! Он не сделал ничего такого, просто заработать хотел, кто ж не хочет заработать!.. А старик мешал ему, вот и пришлось его поучить, старика-то!

– Где и когда ты должен встретиться с фертом?

– Так завтра в «Тамбовчанке»! Пивка уговорились попить часиков в одиннадцать.

– Ферт на мотоцикле ездит?

– Так ты от него, что ли? – вдруг спросил пронизательный Юрец, сел и взял себя за голову. Кожа на щеках блестела влажным блеском, как жабые брюхо. – А чё тогда нам наваял?

– Я не от него, – пояснил Хабаров. – Я с другой стороны. А вы под Пашей-Суевой ходите?

– Не, мы сами по себе... То есть под Агафоном мы... – заговорили они разом и посмотрели друг на друга. – Только Агафона того, говорят, вальнули. И Пашку тоже, обоих, выходит дело... Теперь беспредел начнётся...

Хабаров молча слушал.

– Отпусти нас, мужик. Чего там!.. Мы на тебя не в обиде, и ты на нас не обижайся. Ну, не поняли друг друга, давай разбежимся, да и все дела...

– Сколько денег ферт отвалил?

– Все наши.

Хабаров, которому они надоели, твёрдой рукой взял Юрца за загривок. Тот захлебнулся и выпучил глаза.

– Ну?..

– По два косаря на рыло.

– Где они? Пропили?

– По косарю только пропили.

– Давай остальные.

– Да ладно те, мужик, ты сам зажиточный, по всему видать, на что тебе наши косарики жалкие...

– Деньги где?

Юрец полез в карман куртки, достал две мятые тысяче-рублёвки. Хабаров выдернул их у него из горсти.

– Вот и хорошо, – подытожил он и спросил в сторону распахнутой двери, из которой тянуло ледяным весенним ветром. – Как дела, Джо?

Она зашла, ни на кого не глядя, в руке у неё был тяжёлый медицинский чемоданчик. Гопники замерли, а потом медленно переглянулись.

– Дядя Саша в реанимации, – сообщила она ровным голосом. – Я вызвала главврача районной больницы, и мы решили, что так будет лучше. Хотя бы под присмотром. Ему капают глюкозу и обезболивающее. Главврач около него подежурит. Я его попросила, и он согласился. Сейчас я должна осмотреть собаку.

Она разложила чемоданчик, достала шприц и сделала укол. Собака вновь забилась, стала выворачиваться, пытаясь подняться, но её не держали ноги.

– По спине били? – осведомилась Джахан, не глядя на гопников.

– Да ничего не били, поддал я ему пару раз, всего и делов. Он в первый-то раз отлетел, вскочил и на меня кинулся, ну, я его тогда снова... Он башкой об угол, а по спине никто его не бил...

Джахан сделала ещё один укол, достала таблетку, глубоко засунула собаке в пасть и придержала челюсти, чтобы не выплюнул. Пёс мотал головой и вырывался, но всё же с усилием сглотнул. Она оглянулась на Хабарова:

– Я привезла тебе документы.

Он кивнул. У них всегда были самые разнообразные документы практически на все случаи жизни – абсолютно подлинные, «белые», легальные.

– Собирайтесь, уроды, – приказал Хабаров гопникам. – Поднимайтесь и пойдём.

– Ку... куда пойдём? – сбившимся голосом спросил Юрец.

– В КПЗ. Или ты думал, в Дом культуры?..

На старомодном тяжеленном телефоне, похожем на полевую рацию, Хабаров набрал номер, сверяясь с засаленной записной книжкой, которую подала ему Джахан.

– Дежурный? – спросил он, когда ответили. – С начальством своим соедини меня сию минуту. Полковник Васильев Олег Петрович говорит, из главка. Ну, ну, добро, добро.

Джахан складывала чемоданчик, пёс встал и, качаясь, подошёл к ней, гопники не отрывали тревожных взглядов от Хабарова.

– Товарищ майор Поликарпов? – полуутвердительно сказал в телефон Хабаров. – Полковник Васильев, да. Я тебе сейчас двоих подвезу, мои орлы их с поличным на твоей территории взяли. Да они давно в разработке у бойцов из наркоконтроля! При них наркота, где ж ей быть!.. Всё по закону, всё для суда, товарищ Поликарпов!.. Жди, сейчас буду по-быстрому.

– Ты чё, мужик? Ты чё? – вдруг на высокой ноте заголосил Юрец. – Какая наркота, какой майор?! Чё мы тебе сделали-то?! Дедку в зубы сунули, подумаешь, не убили же! Ты чё беспредельничаешь?! Чё ты прицепился, клещ поганый!

Хабаров защёлкнул на нём наручники, Юрец вырывался и выворачивался. Второй сам подставил руки и понурился – как видно, соображал лучше подельника.

– Если б убили, я бы товарищу майору Поликарпову вас сдавать не стал, – честно признался Хабаров. – А наркота у вас по карманам.

– Нету у нас никакой наркоты!

– Есть, есть, – уверил Алексей Ильич. – Ты позабыл просто! Закрою я вас от души, а майор Поликарпов меня в этом всячески поддержит!

– Мы готовы, – объявила Джахан.

В одной руке у неё был сложенный чемоданчик, другой она держала пса за загривок. Пёс косился вверх и вбок – на её руку. Джахан была абсолютно спокойна, даже безмятежна, как будто провела вечер в кресле или за письменным столом, в глазах веселье – непостижимая женщина!..

– Двигайте к машине, козлы, – приказал Хабаров гопникам. – Джо, я подсажу собаку в багажник. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...

Макс Шейнерман спал, и ему снились слова. Длинные, короткие, странные и обыкновенные, вписанные в клетки синей шариковой ручкой, чёрной гелевой или простым карандашом. Слов было много.

Потом клетки стали увеличиваться и множиться, обрастать переплетениями прутьев, и за прутьями оказался медведь, которого Макс Шейнерман никогда не видел в зоопарке, только из окна кабинета в гостях у тёти Фуфы. Маленький Макс забирался в кресло – оно крутилось и выворачивалось из-под него, – ложился животом на мраморный подоконник и смотрел в вольер.

Когда медведь выходил из зимней квартиры, был праздник, даже торт пекли.

«Наполеон» в тридцать листов.

Медвежья клетка вновь превратилась в тетрадный лист, и в клетках оказались заперты слова.

«Сноповязалка», «обобщение», «логарифм», «выселок», «телефон», «засов», «гром».

Гром не грянет, мужик не перекрестится. Гром победы, раздавайся. Когда весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом.

Макс открыл глаза.

За окном лило и гремел гром – должно быть, первая гроза в этом году. Утренний свет тихонько колыхался и подрагивал от дождя, и хотелось снова уснуть, и чтоб непременно приснился медведь и кресло тёти Фуфы.

В доме было тихо, только вздыхал где-то вчерашний запуганный пёс, которого привезли Джахан с Хабаровым. Он долго не хотел идти в дом, а когда его всё же уговорили, почти бегом бросился в угол между диваном и книжным шкафом и там остался, сколько его ни звали.

...После работы я вернусь домой и куплю собаку. Не очень большую, чтобы можно было брать в самолёт. И не очень маленькую, чтобы можно было поговорить. Я буду выбирать собаку долго и со вкусом, возможно, даже посоветуюсь с Дашкой. Впрочем, какой из Дашки советчик!..

Думать о собаке и Дашке было приятно.

Макс намеренно усилием воли запрещал мыслям вернуться к тому, что стало ему очевидно ночью.

Он знал, что всё правильно, но сначала он встанет, умоется и выпьет кофе, а уж потом будет проверять. Во всём должна быть система.

Он всегда мылся холодной водой, но в тамбовском «частном секторе» вода была какая-то уж совсем ледяная. Макс сильно озяб и растирался полотенцем до красноты, до боли.

Одевшись, он зажёл на кухне газ, погрел над пламенем конфорки руки и поставил чайник.

Джахан не появлялась, хотя всегда вставала раньше всех.

Макс сварил кофе – зёрна молотись в ручной мельнице, которую он таскал с собой, на чашку холодной воды примерно три большие ложки кофе, так его когда-то научили в Италии, отрезал кусок сыра и задумчиво съел.

...Я прав, прав. Ну конечно, я прав!..

Кофе поднялся коричневой шапкой, и за секунду до того, как закипел, Макс снял его, осадил пену и снова дал подняться. Теперь нужно подождать, пока осядет гуща. Он подождал.

Вот теперь можно пить и проверять любые гипотезы.

Он отрезал себе ещё сыра и забрал кусок вместе с чашкой в комнату.

...Значит, «гром», «засов», «телефон», «выселок», «логарифм», «обобщение», «сноповязалка».

И «вомбат»! Там ещё был «вомбат», вдруг вспомнилось ему.

Всё моментально сошлось, и он поглядел на пирамиду слов.

...Большой шутник был Пётр Сергеевич Цветаев, погибший странной смертью в библиотеке имени Новикова-Прибоя!..

– Макс, сварить тебе кофе?

Он ничего не ответил, разглядывая пирамиду, и Джахан заглянула в дверь.

– Зайди.

Она вошла и встала у него за спиной.

Вдвоём они ещё некоторое время смотрели на пирамиду.

– Поедешь туда? – Джахан кивнула на листок с выписанными словами.

Он кивнул.

– Это прямо по твоей части, – заметила она. – Но всё равно будь осторожен.

Он задрал голову и посмотрел на неё снизу вверх.

– Я всегда осторожен.

– Мне просто захотелось тебе это сказать. Наверное, я старею, Макс.

– Ну. – Он поднялся. – Никто из нас не молодеет. Это было бы странно.

– Я приготовлю тебе завтрак, – поспешно сказала она. – Только дай мне десять минут.

Она вышла, и через некоторое время до него донеслось, как в большой комнате она разговаривает с собакой.

...Никто не молодеет, это точно!.. Что они станут делать, когда их время выйдет окончательно и они больше не будут пригодны для оперативной работы?.. Нет, есть, конечно, некие аналитические отделы, службы сбора информации и всякое такое, где постаревшие агенты находят себе занятия! И что с того? В работе ради заработка ни один из них не нуждался – их долго и тщательно учили преуспевать практически на любом поприще, и Макс точно знал, что сделать какую угодно карьеру совсем не сложно. Есть элементарные законы психологии, и

если их соблюдать, вожаемая карьера, гарцующая в отдалении, как дикая лошадь, быстро окажется прирученной, взнузданной и стреноженной!..

...И всё же. Что они станут делать?.. Звонить друг другу по телефону? Вместе отдыхать в санаториях? Писать мемуары – гриф «Для служебного пользования»?

Почему-то Макс никогда не представлял себе жизнь «после», ему это и в голову не приходило. Как никогда не представлял себе, что с ним будет после смерти родителей!

Они должны были жить вечно – у них не получилось.

– Завтрак готов, Макс.

В расписной пиале была ложка овсянки с орехами и мёдом. На тарелке солёный творог с кинзой и укропом, завернутый в тонкий лаваш. В плошке жареный арахис. В чайнике чай.

Овсянка была воздушна и приветлива, как сливочные июльские облака.

Макс проглотил ложку и спросил:

– Где ты всему этому научилась?

– Бабушка научила, – отозвалась Джахан. – Она считала, что женщина должна уметь всё – и шелка носить, и глину месить. Вот тогда она настоящая женщина!.. И она очень гордилась моей профессией. Считала, что это самое лучшее для девушки.

Макс взглянул на Джахан:

– А какая у тебя профессия? По бабушкиной версии?

Та улыбнулась:

– Я врач, Макс.

– А-а.

В дверях показался пёс, видимо, привлечённый звуками и запахами завтрака. Всем видом он выражал сомнения в том, что его примут и покормят. Опущенный хвост свисал почти до пола и не шевелился.

Джахан положила ему в миску овсянки, а сверху ещё вывалила полбанки тушёнки.

Пёс подошел, понюхал – они наблюдали за ним. Повернулся и посмотрел на них с изумлением. Потом снова уставился в миску. Хвост дрогнул и качнулся из стороны в сторону. И ещё раз, сильнее.

– Мы его смущаем, – сказала Джахан и отвернулась.

Пёс принялся жадно есть. Уши у него вздрагивали, и по бокам как будто прошла волна. Смотреть было неловко, Макс тоже отвернулся.

– Куда мы его денем?

– Хабаров решит, это его собака. Нет, не так. Это собака дяди Саши, и он поручил её заботам Хабарова.

– А есть возможность поручить её заботам дяди Саши обратно?

– Я не знаю, – призналась Джахан.

Они допили чай и разошлись, уговорившись встретиться у Даши в номере, если до вечера ничего не случится.

Первым делом сразу после завтрака Даша на своём самокате угодила в дорожно-транспортное происшествие.

Усатый мужик на «Газели», сбивший её на пешеходном переходе, махал руками и орал как резаный. Даша рыдала и не могла ступить на ногу. Целёхонький самокат валялся рядом. Толпа, моментально собравшаяся вокруг них, попеременно сочувствовала то шофёру – совсем оборзели эти молодые, сами под колёса бросаются, по сторонам не смотрят, небось в телефон пялилась, вот и допялилась! – то Даше – гоняют, сволочи, как хотят, правил никаких не соблюдают, вон и переход для них не указ, а если б коляску с младенцем сбил?!

Приехала патрульная машина, из неё выбрались сержант с лейтенантом и, оглядев зарёванную Дашу, сразу приободрились и заулыбались.

Мужик-газелист по тому, как они заулыбались, понял, что плохи его дела, того гляди срок впают!..

– Да она сама под колёса бросилась, – убеждал он лейтенанта, чуть не плача. – Христом Богом клянусь!.. Не было её, точно не было, и вдруг уже под машиной моей лежит!

– Видеореги́стратор есть? – оглядываясь на красотку, с которой разговаривал сержант, спрашивал лейтенант. Ему хотелось тоже поговорить с красоткой!

– Да какой, в борозду, видеореги́стратор, начальник! – чуть не плакал газелист. – На что он мне, я больше шестидесяти даже по трассе не иду! Не виноват я, ты послушай меня, не виноват! Сама она бросилась! Может, она психическая!

Беловолосая красотка была не похожа ни на какую «психическую», и лейтенант – понятно! – заранее принял её сторону.

– Ладно тебе, дядя! Сбил на переходе человека, так и отвечай по закону. Протокол составим, свидетелей опросим, чего теперь!..

Однако ясное как божий день дело быстро стало выворачивать совсем в другую сторону.

Красотка, усевшись в патрульный «фордик», призналась, что сама виновата. Она всхлипывала, вздрагивала, прятала глаза и говорила, что не может допустить, чтобы из-за неё пострадал человек. Ещё с работы его выгонят, а у него наверняка семья, дети!..

Как же всё произошло? А вот как: она катила себе на своём агрегате по тротуару. Модная штука, в Москве все на таких катаются! И улицу переходить вовсе не собиралась!.. Она по тротуару катила, в правой руке у неё был эспандер – красотка показала зелёный бублик из литой резины. Она всегда ходит с эспандером, чтобы тренировать кисть. Ей важно тренировать кисть, она художник! И этот эспандер у неё как-то выскользнул и ускакал на проезжую часть. Красотка бросилась за ним, а тут дядька на «Газели»! Да он и не задел её, она сама от страха упала, когда увидела, что прямо на неё машина едет! Не виноват дядька, ни в чём не виноват!..

Лейтенант переглянулся с сержантом. Сроду у них таких происшествий не было, чтобы жертва выгораживала виновника!.. Даша покивала – всё, всё правда! Сама виновата!

Лейтенант порывался составить протокол – так положено, нельзя без протокола, – но красотка в два счёта убедила его, что никаких протоколов не нужно, зачем?..

Потом как-то так вышло, что они с сержантом предложили подвезти её до гостиницы, чтоб она джинсы передела – на коленке была дыра. По дороге заговорили о байках, о повальном увлечении мотоциклами, о том, что по весне из-за байкеров этих у патрульных работы прибавляется, и не помогает ничего, ни штрафы, ни агитация, ни плакаты с трупами и горелыми железками – всё равно гоняют, как придурки бешеные, ну и разбиваются, конечно... Красотка сочувствовала – она вообще оказалась понимающей. Лейтенант по гибэдэдэшной базе посмотрел владельцев двух каких-то мотоциклов, она попросила. Сказала, что вот эти гоняют, как беспредельщики полные. Лейтенант, который не мог оторвать от неё глаз и сидел рядом с водителем спиной вперёд, обещал при случае беспредельщиков остановить и прочистить им мозги.

На прощание красотка его поцеловала.

Когда он выволок из багажника её самокат, она трогательным движением заправила за уши белые гладкие волосы, улыбнулась, глядя ему в глаза, чмокнула в щёку и умчалась под шикарные своды «Тамбов-Паласа».

– Яка гарна дывчина, – обиженно сказал сержант, которого не поцеловали и вообще не обращали на него внимания. Он родился в Харькове и время от времени выражался по-харьковски.

Лейтенант потрогал щёку и понюхал ладонь – пахло духами, тонко-тонко.

...Таких девушек показывают в сериалах про несуществующую, выдуманную жизнь. Там в полиции служат дети богачей, деревенские дурнушки получают в мужья миллионеров, лейтенанты ведут допросы в комнатах с зеркальными стенами, а врачи живут в кварти-

рах с кирпичными нишами и хрустальными каминами!.. Там все работают «удалённо» – лёжа на кроватях в немыслимых интерьерах или на пляжах с золотым песком, и работа состоит в ленивом тыканье в компьютерные клавиши. Там все озабочены «стартапами» и «лайфхаками». Там юнцы независимо от профессии и общественного положения носят бороды, узкие брючки и цветастые носки, а девушки... Девушки именно такие, как эта, умчавшаяся в «Тамбов-Палас»! Они красивы несуществующей, выдуманной красотой – сияющая кожа, длинные волосы, совершенные формы. Понятно, что они сказочные существа, миф, придумка!.. Их нельзя потрогать – они моментально испарятся, как сгусток тумана! В детстве лейтенант читал разнообразное фэнтези и всё понимал в сгустках тумана!.. Девушки из сериалов озабочены такими же несуществующими, как они сами, проблемами – недопониманием с состоятельными отцами или женихами, ссорами с подружками-феями, конфликтами с начальниками-злодеями, если у них бывает начальство!..

До сегодняшнего ДТП с усатым газелистом лейтенант был уверен, что волшебные девушки не могут перепрыгнуть из телевизора в реальность, а уж тем более на проезжую часть!.. Не могут просто потому, что их нет, а они, оказывается, существуют...

Вопрос, зачем волшебнице понадобились мотоциклы с номерами У 556 АН и Р463 КС, даже не пришёл лейтенанту в голову!

В холле «Тамбов-Паласа» Даша любовно разгладила дизайнерскую дырку на джинсах – она обожала дырявые джинсы, курточки-бомберы, белые рубахи и крохотные сумочки на широких солдатских ремнях, – пристроила самокат в угол под пальму, уселась за столик и спросила кофе и воду. Местные тамбовские бизнесмены, избравшие холл «Паласа» для деловых встреч – «я тебе полтора центнера подброшу и с поставщиками сам договорюсь, взаимно, а ты мне своего закупщика подгони!» – по очереди оборачивались и подолгу на неё смотрели. Даша закинула ноги на соседнее кресло – чтоб им уж точно было на что посмотреть – и занималась своим телефоном.

Администратор Никита, который сто раз давал себе слово, что не посмотрит в её сторону и которого она притягивала как магнит, подошёл поздороваться.

– Приве-ет, – протянула Даша, едва взглянув на него, и снова уставилась в телефон. – Самокат себе купил?

– Добрый день, – вежливо сказал Никита. – Что-нибудь принести?

– Например, что?

Никита смешался.

– Журналы.

– Все журналы есть в Сети, – объявила Даша. – Слушай, ты в кино любишь ходить?

– Ну... хожу иногда.

– А чего у вас показывают?

Никита пожал плечами:

– То же, что и у вас. На прошлой неделе «Время первых» показывали, про космонавтов. Они там в космос выходили, и один вроде застрял.

– Смотрел?

Никита кивнул.

– Что-то скучно мне в Тамбове, – заявила Даша. – Работать нужно, этюды писать, а мне неохота! Так неохота!.. Может, в кино сходить?..

Никита посмотрел на неё с подозрением. Она приглашает его в кино, или он всё не так понимает?.. Может, опять издевается?..

Даша сняла ноги с дивана и великодушно разрешила:

– Садись.

Никита оглянулся на конторку, где в одиночестве маялась Алина.

– Нам не положено...

– Да ладно! – не поверила Даша. – Персоналу не положено выполнять просьбы гостей?! Дайте жалобную книгу! Садись давай.

Никита опустил на диван напротив неё.

Хорошо бы управляющий не нагрязнул, объясняй ему потом про жалобную книгу и просьбы гостей!

– Слушай, ты мне расскажи, как вы вообще тут живёте, – начала Даша. – Я же художник! Как я напишу правдивую картину из жизни русской провинции, если я ничего не знаю! Вот ты. Ты что делаешь? Ну, на работу ходишь, стоишь за прилавком своим, как дурак, а ещё что делаешь?..

– Почему как дурак-то? – тихо спросил Никита, доверчивый маленький зайчик. – Между прочим, хорошая работа, такую трудно найти, особенно у нас. А я нашёл! У меня английский, я в спецшколе учился.

– Ну ладно, не как дурак! А ещё что делаешь? Кино про космонавтов смотришь? Может, в библиотеку записан?

...Она была очень хорошо подготовлена и уловила, почувяла секунду, когда он дрогнул. То ли испугался, то ли изумился. Внешне это никак не выразилось, он по-прежнему сидел на краешке дивана и смотрел на неё, но что-то изменилось.

Даша обращала внимание на свою интуицию и никогда её не игнорировала.

– Записан, – сказал Никита. – Ну и что? Нельзя?

– Да ладно тебе, я просто так, – быстро ответила Даша. – А что, у вас хорошая библиотека?

Он пожал плечами и поднялся:

– Обычная.

– Стой, стой, куда помчался-то! – Даша потянула его за рукав. – Давай вместе сходим!

– Куда? – не понял Никита.

– Ну, в эту библиотеку твою! А что такое? Я посмотрю, какие люди там работают, кто за книжками приходит, а потом напишу картину «Будни тамбовской библиотеки»! А?..

Он молчал.

– Или ты просто так сказал, что записан, а сам не ходишь? В последний раз был, когда в школе учился?

– Недавно был, – возразил Никита. – Там директор помер, я с тех пор не ходил.

– Да ладно! А отчего он помер? От старости? Слушай, ну, давай правда сходим!.. Я себя буду прелестно вести, вот увидишь, а ты потом всем расскажешь, что я тебя на свидание пригласила!

И она засмеялась, а Никита тяжело покраснел.

– Когда двинем? Ты сегодня работаешь, тогда завтра, да? Да?! Часов в одиннадцать заходи за мной!

Никита кивнул и вернулся за конторку.

– Что ей нужно? – не поднимая головы от бумаг, спросила Алина.

Никита покосился на неё:

– В библиотеку. Она хочет, чтоб я сходил с ней в библиотеку.

– Странно, – прошелестела Алина и больше ничего не добавила, потому что столичная художница выбралась из кресла и подошла к конторке.

– Слушайте, ребята. – Она понизила голос. – А эти ваши немцы на мотоциклах съехали, что ли, я не поняла?.. Я же хотела с ними покататься!

– Здесь они, не съехали, – сказал Никита. – Они за городом на полигоне гоняют. Там специальная трасса для мотоциклистов проложена, горки всякие, препятствия!.. Вечером возвращаются.

Вчера, доставив Пашу-Суету в какую-то бандитскую «малину», как Даша определила для себя дом-развалюху в близлежащем селе, она вернулась в гостиницу, и никаких мотоциклов не было на стоянке. Получается, немцы гоняют на полигоне до поздней ночи и в полной темноте, что ли?

... Не сходится.

Или Никита, маленький милый зайчик, что-то скрывает?

Нужно было сообщить информацию о владельцах тех мотоциклов, что Хабаров видел возле церкви и которых Даша установила, свалившись под колёса «Газели» – хорошо, что джинсы убергла, они были совсем новые, дорогие!

Из номера она позвонила в библиотеку имени Новикова-Прибоя, представилась секретаршей хозяйственного управления Минкульта и спросила Алексея Ильича. Когда того позвали, она сказала: «В почтовом ящике у ворот, минут через пятнадцать», – и положила трубку.

Через пятнадцать минут она притормозила возле библиотечного забора, кинула в зелёный, изъеденный ржавчиной ящик с надписью «Почта» сложенный вчетверо листок, вскочила на самокат и помчалась дальше, напевая себе под нос:

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Хабарова повеселило, что горшка с геранью не было на библиотечном крыльце, должно быть, Светлана Ивановна всё-таки «приняла» его от греха подальше. Дверь была подпёрта старинным чугунным утюгом, в который для разогрева надо насыпать угли.

Хабаров полюбовался на утюг и решил, что сбрасывать его с крыльца не станет.

– Девушки! – позвал он, проскрипев дверь. – Это я!..

По раннему времени в библиотеке было пусто, а «девушки» чаёвничали на вчерашнем месте, и писатель Мурашов-Белкин при них, как будто и не расходился!..

– Мы вот с Юрием Григорьевичем план на лето согласовываем, – с ходу начала Светлана Ивановна, чтобы московский проверяльщик не заподозрил их в тунеядстве. – Летом работу проводить трудно, дети кто на участках, кто в лагерях, и взрослых не собрать. У нас всегда эти вопросы Петя решал, Пётр Сергеевич, а теперь вот самим приходится.

– Садитесь, Алексей Ильич, – сияя, пригласила Галя. – Вам чайку чёрного или зелёного? Или, может, кофе? Вон печенье есть, и запеканка творожная, я сама пекла...

Хабаров выбрал чай зелёный, сунул в кружку пакетик, намотал нитку на ручку, и Галя налила кипятку. Пакетик всплыл, нитка размоталась, и картонный хвостик оказался в чае. Хабаров стал его вытаскивать – сначала мизинцем, но было слишком горячо, и он схватил ложку. Галя ахала и сокрушалась, говорила, что она во всём виновата. Настя Хмелёва улыбалась, писатель молча жевал запеканку, Светлана Ивановна вздыхала.

Хабаров выловил пакетик, как следует отжал его в чашку – чтоб ни капли заварки не пропало – и объявил, что работа почти закончена и он вскоре поедет в Москву.

– А директорствовать кто у нас будет?

Хабаров сказал, что не знает, хозяйственное управление, мол, директоров не назначает.

– Хоть бы Светланочку Ивановну оставили, – сказала Галя и стрельнула в Хабарова глазами. – А то ведь назначат... невежду, как вон в ТЮЗ назначили!.. Теперь одни водевили ставят, а раньше какие спектакли были!..

– Истребляют потихоньку культуру, – подал голос писатель. – И ведь как взялись! По всем фронтам. Со школьников начали, сочинения отменили, экзамены отменили, тесты какие-то назначили! Потом театры, библиотеки под нож пошли, скоро до музеев доберутся. Картины все распродадут за границу, а помещения под супермаркеты пустят. Десяток-другой лет, и всё, вымрет великая Россия. Вон Моршанск уж почти вымер, я оттуда родом, всё детство там прошло. А сейчас гляньте, что там творится! Алкоголизм, безработица, наркоманы!

– Что-то уж больно мрачно, – заметила Светлана Ивановна.

– Да не закроют нашу библиотеку, – пробормотала Галя. – Что вы, сколько народу к нам ходит... Как вы думаете, Алексей Ильич?

– Вот я в московском ТЮЗе «По щучьему веленью» смотрел, до сих пор помню!.. Это сколько ж мне тогда было? Ну, девять, не больше!.. А помнится же!.. Нас родители из Калача на экскурсию привозили. Там Третьяковка всякая, Царь-пушка, пятое-двадцатое. И в театр ходили! Ох, сильная вещь была!..

Настя засмеялась.

– Вот «По щучьему веленью» всё теперь и выходит, – распалился писатель. – Емеля на печи лежит, а печь его везёт, и куда привезёт – большой вопрос.

– Так ведь искусство! – возразил Хабаров. – Вас в детстве в театр водили, товарищ писатель? Нравилось вам?

– В Москве бывать не приходилось, мать одна меня тянула, не разгуляешься. А тут, в Тамбове, ходили с классом, конечно...

– Сказки смотрели? – привязался Хабаров.

– Ну, и сказки тоже.

– А какие, какие?

Писатель вздохнул, вспоминая.

– Про кота в сапогах, – признался он. – Такой был кот роскошный, а усищи!.. Я тогда по малолетству думал, что он настоящий. И на двух ногах ходит, и разговаривает человеческим голосом.

– Ну вот и выходит, хорошо, что сказки ставят! Или плохо?

– Да я про другое говорю! Галя, положи мне ещё запеканочки. Я про то, что гибнет культура и вскоре совсем погибнет!..

– Да нууу, – протянул Хабаров. – Вот Светлана Ивановна и девочки не дадут ей пропасть. А? Не дадите?

Настя опять засмеялась. А Галя вздохнула – уж больно ей нравился московский проверяльщик. Руки какие – сильные, красивые! А волосы – густые, чистые, как будто золотые искры переливаются, или, может, выгорели так! И глаза – ясные, весёлые, а уж как улыбнётся, пиши пропало. Ему бы артистом быть, чтоб по телевизору показывали, а он в хозяйственном управлении!..

– Я в пол-одиннадцатого, – сказал Хабаров Светлане Ивановне, – отойду ненадолго по делу. Может, Настя с Галей за меня продолжат? Вы уж сделайте милость, помогите, девушки. А я вернусь и подключусь.

– Я с удовольствием! – пискнула Галя.

Светлана Ивановна пожала плечами:

– Да, пожалуйста. Всегда рады.

– Что же запеканки-то не покушали, Алексей Ильич? Я пекла, старалась. Пётр Сергеевич мою запеканку очень любил.

– Он же один жил, да? – спросил Хабаров. – Сам себе и готовил, и стирал, и убирал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.